

ISSN 0132-1366

№ _____
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
Г. _____

СЛАВЯНО · ВЕДЕНИЕ

1999

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

2
1999
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

СТАТЬИ

К юбилею В.Л. Янина	3
<i>Литаурин Г.Г.</i> (Москва). Варяги и византийка	4
<i>Флоря Б.Н.</i> (Москва). Князь, Новгород и веса и мерил на Новгородском торгу	7
<i>Мельникова Е.А.</i> (Москва). Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах	10
<i>Беляев Л.А.</i> (Москва). Об источниках иконографии "Гроба Господня" в новгородской пластике XIII–XV веков	16
<i>Петрухин В.Я.</i> (Москва). Гостомysl: к истории книжного персонажа	20

* * *

<i>Мошкова Л.В., Турилов А.А.</i> (Москва). Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (канон Климента Орхидского на Успение Богородицы)	24
<i>Гордеев М.Ю.</i> (Минск). Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя	37
<i>Синьорини С.</i> (Флоренция). Образ Рима и Италии в произведении Григория Скибинского (XVII–XVIII вв.)	48
<i>Игумен Иннокентий (Павлов).</i> (Москва). Slavia Orthodoxa в XVIII–начале XIX века и церковно-учительские труды св. Софрония Врачанского	60
<i>Ефимова В.С.</i> (Москва). О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке (к постановке вопроса)	67

СООБЩЕНИЯ

<i>Васильев М.А.</i> (Москва). Канун крещения Руси: "проводы–похороны" киевских кумиров Перуна и Волоса	79
<i>Медведева К.Т.</i> (Москва). Венский мир и предпосылки создания сословной Конфедерации 1608 года	85
<i>Ломаджистро Б.</i> (Урбино). Понятия "языка" и "правоверия" в понимании Матфея Карамана	93

<i>Казакова И.О.</i> (Москва). Некоторые наблюдения над ономастикой в югославских народных песнях XVII–XVIII веков	98
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Молчанов А.А.</i> Л.А. Беляев. Древние монастыри Москвы (конец XIII–начало XV в.) по данным археологии	105
<i>Софронова Л.А.</i> М. Плюханова. Сюжеты и символы Московского царства	109
<i>Броджи Беркофф Дж. А.С.</i> Мыльников. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII в.	111
<i>Турилов А.А.</i> Л.В. Заборовский. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в. Документы. Исследования	117
<i>Федорчук А. М.</i> Фрейденберг. Очерки истории балканского еврейства. Я – историк	120

PERSONALIA

К юбилею А.Г. Широковой	122
-------------------------------	-----

НЕКРОЛОГИ

Лев Валентинович Заборовский (1930–1998)	124
Памяти Мирослава Янакиева	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Адельгейм И.Е., Белова О.В.,
Васильев М.А.,
Веслова И.Ю., Кошкина Е.А.*

К юбилею В.Л. ЯНИНА

Авторы публикуемых ниже статей, посвященных семидесятилетию Валентина Лаврентьевича Янина, далеки от мысли перечислить его заслуги перед исторической наукой в целом и славистикой в частности – для этого необходимо уже не одно монографическое исследование. Благодаря его трудам археология, нумизматика, сфрагистика, традиционно именуемые "вспомогательными историческими дисциплинами", стали теми отраслями исторического знания, которые определяют новые подходы к историческим источникам в самом широком смысле. Главной любовью Янина остается Новгород – возглавляемую им экспедицию, ежегодно приносящую массовые свидетельства о жизни средневековой Руси, с полным основанием можно считать научным подвигом целой школы исследователей. Город, возникший на самой периферии славянского мира, оказался вечным центром славянства – и славистики: его основатели, сохранившие праславянское имя – *словене*, сохранили и свидетельства этноязыковых связей со славянским миром: эти свидетельства доставляет язык берестяных грамот (в их исследовании активное участие принимает А.А. Зализняк). Новгородские берестяные грамоты не просто расширили диапазон наших познаний о средневековом мире – они заставили по-иному смотреть на этот мир. Берестяные документы не оставляют возможности для историков следовать устоявшимся представлениям: летом 1998 г. вышло уже третье издание книги Янина "Я послал тебе бересту", и это произошло как раз накануне очередных сенсационных открытий нового археологического сезона. Новгород был не только хранителем древних традиций – он был проводником инноваций, в том числе и тех, что шли по пути из варяг в греки, из Ганзы, был окном в Европу задолго до Петербурга. Предлагаемые статьи касаются разных аспектов культурной жизни Новгорода и средневекового мира – от Скандинавии до Византии. Авторы и редколлегия журнала будут с нетерпением ждать новых исследований юбилея.

© 1999 г. Г.Г. ЛИТАВРИН

ВАРЯГИ И ВИЗАНТИЙКА

Предмет моего краткого сообщения – необычный для наших познаний о нормах общественной жизни в первой трети XI в. эпизод, дающий некоторое представление о характере отношений наемников-варягов, служивших в византийской армии, с жителями провинций в условиях мирного времени. Содержание известия об этом эпизоде таково, что оно может быть, по-видимому, адекватно истолковано лишь при участии специалиста по византийскому (а также скандинавскому и древнерусскому) праву. Поэтому я не претендую на исчерпывающий анализ соответствующего текста источника. Моя заметка является скорее обращением к правоведам обратить на данный казус свое просвещенное внимание.

Согласно сообщению Иоанна Скилицы, в апреле 1034 г. (2-го индикта 6542 г.), вскоре после умерщвления Романа III Аргира и последовавшего в тот же день (11 апреля) воцарения Михаила IV Пафлагонянина, пришлось срочно улаживать дела с патриархом Константином Далассином, отказавшимся признать нового императора: патриарх после переговоров получил титул анфипата и богатые дары и поклялся в верности Михаилу IV [1. Р. 390–394]. "В том же году, – продолжает Скилица, – случилось и другое нечто, достойное упоминания: «Когда один из расселенных в феме Фракисии для зимовки варангов¹, обнаружив в пустынном месте местную женщину, посягнул на ее целомудрие, и после того как она не согласилась, а он уже к силе прибегнул, она, извлеки кинжал мужа, ударила варвара в сердце и убила наповал. Когда же весть о случившемся разнеслась в округе, варяги увенчали (στέφανοῦσι) женщину, отдав ей и все имущество (τῆν ἄττασαν οὐσίαν) насильника, а того бросили без погребения, согласно закону о самоубийцах» (κατὰ τῶν βλοβάτων τὸν νόμον)" [1. Р. 394, 70–77].

Фема (военно-административный округ) Фракисии занимала прибрежные районы запада Малой Азии, на севере – примерно от мест, лежащих против о. Лесбос, на юге – до фемы Кивирреотов (район Милета). В феме Фракисии, как и в ряде других (Халдия, Ивирия, Телух), отряды варягов (возможно, и русов: они часто служили вместе) были размещены на зимовку скорее всего в сельской местности (либо в домах крестьян, несших повинность постоя, либо в зимнем лагере, разбитом самими варягами близ какого-то местного поселения, что также не исключено, так как в указанном регионе зимы не слишком суровы).

О каком имуществе убитого могла идти речь? На широко известной иллюстрации к процитированному месту в Мадридской рукописи Скилицы варяги подают женщине одежду. Может быть, и одежда представляла собой в данном случае и для данного времени отнюдь не дешевое имущество: по договору 911 г. русских с греками, с несостоятельного должника могли снять "и ты самыя порты, в них же ходить", в зачет

Литаврин Геннадий Григорьевич – академик РАН.

¹ В ряде рукописей вместо этого слова стоит Φράγγων.

долга [2. С. 7]. Но речь идет у Скилицы обо "всем имуществе", т.е. возможно – обо всем, что имелось у варяга при себе в месте постоя и могло содержать не только личный походный скарб, но и деньги (плату за службу), и военную добычу (?). Все это соратники убитого могли принести женщине. Согласно тому же договору 911 г., имущество умерших (и погибших) в Византии русов надлежало в качестве законного наследства "възвратить... к малым ближникам в Русь" [2. С. 9], т.е. семье покойного на его родине.

Однако обстоятельства смерти варяга поставили его вне закона, и эта норма в данном случае, по моему мнению, не соблюдалась (его труп был брошен боевыми товарищами без погребения).

Как известно, в Византийской империи не существовало специально разработанных норм права, которые должны были регулировать отношения между византийцами и иностранцами, оказывавшимися по разным причинам в пределах империи. В редких случаях эти нормы устанавливались межгосударственными договорами, в которых достигался некий компромисс: часть принимаемых сторонами в качестве руководящих юридических принципов заимствовалась из римского (византийского) права, а часть – из права, которое действовало в стране, заключающей с империей договор. Примером этого и являются договоры русских с греками 911 и 944 гг.: конфликтные ситуации должны были находить разрешение отчасти по законам империи, а отчасти – по "русскому закону" ("покону").

В сообщении Скилицы я бы выделил три момента, не всегда, на мой взгляд, по достоинству оцененные в историографии. Во-первых, следует, видимо, признать, что среди служивших в XI в. в Византии наемников (варягов и русов) поддерживалась железная дисциплина и солидарная ответственность за поведение всех соратников в их отношениях с подданными империи. Помимо бесспорных профессиональных качеств, выдвинувших русско-варяжский корпус в число наиболее боеспособных частей византийской армии, не малую роль играли также, как я теперь осмеливаюсь утверждать, дисциплинированность и законопослушность этих наемников в их контактах с местными жителями. С нарушителями "кодекса воинской чести" они, как видно, были готовы расправляться немедленно сами в собственной среде².

Во-вторых, заслуживает особого внимания поведение варягов в отношении женщины (несомненно, простолюдинки, скорее всего – местной крестьянки), сумевшей в порядке самообороны, убив насильника его же оружием, отстоять свою честь. Известны суровые законы империи и против изнасилования и против убийства. В соответствии с ними (но в результате официального судопроизводства) женщина также могла быть оправдана. Важно, однако, не то, что варягам – соратникам убитого невинность женщины была ясна само собою, и даже не то, что они отдали ей имущество покусившегося на насилие. Важно, что они возложили на ее голову венок, преклонившись перед ее мужеством и доблестью.

Обычно полагают, что рыцарский культ служения прекрасной даме возник на Западе накануне или в эпоху крестовых походов и лишь затем проник в Византию. Рассмотренный эпизод способен, кажется, скорректировать эти суждения. Мне представляется, что в данном случае речь идет не только о положении женщины в средневековом обществе (эта сторона дела, во всяком случае для Скандинавии и Руси, изучена как будто достаточно основательно: см., например, [4; 5³]) – речь идет о приверженности суровых воинов к таким высоким нравственным принципам, свидетельства о которых для XI в. крайне редки, тогда как в действительности они уже успели стать нормой поведения.

² О дисциплинированности варягов в связи с этим эпизодом и их "благородстве и справедливости" пишут также С. Блондаль и Б. Бенедикц [3], приписывая заслугу соблюдения этих заповедей варягами, пользовавшимися тогда не слишком высокой моральной репутацией, их предводителям (если не Гаральду Гардрату, то Эйлифру). Пользуюсь случаем выразить благодарность Г.В. Глазыриной, предоставившей мне ксерокопию соответствующих страниц этой недоступной мне книги.

³ Благодарю за эту справку Е.А. Мельникову.

В-третьих, однако, форма рассказа Скилицы заставляет воздержаться от каких-либо широких обобщений об отношении к женщине в империи в целом и о благородстве воинов ее войска. Нельзя не заметить, что сам хронист не скрывает удивления по поводу происшедшего: именно поэтому он считает "достойным упоминания" – наряду с описанием крупнейших событий истории империи – поведать в своей хронике и об этом поразившем его воображение неординарном, но в сущности мало значимом, местном эпизоде. По всей вероятности, продемонстрированная варяжскими наемниками на практике приверженность высоким нравственным принципам показалась и рядовым и образованным представителям византийского общества явлением совершенно исключительным.

Следовало бы попытаться выяснить, в соответствии с какими нормами обычного права поступили варяги – с известными в империи (где, кажется, казус подлежал рассмотрению в официальном судебном порядке) или же – с принесенными "варварами" со своей родины...

Или же, наконец, поведение варягов – всего лишь следствие хорошо усвоенного ими горького урока, полученного четверть века назад на Руси, хотя и не в пустынной местности, а в самом Новгороде. Повесть временных лет сообщает под 1015 годом, что княживший там в то время Ярослав нанял варяжскую дружину для борьбы за киевский престол, но "варязи мнози... насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворе Поромони..." [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973.
2. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. М., 1952.
3. Blondal S., Benedikz B. The Varangians of Byzantium. New York; London, 1978. P. 63.
4. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
5. Jesch I. Women in the Viking age. Woodbridge, 1991. P. 124.
6. Повесть временных лет. 2-е изд., исправленное и дополненное. СПб., 1996. С. 62.

КНЯЗЬ, НОВГОРОД И ВЕСА И МЕРИЛА НА НОВГОРОДСКОМ ТОРГУ

В своей работе "Новгородские посадники" В.Л. Янин рядом новых аргументов подтвердил мнение С.В. Юшкова, что при составлении в Новгороде, вероятно, на рубеже XIII–XIV вв. так называемого "Устава Всеволода" был использован более древний новгородский документ, составленный в начале XIII в. [1. С. 89–93]. По этому документу князь передал "епископу и старосте иваньскому и всему Новоугороду мерила торговаа: скалвы воцаныи, поуд медовыи, гривенку роублевою и локоть еваньский" [2. С. 155].

"Скалвы" – это так называемые равноплечные коромысловые весы, введенные в Новгороде вместо старых весов – "пуда": об этом говорится в договоре Новгорода 1262–1263 гг. с немецкими городами [3. С. 143–149]. Наименование "воцаные" означает, что на этих весах взвешивался воск – один из главных товаров русской экспортной торговли. Особые весы для взвешивания воска были и в других древнерусских городах, например в Полоцке (согласно полоцко-ливонскому договору 1338–1341 гг.), где также воск взвешивался на особых весах, – "скалвах" – вместе с металлами – медью и оловом [4. № 4. С. 39].

"Пуд" – неравноплечные коромысловые весы, определение "медовый" говорит о том, что на этих весах взвешивался мед.

Термин "гривенка рублевая" в других древнерусских текстах не зафиксирован. Вероятно, здесь имеются в виду особые весы для взвешивания драгоценных металлов. Такие весы были в Полоцке. В договорах Полоцка с Ливонией они именуются "серебряными" [4. № 30. С. 87; № 35. С. 96]. Упоминание в Новгородской I летописи под 1200 г. в числе убитых "Страшка серебряника весця" [5. С. 45] говорит о существовании таких весов и в Новгороде.

"Локоть еваньский" – эталон для измерения тканей, прежде всего ввозившихся в Новгород западноевропейских сукон. Один образец такого эталона с надписью "святого еваньского" был найден при раскопках в Новгороде в 1951 г.

Их передача означала, что весы и мерила от княжеских чиновников переходили в руки представителей Новгорода. В пользу Новгорода должны были поступать и доходы от пошлин, взимающихся при взвешивании или измерении товаров. В так называемом "Рукописании Всеволода" – новгородском памятнике конца XIV в. отмечено, что из пошлин, взимающихся при взвешивании воска, князю поступало 25 гривен серебра "через год" [2. С. 162].

В "Уставе Всеволода" подчеркивалось, что епископу, "Иванскому сту" – объединению новгородских купцов и Новгороду в лице новгородских сотских передаются "торговья вся весы, мерила", "всякая известь, иже на торгу промеж людьями" [2.

С. 156]. Однако есть серьезные основания сомневаться в правильности этих утверждений. Так, обращает на себя внимание отсутствие в перечне упоминания особых весов, служивших для взвешивания соли – одного из важнейших товаров средневековой торговли.

В договоре Полоцка с Ливонией 1338–1341 гг. упоминается, что соль вешают на иных весах, чем воск, не на "скалвах", а "оу пудной ремень", а в полоцких документах начала XV в. прямо упоминаются особые весы для взвешивания соли: "А весы солоньи, восковыи, серебряные от вас пришли к нам и мы ныне в тыи весы весим" [4. № 4. С. 40; № 30. С. 87]. Особый "соляной вес" отмечен в начале XVI в. и в Смоленске [6. С. 346]. Косвенное, но весомое указание на существование особых "соляных весов" в Новгороде имеется в немецком документе 1331 г., где одна из построек на Ярославовом дворище названа гридницей весовщиков соли – "soltmenghere grydnisse" [7. С. 220]. К мнению о существовании в Новгороде таких особых весов склоняет и употребленный в "Уставе" термин "пуд медовый" – его употребление предполагает существование такого "пуда" – неравноплечных коромысловых весов, на которых взвешивались и другие товары, в частности, соль.

Стоит отметить, что новгородская таможенная грамота 1571 г. отмечает существование двух разных весов. Одни, на которых "по старине" взвешивали "на крюк у Ивана Святого" (церкви Ивана на Опоках – патронального храма "Иванского ста") "воск, мед и олово, и квасцы, и ладан", есть все основания отождествить со "скалвами вошаными" "Устава". Наряду с ними есть и находящиеся в ином месте весы, на которых "пудовщики" взвешивают соль, а также "мед и икру или иное что" [8. С. 323, 327]. Есть основания полагать, что такое разделение, не характерное для порядков в других русских городах того времени, восходит ко временам самостоятельности Новгорода. Весы находились в двух разных местах, очевидно потому, что во время самостоятельности Новгорода они находились в руках разных властей.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в начале XIII в. княжеская власть передала Новгороду в лице Дома Св. Софии, сотских и старосты "Иванского ста" лишь часть мерил на городском торгу, сохранив за собой доходы от взвешивания на старых весах – "пуде" – соли и ряда других товаров. Не случайно и сами эти весы в начале XIV в. находились на территории Ярославова дворища. Правда роль доходов, идущих из этого источника не следует преувеличивать. Как известно, главные экспортеры соли – ганзейские купцы, в XIV–XV вв. обладали правом продавать соль мешками, не взвешивая [9. С. 87–88, 296–197], но продавали соль не только немцы, но и жители такого крупного центра солеварения, как Старая Руса, и поэтому князь все же мог рассчитывать на значительные средства.

Ситуация, сходная с той, что была в Новгороде, отмечена и в одном из новгородских пригородов – Торжке. Судя по составленному во второй половине XIV в. так называемому "Рукописанию князя Всеволода", доходы от "пуда вошаного" в этом городе делились пополам между церковью Ивана на Опоках в Новгороде и городским собором св. Спаса [2. С. 161]. Во то же время Дмитрий Донской в своей грамоте новоторжцу Миколу Ондрееву, выданной "по деда своего князя великого грамоте по Иванове", освободил его от уплаты "весчего" в этом городе [10. № 178. С. 153]. Вероятно, эти распоряжения относились к тем весам в Торжке, которые находились в руках князя.

Проделанное исследование говорит о неполноте наших сведений о княжеской власти в Новгороде XIII–XV вв., об институтах и источниках доходов, находившихся в ее распоряжении, и показывает плодотворность привлечения для освещения этой темы источников более позднего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
2. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
3. Клейнберг И.Э. Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. 1973. Т. V.
4. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. М., 1977. Вып. 1.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
6. Любавский М.К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.
7. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963.
8. Акты, собранные Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I.
9. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI вв. Л., 1975.
10. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964. Т. III.

© 1999 г. Е.А. МЕЛЬНИКОВА

СКАНДИНАВСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Новгородские берестяные грамоты, число которых превысило к 1998 г. восемьсот, образуют корпус новых письменных источников, к которым обращаются исследователи различных аспектов языка, истории и культуры Древней Руси. Крайне важны они и для изучения древнерусского именовослова. Опубликованные к 1979 г. 539 грамот из Новгорода и Старой Руссы содержат 435 имен, из которых 165 – христианские, а 270 – нехристианские различного происхождения [1]. При этом значительное количество славянских нехристианских и иноэтничных имен не отмечались ранее в других источниках.

Специальный интерес представляют выявленные скандинавские по происхождению имена в берестяных грамотах. В первую очередь они расширяют известный ранее по летописям и другим письменным текстам скандинавской антропонимикон¹, который ныне насчитывает (вместе с именами, представленными в берестяных грамотах и граффити в церквях Новгорода и Киева) 85 имен [5]. Во-вторых, засвидетельствованные в берестяных грамотах имена отражают совершенно иной, по сравнению с летописными текстами, социальный слой – жителей отдаленных от Новгорода деревень и погостов, не принадлежавших к городской знати. В-третьих, хронология берестяных грамот, в которых представлены скандинавские имена, принципиально отлична от хронологии скандинавского именовослова по летописным текстам и потому требует особого внимания. Однако, прежде чем обратиться к обсуждению этих вопросов, представляется необходимым более подробно обосновать скандинавскую этимологию ряда имен в берестяных грамотах, поскольку не во всех случаях она была отмечена ранее.

Скандинавские личные имена встречены в семи новгородских грамотах, обнаруженных в разное время и в различных раскопах.

Мельникова Елена Александровна – д-р ист. наук, руководитель центра "Восточная Европа в античном и средневековом мире" Института всеобщей истории РАН.

¹ Скандинавский именовослов в древнерусских источниках чрезвычайно мало исследован. После классического труда В. Томсена [2], составившего список из около 100 скандинавских имен по "Повести временных лет" (в основном это имена послов и купцов – скандинавов, принимавших участие в подписании договоров с Византией), но не исследовавшего обстоятельно форму, характер и функционирование этих имен в Древней Руси, а также причислившего к скандинавским значительное количество имен славянских и прибалтийско-финских, до последнего времени опубликовано лишь одно специальное и серьезное исследование скандинавского именовослова в Новгородской первой летописи А. Бэклунд [3]. В отечественной историографии скандинавский именовослов частично рассматривался лишь в неопубликованной диссертации Г.К. Валеева [4].

Грамота № 2. Неревский раскоп, стратиграфическая дата 1382–1396 гг. [6. С. 21; 7.221–222; 8. С. 124–125]. Она содержит перечень из 17 лиц, которые должны определить количество шкурок пушного зверя. В связи с наличием в грамоте нескольких скандинавских имен и важностью контекста привожу текст полностью (с уточнениями В.Л. Янина и А.А. Зализняка) [7. С. 221]:

Мѣкоуевъ бѣла росомоуѣа. Оу Фомѣ 3 коуници. Оу Мики 2 коуници. Оу Фомѣ сохуу даль, дароу коуницу. Вѣльаказа 4 коуници. Гоугморо наволоки коуница. Оу Матеци 2 коуници. Оу Вѣльютовыхо 2 коуници. Оу Воземоута 2 коуници. Оу Филпа 2 коуници. Оу Намѣста 2 бѣли. Оу Жидили коуница. Воликомо островѣ коуница. Оу Вухтимаса 2 бѣлоки. Оу Гостили 2 коуници. Оу Вѣльюта 3 коуници. Оу Лопинкова 6 бѣло.

Именослов грамоты состоит из четырех групп имен: христианских (Фома, Филипп), славянских нехристианских (Намест, Жидила, Гостила), балтийско-финских (Вихтимас, Лопинк) и скандинавских, к которым относятся имена *Гугмор*, *Вельют* и *Воземут*.

Фраза с первым именем была прочитана М.Н. Тихомировым как "**Игоугморо на волоки коуница**", т.е. человек по имени *Игугмор*, живший на каком-то волоке, должен куничью шкурку, причем имя **Игугморъ* (в тексте в форме дательного падежа **Игоугморо**) объяснено им не было. Палеографические соображения заставили В.Л. Янина и А.А. Зализняка согласиться с высказывавшейся ранее критикой чтения М.Н. Тихомирова и разделить группу **игоугморо** на два слова: **и гоугморо**; в этом случае *и* рассматривается как окончание предшествующего слова: ошибочное *-а* в слове **коуница** было исправлено на *-и*, но осталось не зачеркнутым [7. С. 222; 8. С. 124]. Позднее исследователи пришли к выводу, что словосочетание **Гоугморо наволоки** (беспредложный локатив) является топонимом, где **Гоугморо** – имя собственное, определяющее географический термин "наволоки" (мыс или участок на берегу), т.е. "на наволоке Гугмора" или "Гугмор-наволоки" [8. С. 24]. Последний топоним встречается в Писцовых книгах Обонежской пятины XVI в. и локализуется на Водлозере, что отметил еще А.И. Цопов [9. С. 96]. Другие топонимы грамоты также указывают на регион к северо-востоку от Онежского озера, где система волоков соединяла р. Водлу и Водлозеро (бассейн Онежского озера) с р. Онегой, впадающей в Белое море. Здесь проходил торговый путь в Заволочье.

Единственным, кто обратил внимание на личное имя в топониме, был И.Э. Клейнберг, который исходил из чтения М.Н. Тихомирова *Игугморъ*. Он сопоставил это имя со скандинавскими именами на *Yng-*, в древнерусской передаче на *Инг-*: *Ингварь*, *Ингивлад* и др. и предложил в качестве исходной словоформы двухосновное имя *Ing(i)-marr*. И.Э. Клейнберг отметил, однако, невозможность при такой этимологии объяснить второе *-г-* в первой основе [10]. Следует добавить, что и корневое *-у-* в ней также не могло возникнуть в древнерусском при исходной форме *Ingimarr*. Тем не менее скандинавская этимология имени вполне очевидна, хотя бы исходя из второй основы *-моръ*, соответствующей др.-исл. *-marr*, от др.-исл. *marr*, прилаг., "знаменитый", использующегося только в качестве второй основы. Однако если первая основа не **Игоуг-**, а **Гоуг-**, то имя соответствует др.-исл. *Gugmarr*, которое является вариантом антропонима *Gudmarr*. Основа *Gud-/God-* (др.-исл. *gud*, *god*, ср.п., "бог", сначала языческий, затем христианский) широко распространена в Скандинавии и встречается и как простое имя (*Godi*, ср. др.-рус. *Гуды* в русско-византийском договоре 944 г.), и в составных именах: *Gudfastr*, *Gudlaugr*, *Gudmundr* исключительно в качестве первой основы. При этом конечное *-ð* легко ассимилируется начальным звуком второй основы, отчего существует множество вариантов основы *Gud-*: *Gul-* (*Gulfastr*, *Gullaugr*), *Gun-*, *Gunn-* (*Gun(n)mundr*), *Gut(t)-* (*Guttormr*), включая формы с выпадением *-ð-*: *Gormr*

(< *Guðormr*) [11. S. 73–74]. В имени *Gugmarr* происходит диссимилиация согласных *ð* и *m* на стыке основ, в результате которой *ð*- > *g*- под влиянием начального согласного.

Второе имя скандинавского происхождения – ***ВѢЛЬЮТЬ**, которое встречается в грамоте дважды: в патрониме **ВѢЛЬЮТОВЫ** (в тексте в форме родительного падежа множественного числа оу ***ВѢЛЬЮТОВХО**) и далее в виде антропонима ***ВѢЛЬЮТЬ** (в форме родительного падежа оу **ВѢЛЬЮТА**). Это имя является скандинавским двухосновным антропонимом *Vev-ljovtr* от *vev*, ср. р., "языческое святилище, место жертвоприношений" (ср. готск. *weihs* "святой, священный"), которое широко употребительно в сложных именах в качестве только первой основы, и *ljovtr*, прилаг., "светлый", распространенного и в качестве простого имени (*Ljovtr*, ср. *Лютъ*), и в составе сложных имен (*Ljovtulfr*, *Arnljovtr*, *Bergljovtr* и др.) [11. S. 92, 120].

Патроним, который, очевидно, является обозначением семьи или рода некоего Вельюта, и антропоним *Вельютъ* разделены в грамоте рядом иных имен, различна и их задолженность. Более того, они живут в различных местах: Вельюты называются после упоминания Гугмор-наволока, Вельют – после острова Воликомо. Разумеется, последовательность их упоминаний не означает, что они живут именно в этих местах, но предполагает, что они не являются жителями одного поселения. Поэтому мало вероятно, чтобы Вельют, глава (или предок) задолжавшей две куньи шкурки семьи, и Вельют, обязанный выплатить три шкурки куницы, одно и то же лицо. Можно предположить, что это имя принадлежало двум разным людям, живущим в различных местах.

Третье, также бесспорно скандинавское имя грамоты – ***ВОЗЕМОУТЬ** (в тексте в форме родительного падежа оу **ВОЗЕМОУТА**), которое отражает др.-исл. *Guðmundr*, где первая основа *Guð*- приобрела неоднократно встречающуюся в Швеции форму *Voð-/Vuð*- (ср.: *Vodefridus* < *Goðfriðr*, *Vadulfus* < *Goðulfr* и др.). Также как *Воз-/Вуз*- эта основа передана и в имени *Вузълѣвъ* (< *Guðleifr*) в русско-византийском договоре 944 г. Вторая основа образована от широко распространенного слова *mundr*, м.р., "защитник", употребляемого как правило в качестве именно второй основы (ср.: *Sig-mundr*, *Ásmundr* и др.) [11. S. 109–110].

Грамота № 130. Неревский раскоп, стратиграфическая дата – 1396–1409 гг. [12. С. 66–67]. В ней перечислен ряд лиц, с которых надлежит собрать определенное количество вадмола. Как личные имена, так и топонимы грамоты, по мнению В.И. Боровского, имеют прибалтийско-финское происхождение. Однако первое имя перечня ***Вигарь** (в тексте в форме родительного падежа оу **Вигаря**) скорее является производным от др.-исл. *Végeirr*. О первой основе *Vé*- (варианты *Vi*-, *Væ*-) см. выше комментарий к грамоте № 2. Вторая основа *-geirr* от др.-исл. *geirr*, м.р., "копье", широко распространена в Скандинавии и в составных именах (*Geirfastr*, *Holmgeirr*), и как простое имя *Geirr* [11. S. 72–73, 104].

Грамота № 249. Неревский раскоп, стратиграфическая дата 1396–1422 гг. [13. С. 73–76]. Карелы Севилакши (Саволакса) обращаются в ней к новгородским властям, жалуясь на набеги жителей финской части Севилакши. Одной из жертв такого набега стал "человек Микулы" по имени **Стень**. Вряд ли это имя можно интерпретировать иначе, нежели др.-исл. имя *Steinn*, др.-швед. *Sten*, от др.-исл. *steinn*, м. р., "камень", широко распространенное во всех скандинавских странах в качестве и одноосновного имени, и в качестве первой или второй основы сложных имен. Несколько сложных имен с основой *stein*- встречаются в русско-византийском договоре 944 г.: *Стемидъ* (< *Steinvíðr*), *Фрастѣнь/Прастанъ* (< *Frysteinn*) и *Фуръстанъ* (< *Povrsteinn*).

Грамота № 257. Неревский раскоп, стратиграфическая дата 1382–1296 гг. [13.

С. 83–84]. В ней сообщается о передаче некоторого количества серебра Якуну. Имя ***Акунь** (в тексте в форме дательного падежа **кунъу**) соответствует др.-исл. *Havkon*, редко встречающемуся в Исландии, но широко распространенному в Норвегии и Швеции [11. S. 74–76]. Оно является родовым именем ярлов Хладира, претендовавших на главенство в Норвегии в X – начале XI в. В раннюю эпоху викингов имя, вероятно, принадлежало к числу "княжеских" имен, т.е. использовалось по преимуществу в среде знати. На Руси в X в. его носил племянник Игоря (упомянут в русско-византийском договоре 944 г.); в княжеском именовании имя позднее не встречается, но широко распространяется среди древнерусской (его носят смоленский боярин – Ипатьевская летопись под 1160 и 1161 гг., киевский боярин – там же, под 1162 г.), более же всего – среди новгородской знати (посадник Якун Мирославич, упоминается в Новгородской первой летописи под 1137–1176 гг.; боярин Якун Зуболомец, там же под 1215 г.; тысяцкий Якун Намнежич, там же под 1215, 1216 и 1219 гг.; боярин Якун Моисеевич, там же под 1228 г. и др.). В XV в. его носят псковский землевладелец [14. С. 330], новгородец (купец?), участвующий в заключении договора с Ригой 1409 г. [14. С. 87], и др. Оно несколько раз встречается также в берестяных грамотах XIV–XV вв. (см. № 263, 434). Таким образом, можно предположить постепенную "социальную деградацию" имени: от традиционного для Скандинавии употребления в княжеской среде, к употреблению в среде древнерусской знати, особенно в Новгороде, и к употреблению неименитыми жителями Новгорода и Новгородской земли.

Грамота № 263. Неревский раскоп, стратиграфическая дата 1369–1382 гг. [13. С. 90–91]. В ней перечислены поставки различных предметов домашнего производства от нескольких людей. Одним из поставщиков является женщина, названная по имени мужа: **Акуновъи** – посесивное прилагательное в форме родительного падежа от имени **Акунь**, производного от древнескандинавского имени *Havkon* (см. комментарий к грамоте № 257).

Грамота № 434. Ильинский раскоп, стратиграфическая дата начало XII в. [8. С. 38]. Сохранился обрывок грамоты с именем автора текста: "**Ўжираткоу...**" – "От Жирят[ы] Яку[новича]...". Имя Жиряты Якуновича известно составителю Никоновской летописи, который называет его в числе погибших в битве с суздальцами при Ждановой горе 1135 г. Отец Жиряты носил имя **Акунь**, производное от древнескандинавского имени *Havkon* (см. комментарий к грамоте № 257).

Грамота № 256. Троицкий раскоп, стратиграфическая дата 1080-е годы [15. С. 124–127.]. Является записью новгородского ростовщика. В числе должников упоминается некий Азгут: "**на азъгоуѣтѣ и на погощахъ ѿ коуѣнъ семее: гр[ив]не**". Имя ***Азъгоуѣтѣ** (в тексте в форме творительного падежа **на азъгоуѣтѣ**) является двухосновным скандинавским именем: др.-исл. *Ásgautr*; др.-швед. *Asgūt*, с первой основой *ás-* от *áss*, т. (< **ansuR*), "бог, ас", и второй – *gautr*. т. "гаут", человек, принадлежащий к племени гаутов в шведской области Ётланд; одно из наименований Одина. Имя *Gautr*, очевидно, возникло в Швеции, где оно встречается наиболее часто, а отсюда распространилось по всей Скандинавии. Обе основы продуктивны при образовании сложных имен, но первая употребляется только в качестве первой основы и не встречается как самостоятельное имя [11. S. 63, 72]. Ср.: *Ásbjörn*, *Ásgeirr*, *Áslákr*, *Ásmundr*; *Gautr*, *Þórgautr*, *Gautrekr* и др.

На основании упомянутых в грамоте топонимов В.Л. Янин считает, что Погощи – это Погостский десяток Моревской волости в районе оз. Селигер. Здесь же проживает и Азгут. Фразу "9 кун семее гривне" В.Л. Янин толкует как "ростовщический доход в 9 кун, который уже в седьмой раз берется с отданной в долг гривны". Таким образом, очевидно, что Азгут является постоянным жителем деревни

поблизости от оз. Селигер, где проходил важный торговый путь из Новгорода в Волок-на-Ламе.

Скандинавский антропонимикон новгородских берестяных грамот при всей его количественной незначительности в сравнении со славянским охватывает чрезвычайно широкий круг лиц. Это жители деревень, которые занимались промыслом пушного зверя (грамота № 2), изготавливают ткани и другие предметы домашнего ремесла (грамоты № 130 и 263), состоят на службе (грамота № 249), оказываются в долгу (грамота № 526), или, напротив, сами получают платежи (грамота № 257). Характер их деятельности ничем не отличается от людей, носящих славянские и финские имена, они полностью включены в систему местных социальных и экономических связей. При этом нет никаких оснований предполагать, что они являются новопоселенцами, недавно прибывшими из Швеции или Норвегии. Можно предполагать поэтому, что скандинавские имена достались им в наследство от предков-скандинавов.

Топография грамот, содержащих скандинавские имена, как кажется, указывает на причины проживания скандинавских по происхождению семей в соответствующих местах. География мест, откуда происходят эти грамоты, чрезвычайно широка: юг (район оз. Селигер), северо-восток (район Водлозера), запад (Саволак) Новгородской земли. Однако значительная часть грамот происходит из тех районов периферии Новгородской земли, где проходили важные пути, связывавшие ее с центральной частью Руси (Селигерский путь), с Заволочьем, куда с XI в. направлялись новгородские сборщики дани и которое было территорией интенсивной колонизации в XI–XIII вв., наконец, с Карелией, которая и сама активно осваивалась новгородцами и являлась транзитной зоной на пути в Южную Финляндию (область еми). Видимо, именно эта географическая особенность определила расселение здесь скандинавских наемников для охраны торговых путей и контроля над ними в период их первоначального освоения. Образование микропонима Гугмор-наволок, включающего личное имя скандинавского происхождения, как кажется, подтверждает это предположение: как правило, в топонимах такого рода используется имя первопоселенца.

Вместе с тем хронология берестяных грамот, упоминающих скандинавские имена, свидетельствует о чрезвычайной устойчивости именослова: лишь одна датируется последней четвертью XI в., одна – началом XII в., тогда как пять – концом XIV – началом XV в. Поскольку приток на Русь, в том числе и в Новгородскую землю, выходцев из Скандинавии не отмечается после середины XI в., скандинавские имена должны были сохраняться в семьях бывших выходцев из Скандинавии на протяжении трех и более столетий². Сохранение в роде личных имен – явление обычное для обществ разного уровня развития, но особенно распространенное в древних обществах, поскольку оно связано с почитанием и культом предков. Поэтому традиционные для данного рода имена, в том числе иноэтничные, могли использоваться на протяжении многих поколений. Устойчивости культурных традиций, в том числе обычая называния детей, могло способствовать периферийное положение поселений, деревенская культура которых была несравненно более консервативна, нежели городская.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подольская Н.В. Антропонимикон берестяных грамот // Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979. С. 201–242.
2. Томсен В. Четыре чтения о начале Русского государства. М., 1891. (ЧОИДР. Кн. 1). С. 119–125.

² Сходное длительное сохранение скандинавского именослова обнаруживается и в другой части Руси – Звенигороде Галицком, где в слое начала XII в. найдено пряслице с рунической надписью *sigri P.* женское имя Сигрид (см. подробнее: [16]).

3. *Baeklund A.* Les prénoms scandinaves dans la tradition médiévale de Velikij Novgorod // *Revue des Etudes Slaves*, 1956. Т. 33. Р. 26–33.
4. *Валеев Г.К.* Антропонимикон "Повести временных лет". Канд. дисс. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1982.
5. *Melnikova E.A.* Scandinavian Personal Names in Ancient Rus // *Berkovsbók. To honor of professor Valery Berkov*. М., 1966. Р. 211–212.
6. *Арциховский А.В., Тихомирова М.Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) М., 1953.
7. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
8. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
9. *Попов А.И.* Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // *Труды Карельского филиала АН СССР*. 1958. Вып. 12. С. 96.
10. *Клейнберг И.Э.* Основные принципы выбора новых личных имен и адаптация иноязычных в России X–XIX вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1978. Вып. 9. С. 62–72.
11. *Janzevn A.* Personnamn // *Stockholm, Oslo, København, (Nordisk kultur*. 1947. В. 7).
12. *Арциховский А.В., Боровский М.И.* Новгородские берестяные грамоты (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.
13. *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.
14. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. М.; Л., 1949.
15. *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 124–127.
16. *Мельникова Е.А.* Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и письменности // *Труды VI Международного конгресса славянской археологии*. М., 1998. Т. 4.

© 1999 г. Л.А. БЕЛЯЕВ

ОБ ИСТОЧНИКАХ ИКОНОГРАФИИ "ГРОБА ГОСПОДНЯ" В НОВГОРОДСКОЙ ПЛАСТИКЕ XIII–XV ВЕКОВ

Проведенная недавно работа по выяснению истории сюжета жен-мироносиц у гробницы Христа в том виде, в каком она представлена на древнерусских (в основном новгородских) каменных иконках, позволила сделать вывод о ее европейских ("романских") корнях, а также о соответствии ряда деталей реальному архитектурно-скульптурному оформлению Эдикулы (часовни Гроба Господня) в XI–XIV вв. Благодаря этому иконография и сам класс этих предметов заняли определенное место в общеевропейской классификации изделий, связанных с активизацией паломничеств в Палестину в XI–XII вв. [1; 2; 3].

Однако решение базировалось в основном на иконографии скульптуры фасадов храмов, бронзовых дверей и ювелирных изделий Европы XII–XIII вв. – объектов, знакомство с которыми древнерусских мастеров не могло быть широким и постоянным. Поэтому вопрос о конкретных образцах оставался открытым; недостаточно прочны были и хронологические привязки. При обсуждении этой темы на заседании Новгородского семинара кафедры археологии Исторического факультета МГУ В.Л. Янин посоветовал автору поискать близких композиций среди печатей интересующего нас времени.

Такие оттиски действительно обнаружались. В последние годы шла оживленная работа над сводом "иерусалимских образцов". Она стимулирована, во-первых, очередным Конгрессом по христианской археологии, посвященным изучению паломничества как явления [4], во-вторых – новыми обмерами Эдикулы [5]. Сбор материалов сейчас активно ведут в Англии (Мартин Биддл), Германии (Лизелотта Котцше) и других странах [6; 7; 8]. В результате открылась целая иконографическая общность, связанная с деятельностью художественных школ латинских королевств XII–XIII вв. в Палестине и Восточном Средиземноморье.

Для них было характерно особое и вполне понятное внимание к изображению храма Гроба Господня с такими его элементами как Эдикула и "саркофаг" (погребальная скамья). Более того, ряд деталей: купол Ротонды Анастасиса, киворий Эдикулы и защитный экран (трансenna) с тремя отверстиями (иногда обведенными аркатурой), стал на время не только центральным элементом многих "иерусалимских" композиций, но даже как бы условным знаком Гроба Господня, его своеобразным гербом. В качестве такового экран появился в центре ряда печатей правителей и иерархов Палестины, а также на монетах (повлияв затем на чеканку латинских правителей Греции). Утвердился он и на иерусалимских евлогиях, металлических и керамических "ампулах" для пилигримов (ряд которых недавно обнаружен), на картах

с обозначением святынь города. Наконец, его устойчиво воспроизводили в миниатюрах XIII–XIV вв., связанных с так называемой школой Акры.

Последняя сводка печатей, центральным элементом оформления которых является "погребальная скамья" Эдикулы с отверстиями трансены, включает несколько версий, даты которых распределяются в пределах столетия, от второй трети XI в. до конца 1120-х годов. Среди них реверсы печатей латинских патриархов Иерусалима, Вармунда (Warmund, 1118/9–1128) и Виллелма (Willelm, 1130–1145) со сценой явления ангела женам-мироносицам и надписью "SEPULCRUM DOMINI NOSTRI"; реверс печати "Каноников Гроба Господня" (при документах около 1155, 1172, 1175, 1180–1189 гг.) с изображением Ротонды Анастасиса и Эдикулы; реверс печати Петра, приор Гроба Господня (1225–1127). [6. P. 86; 9. № 1–8. P. 73–4. Pls. I: 8, V:9, XX: 2, 4; 10. Taf. I: 7, 11. Pl. 17: 4, 5] (Рис. 1).

Рис. 1. Печать Виллелма, патриарха Иерусалима (1130–1145).
(По: [9.Pl.XX,4])

На планах Иерусалима, датированных около 1170 г., Гробница показана в виде четырехстороннего высокого саркофага без крышки, с тремя маленькими отверстиями под аркатурой вдоль верхнего края, или в виде трех арочек [12. Н 4. Н. 3; 13. Fig. 5. Pl. 9; 17б, 445–449]. В упрощенном виде комбинация из ротонды Анастасиса и Эдикулы, где гробница обозначена тремя точками или арками, присутствует на монетах латинских правителей Палестины (XII в.) и латинских государств Восточного Средиземноморья (XIII–XIV вв.) [14. P. 57, 73, 90, 282–283 и др.] (Рис. 2).

Рис. 2. Серебряная анонимная "драхма" с изображением Гроба Господня. Палестина, конец XII–первая четверть XIII в. (?) [14. P. 77]

В отличие от печатей и монет, сцены на ампулах и в книжной миниатюре не просто "маркировали" место действия с помощью включения узнаваемой символической детали, но разрабатывали цельные и сложные композиции принципиально близкие к композициям русских каменных иконок. Великолепные и точные изображения гробницы с боковой трансенной и тремя отверстиями обозначают место действия в

сцене "Петр Отшельник в молении у Гроба Господня" и других миниатюрах манускриптов "Истории" Гийома (Вильгельма) Тирского (около 1130–1186), исполненных в Акре в конце XIII в. (Paris. Bibliotheque Nationale, fr. 2628, fol. 1r; перевод с продолжением до 1264, дополнения до 1280 г.: [15. Pl. 130a]; Paris. Bibliotheque Nationale, fr. 9084, fol. 1r, перевод с продолжением до 1264 г.: [15. Pl. 135f]). Интересно, что другая группа художников, работавшая в Акре тогда же, но в гораздо более готизированной общеевропейской манере, постепенно изменяла облик трансенны – сперва они заполнили отверстия крестообразными розетками, а затем и вовсе отказались от них, предпочтя традиционно-условные формы Гроба. [16. ill. 23, 118, 126, 140, 148 – ср. ill. 166, 179, 228]. Не менее сложны и яркие композиции со сценой явления ангела женам-мироносицам на полонических ампулах [7. S. 24. Abb. 1/10; 8. S. 283. Taf. 30, a–b].

Все перечисленные предметные носители искомым иконографическим чертам обладают для нас особой ценностью. Они многочисленны; это массовый материал, достаточно точно датированный и с указанием на место производства, а главное – они принципиально подвижны, рассчитаны на распространение и дальние перевозки. Учитывая постоянство торговых и церковных контактов Новгорода (и Руси в целом) с Восточным Средиземноморьем в XII–XIV вв. [17], возможность переноса туда этих предметов и прямого воздействия их иконографии, не вызывает сомнения. И в Новгороде, и в Южной Руси (например, на городище Шелетовка, о чем мне любезно сообщено А.А. Песковой), и в Москве уже открывались предметы, явно указывающие на знакомство с миром изделий с "паломническими сюжетами" [18; 19. Рис. 5; 20]. Целеустремленный поиск в нумизматических, сигиллографических и других коллекциях, также как продолжающиеся раскопки, несомненно увеличат количество "иерусалимских образцов" известных на Руси. Для успеха такого поиска очень важно знать, что именно ищешь. Обозначить искомое и было целью данной заметки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. М., 1996.
2. *Беляев Л.А.* Элементы романской иконографии XII в. в древнерусских изображениях Гроба Господня // Древнерусское искусство. Искусство Руси и стран византийского мира. СПб, 1998.
3. *Beliaev L.* Russian Pilgrim Art from the Twelfth to the Fifteenth Century: Archaeological Elements and Problems of Romanesque Influence // Journal of British Archaeology. 1998.
4. Akten des XII. Internationale Kongresses fur Christliche Archaeologie. [Congresso internazionale di archeologia cristiana, 1991, Bonn] Teil 1. Munster, 1995. (Jahrbuch fur Antike und Christentum, Ergänzungsband 20, 1).
5. *Biddle M.* The Tomb of Christ: sources, methods and a new approach // "Churches Built in Ancient Times". Recent Studies in Early Christian Archaeology. London, 1994. P. 73–148.
6. *Biddle M.* Das Grab Christi. Basel, 1998.
7. *Kotzche L.* Zwei Jerusalem Pilgerampullen aus der Kreuzfahrerzeit // Zeitschrift fur Kunstgeschichte. Bd. 51. 1988. S. 13–32.
8. *Kotzche L.* Das Heilige Grab in Jerusalem und seine Nachfolge // Akten des XII. Internationale Kongresses fur Christliche Archaeologie. Munster, 1995. T. 1. S. 272–290.
9. *Blanchet A., Chalandon F., Schlumberger G.* Sigillographie de l'Orient latin. Paris, 1943.
10. *Mayer H.E.* Das Siegelwesen in den Kreuzfahrerstaaten. Munich, 1978.
11. *Sabine C.J.* Numismatic iconography of the Tower of David and the Holy Sepulchre: an emergency coinage struck during the siege of Jerusalem, 1187 // Numismatic Chronicle. London, 1979. V. 139.
12. Ornamenta Ecclesiae: Kunst und Künstler der Romanik. Koln, 1985. Bd. 3.
13. *Nebenzahl K.* Maps of the Holy Land. N.Y., 1986.
14. *Meicalf D.M.* Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum, Oxford. London, 1995.

15. *Buchthal H.* Miniature Painting in the Late Kingdom of Jerusalem. Oxford, 1957.
16. *Folda J.* Crusader Manuscript Illumination at Saint-Jean d'Acre, 1275–1291. Princeton; N.J. 1976.
17. *Маджеска Дж.* Русско-византийские отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 27–50.
18. *Седова М.В.* Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 90–94.
19. *Даркевич В.П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М., 1966.
20. *Беляев Л.А.* Московские литики // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 316–327.

© 1999 г. В.Я. ПЕТРУХИН

ГОСТОМЫСЛ: К ИСТОРИИ КНИЖНОГО ПЕРСОНАЖА

Гостомысл возглавляет список новгородских посадников в Новгородской первой летописи младшего извода, помещенный под 989 г. вслед за списком князей, митрополитов и архиепископов: "А се посаднице новгородьскыи: пръвыи Гостомысл, Коснятин, Остромир" и т.д. вплоть до XV в. [1. С. 164]. В.Л. Янин, проанализировавший этот список, отметил отсутствие упоминаний о Гостомысле в раннем летописании: «в летописных сводах XV в. краткое известие о Гостомысле ("и посадиша старейшину Гостомысла") оказывается позднейшей вставкой в рассказ "Повести временных лет" о расселении славян и основании Новгорода». Эта вставка, по мысли Янина, была сделана в предшествующий новгородским летописям Новгородско-Софийский свод на основе упоминания Гостомысла в "Полихроне" Фотия 1418 г., а туда имя Гостомысла попало из того же списка посадников [2. С. 46].

Обычно источником известий о Гостомысле считается новгородский фольклор, но фольклорный персонаж должен быть связан с неким сюжетом – а как раз сюжет в ранних упоминаниях Гостомысла отсутствует. Сюжет развивается в поздних книжных легендах, основанных на "Сказании о князьях Владимирских" (начало XVI в.), где Гостомысл – инициатор призвания варяжских князей. В.Л. Янин верно замечает, что "несмотря на легендарный характер событий, связывавшихся с именем Гостомысла, включение этого имени в список посадников само по себе является исторически значительным фактом [...]". Связывая возникновение посадничества как важнейшего института государственной власти в Новгороде с именем Гостомысла, составитель тем самым возводит историю посадничества к древнейшей поре новгородской истории. Посадничество в глазах составителя старше княжеской власти" [2. С. 46]. Эта ситуация действительно актуальна для XV в., когда Новгород отстаивал свою самостоятельность от притязаний московских князей, причем и тот, и другие апеллировали к "старине" – исконности своих прав. Включение Гостомысла в начало списка посадников без попытки "синхронизировать" его с реальными событиями новгородской истории заставляет предполагать, что его место в этой истории было хорошо известно, во всяком случае, носителям самой новгородской традиции.

Однако тот легендарный сюжет, в который был включен Гостомысл "Сказанием о князьях Владимирских", носил как раз антиновгородскую направленность: там "некий воевода новгородьцкий именем Гостомысл скончивает свое житье и созва вся владельца Новгорода и рече им: "О мужие новгородьстии, совет даю вам аз, яко да пошлете в Прусьскую землю мужа мудры и призовете от тамо сущих родов к себе владельца" [3. С. 175, 188–189; ср.: 4. С. 426]. "Сказание" утверждает, что Гостомысл добровольно передает власть князьям, однако и оно не может обойтись без фигуры

Петрухин Владимир Яковлевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гостомысла, правда, названного воеводой, а не посадником. Все это заставляло исследователей искать древнюю летописную основу известий о Гостомысле.

А.А. Шахматов [5. С. 233, 311, 611] относил известие о "посажении" старейшины Гостомысла словенами в Новгороде, содержащееся в Новгородской четвертой, Софийской первой и других летописях, к гипотетическому Новгородскому своду 1167 г. и еще более гипотетическому древнейшему Новгородскому своду 1050 г. Но как бы ни датировать новгородский свод XII в. (вероятно, он составлялся в первой трети столетия – ср.: [6. С. 40–41]), и как бы ни относиться к "своду 1050 г.", в построении Шахматова очевидна лакуна: чтобы известия о Гостомысле попали в позднейшие своды, нужно, чтобы они отразились в Начальном своде конца XI в., но оснований для включения этих известий в Начальный свод у Шахматова не было (ср.: [7. С. 74–75]).

Так или иначе, фигура Гостомысла оказывается "привязанной" к исторической реальности XV в. – полемике о первенстве новгородского вечевого или княжеского права, а сюжет о Гостомысле, донесенный Воскресенской и другими более поздними летописями, был заимствован из "Сказания о князьях Владимирских" и "развивал" московскую идею об изначальной законности княжеской власти, признаваемой самими новгородцами. Свидетельства этой полемики в летописаниях были вскрыты (вслед за Шахматовым) Я.С. Лурье, показавшим, в частности, что новгородская традиция, сохранявшаяся в Новгородско-Софийском своде (отражающих его Софийской первой и Новгородской четвертой летописи), была последовательно устранена в великокняжеском летописании, где упоминания о том, как новгородцы князю "путь показаша", "выгнаша" и т.п. были заменены на "выеде", "поеде по своей воле" [8. С. 110, 158]. То же относится и к летописному термину *посадиша*. М.Н. Тихомиров [9. С. 193] писал: «Характерный термин "посадиша" (посадили), так часто впоследствии употребляемый в новгородских летописях, показывает, что в обряд вокняжения вкладывался особый смысл: великий князь не сам занимал княжение по праву наследства, а с согласия людей, сажавших его на стол. Это различие в словах "седе" и "посадиша" было прекрасно усвоено древнерусскими летописцами, среди которых имеются такие тексты, где новгородская республиканская терминология заменена великокняжеской».

"Невинная" новгородская вставка в текст "Повести временных лет" о том, как новгородцы "посадиша старейшину Гостомысла", не была изъята составителями великокняжеских сводов, в том числе Русского Хронографа, Никоновской и Воскресенской летописей [10. С. 145; 11. С. 3; 12. С. 345]. Между тем известие о Гостомысле не было простым домыслом, основанным лишь на упоминании Гостомысла как первого новгородского посадника; оно сопровождалось в Софийской первой и других летописях еще одним дополнением к Начальной летописи, обнаруживающим общую новгородскую тенденцию: "Словене же *пришедше с Дуная* (курсив мой. – В.П.), седуша около озера Илмеря, и прозвавша своим именем, и сдеша град и нарекоша Новъгород, и посадиша [старейшину] Гостомысла" [13. С. 6; 14]. Дополнение призвано продемонстрировать, что новгородские (ильменские) словене самостоятельно – отдельно от прочих славян – пришли с Дуная (кстати, современные исследования подтверждают справедливость этой исторической "реконструкции"). Очевидно, однако, что великокняжеские книжники сосредоточили полемические усилия на роли Гостомысла в призвании князей, и можно предполагать, что эта полемика была направлена против новгородской версии легенды о призвании. Следует отметить, что в новгородских летописях XV в., упоминающих Гостомысла, ничего не говорится о его роли в призвании князей, но трудно считать фигуру Гостомысла – инициатора призвания – простой конструкцией московских книжников. Даже совет Гостомысла обратиться в Прусскую землю напоминает о новгородских реалиях – "аристократической" Прусской улице – и преданиях о том, что бояре-посадники "из прусов", жителей Прусской улицы, на самом деле происходили из рода прусских князей (ср.: [2. С. 373–374]); ср. позднюю новгородскую редакцию легенды о

призвании, согласно которой Рюрик и первые князья "избрашася от немец" [1. С. 465; 13. С. 9] – немцами именовались и варяги, и пруссаки.

Этой версии "варяжской легенды" следует и Воскресенская летопись, соединяющая сюжет о Гостомысле из "Сказания о князьях Владимирских" с мотивом призвания князей для суда "во правду" из *Немец*. Отметим, что та же летопись расширяет первую вставку о старейшине Гостомысле за счет других "новгородских" мотивов: "О Великом Новеграде и о Руси. И пришедше словене с Дуная и седше у озера Ладожьскаго, и отголе прииде и седоша около озера Илменя, и прозвашася иным именем, и нарекошася Русь реки ради Руссы, иже впадоша во озеро Илмень; и умножився им, и соделаша град и нарекоша Новград, и посадиша старейшину Гостомысла" [12. С. 345, 353–354]. Маршрут словен от Ладожского озера к Ильменю напоминает Ипатьевский вариант Начальной летописи, где призванный князь Рюрик со своей русью основывает сначала Ладогу, а потом Новгород, тем более, что речь в Воскресенской летописи действительно идет о новгородском происхождении руси. Характерное для позднего летописания возведение исторических реалий – в частности, имени *русь* – к топонимам еще раз напоминает о Прусской улице Новгорода в связи с "прусским" происхождением Рюрика (впрочем, впоследствии и сама *Пруссия* могла интерпретироваться как *Порусье* и т.п.). Этот новгородский контекст легенды о Гостомысле позволяет предполагать некий новгородский сценарий для его роли в призвании князей, не устраивавший великокняжеских книжников.

Едва ли предполагаемая новгородская легенда о Гостомысле носила фольклорный характер: само имя *Гостомысл* не имеет прямых аналогов в "живой" антропонимии Новгорода (один раз в берестяных грамотах встречено женское имя *Гостята*), хотя польские и даже балтийско-славянские параллели [15. С. 66–67] позволяют считать эту двусоставную форму имени естественной для славянских (и праславянского) языков. Значение этого имени – "мыслящий о гостях" – соответствовало новгородскому восприятию княжеской власти, при котором князь – приглашенный извне чужак, чужеземец, каковыми были призванные "от немец" первые князья. Подобный "промыслитель" известен западнославянской книжной традиции, не повлиявшей прямо на восточнославянскую, но имеющей для нее определенное значение в сравнительном аспекте.

В "Чешской хронике" Козьмы Пражского (XII в. [16. I. 4–6]) говорится о доисторическом времени, когда чехами правили мудрые сестры – судьи. Однако чешские мужи не могли перенести того, что их судит женщина, и потребовали себе правителя – мужчину. Судья Либуше указывает им князя – пахаря Пршемысла (что значит "наперед обдумывающий", – комментирует этот текст Козьма), но перед призванием князя произносит характерную увещательную речь. "Вы добровольно отказываетесь от той свободы, которую ни один добрый человек не отдает иначе, как со своей жизнью, и перед неизбежным рабством добровольно склоняете шею". Далее пространное повествование о гнете княжеской власти представляет собой парафраз из библейской 1-й книги Царств, где судья пророк Самуил предрекает неразумному народу, требующему себе царя, рабскую зависимость от правителя ("сами вы будете ему рабами"), а затем помазует на царство пахаря Саула. Этому мотива "рабства" нет в ранних редакциях легенды о призвании варягов – там князей призывают, чтобы они правили "по ряду, по праву". Зато в Никоновской летописи XVI в. говорится под 864 г. (начало единовластия Рюрика): «Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: "яко быти нам рабом и многа зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его". Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев, съветников его» [17. С. 9].

Этот мотив рабства совершенно нехарактерен для идеологии московского "самодержавства", не случайно в Степенной книге к рассказу о расправе Рюрика над новгородцами добавлено: "аще тогда и нечестиви бяху новгородцы, но обаче по проречению их, паче же благоволением Божиим и доньне непременно царствуют ими

от Рюрика семени благородное изращение" (ср.: [18. С. 60–62; 7. С. 69, 70]). Степенная книга очевидно продолжает общую тенденцию великокняжеского летописания – антиновгородскую полемику. Гостомысл в этом контексте обрел не роль праведного судьи Самуила, предупреждающего о рабстве под властью царя, каким он должен был видеться новгородцам, а лишь предшественником законной царской власти. В книжных памятниках XVII в. ("Повесть о Словене и Русе") и у Татищева Гостомысл вообще превращается в "славянского князя" (ср.: [7. С. 70 и сл.; 19], предшественника и даже прародителя Рюрика).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (НПЛ).
2. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
3. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.
4. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV–перая половина XVI в. Л., 1984.
5. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908.
6. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский сборник. СПб. 1997. С. 3–73. Вып. 6(16).
7. Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб. 1997.
8. Лурье Я.С. Две истории Руси 15 века. СПб., 1994.
9. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
10. ПСРЛ. Т. 21.
11. ПСРЛ. Т. 9. С. 3.
12. Воскресенская летопись. Рязань, 1998.
13. ПСРЛ. Т. 39.
14. ПСРЛ. Т. 5. С. 83.
15. Этимологический словарь славянских языков. М., 1980. Вып. 7.
16. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
17. ПСРЛ. Т. 9.
18. ПСРЛ. Т. 21 (первая половина).
19. Лаврентьев А.В., Турилов А.А. "Повесть о Словене и Русе" ("Сказание о великом Словенске") о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи. Тезисы 15 конференции. М., 1996. С. 19–25.

К 70-летию О.В. Творогова

© 1999 г. Л.В. МОШКОВА, А.А. ТУРИЛОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙШЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ (КАНОН КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО НА УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ)

В рукописи из собрания А.И. Хлудова № 156 [1] в службе на предпразднество Успения Богородицы (14 августа) помещен канон, тропари 9-й песни которого начнутся с букв КЛИМ [2]. Очевидно, что перед нами испорченная форма краткой авторской "подписи" Климента Охридского¹, исходный вариант которой восстанавливается с помощью другой рукописи – Хлуд. 166 [3]², где этот канон включен в службу на Успение (15 августа).

В настоящее время нам известны три рукописи, включающие этот канон или его отдельные тропари: Хлуд. 156 [1. Л. 285В–286В], Хлуд. 164 [8. Л. 166Б–168В]³ и Хлуд. 166 [3. Л. 158–161], в двух из которых канон помещен в службе на Успение. Это – первое убедительное доказательство того, что канон был написан Климентом именно для службы на 15 августа, а его перенос на предпразднество – результат работы редакторов или переписчиков. Вторым доказательством является то, что в

Мошкова Людмила Владимировна – научный сотрудник Института теории образования и педагогики РАО; Турилов Анатолий Аркадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Из атрибутируемых Клименту в настоящее время восьми канонов (исключая цикл трипесенцев на предпразднество Рождества) один – прп. Евфимию Великому – имеет в 9-й песни акростих КЛИМ.

² Этот сербский кодекс первой половины XIV в., который можно назвать антологией древнейшей славянской литургической поэзии, хорошо известен исследователям. По нему изданы трипесницы Климента Охридского [4. С. 160–169], азбучные стихиры на предпразднества Рождества и Богоявления [5]. В нем также содержатся: канон Константина Преславского на Рождество [6. С. 8–16], стихиры на нопразднество Богоявления, канон на Богоявление [7. С. 49–51], канон Андрею Первозванному Наума Охридского и переделка канона Климента Охридского Евфимию Великому – канон Иоакиму Осоговскому.

³ Эта рукопись по богатству славянского материала может поспорить с Хлуд. 166. Для южнославянской традиции это необычайно поздний список Миней по студийскому уставу (после середины XIV в. иерусалимский устав абсолютно преобладает), хотя продукции славянских скрипториев Македонии этого времени вообще свойственен консерватизм, порой достаточно сильный, независимо от языкового извода памятников.

Под 14 февраля кодекс содержит службу Кириллу Философу (список в текстологическом отношении изучен недостаточно). Здесь имеются азбучные стихиры на предпразднество Рождества, славянские каноны на Богоявление и Введение [7. С. 47, 49], а также канон Симеону Богоприимцу, сохранивший начало славянского акростиха [4. С. 145–147]. Уже в процессе работы над данной статьей выяснилось, что рукопись содержит канон Константина Преславского на Рождество [6. С. 8–16], несколько отличающийся от изданного Е.М. Верещагиным [9]. В Хлуд. 164 имеется и более поздний славянский гимнографический материал: древнейшая версия службы Параскеве-Петке и служба Ахиллию, еп. Ларисскому.

публикуемый список 3-м тропарем 3-й песни ошибочно включен 2-й тропарь 3-й песни успенского канона Иоанна Дамаскина, что могло произойти только вследствие неправильного разделения двух канонов из одной службы, написанных слитно.

Службы на предпразднество и сам праздник Успения в Хлуд. 156 заслуживают рассмотрения как сами по себе, так и, что более важно, в совокупности, поскольку весьма необычны по своему составу. Первое, что следует отметить, обилие (даже избыток) канонов, положенных на эти два дня. В службе на предпразднество их два: первый канон Климента Охридского (4-го гласа), автором второго (1-го гласа) в заголовке назван Андрей⁴ [1. Л. 286В]. Автор с таким именем в древней православной гимнографической традиции известен только один – Андрей Критский. В литературе этот канон не упоминается среди других, написанных Андреем. Таким образом, перед нами редкое указание имени автора, сохранившееся в этой рукописи⁵. Сравнение со списком службы в Хлуд. 164 заставляет высказать предположение, что канон Андрея Критского постигла та же участь, что и канон Климента: написанный на Успение, он мог впоследствии быть перенесен на предпразднество, соединен с другим (как в Хлуд. 164) или исключен.

В службе на Успение в Хлуд. 156 помещены три канона, два из которых – Козмы Маюмского (1-го гласа) [1. Л. 291А–292А] и Иоанна Дамаскина (4-го гласа) [1. Л. 292А–293Б] – полагаются на этот день в современной минее; канона Феофана Грапта или Начертанного (2-го гласа) [1. Л. 289Г–290В] в современной минее нет.

Но не только обилие канонов может привлечь внимание к Хлуд. 156. Возможно, более важным является то, что все каноны на эти два дня написаны отдельно. Поэтому данная рукопись представляет как бы "контрольный экземпляр" для сравнения с другими списками. Конечно, данное высказывание не подразумевает, что все каноны сохранились в первоначальном виде: так в канонах Климента и Козмы пропущено по одному тропарю, один тропарь из канона Иоанна Дамаскина перенесен в канон Климента, не все ирмосы канонов совпадают с другими списками. Но эти замечания несколько не умаляют значения рукописи, которая содержит практически полный набор канонов на 14 и 15 августа, существовавших в славянской традиции⁶.

В рукописи Хлуд. 166 служба на 15 августа включает три канона⁷, написанных слитно. В порядке их расположения это каноны: Климента Охридского, Иоанна Дамаскина и Козмы Маюмского. Интересен принцип их соединения. Как известно, глас первых двух канонов совпадает. Поэтому в рукописи их тропари объединены одним ирмосом⁸, и каждая песнь 4-го гласа содержит пять-семь тропарей. Причем "основным" канонам является канон Климента. Именно к его ирмосам и тропарям присоединяются тропари канона Иоанна Дамаскина. Писца этой рукописи (или ее протографа) не смутило даже разное количество тропарей (5-7-я песни – пять; 8-я – шесть; 9-я – семь) и у него не возникло желания сократить их число в последних двух песнях. За песней 4-го гласа следует ирмос 1-го гласа канона Козмы Маюмского и его тропари (обычно два, и только в 7-й песни три).

⁴ Помимо двух канонов на предпразднество служба включает и канон пророку Михею, чья память приходится на 14 августа. В современной минее на предпразднество полагается один канон (без указания имени автора в заголовке) 5-го гласа.

⁵ Здесь уместно еще раз сказать о роли славянской традиции, сохранившей в переводе древнейшие памятники греческой гимнографии.

⁶ Исключительно развернутый успенский цикл с предпразднеством и большим поспразднеством содержится в среднеболгарской Минее служебной на август середины XIV в. (Париж, Национальная библиотека. Слав. 23). По этой рукописи издан трипеснец Константина Преславского на предпразднество Успения [10], а из краткого описания кодекса [11] явствует, что в службу на 18(!) августа включен канон Богородице. Кроме того, 4 листа из этой рукописи, содержащие часть успенского цикла (службы на 16–17 августа), находятся в Российской национальной библиотеке (Ф. п. I. 51). Однако обращение к рукописи по ксерокопии, любезно предоставленной Ю.А. Казачковым, показывает, что в днях поспразднества чередуются каноны Козмы и Иоанна, ранее уже помещенные в службе на 15 августа.

⁷ К сожалению, она сохранилась неполностью: из-за утраты листов каноны начинаются с 5-й песни.

⁸ У этих канонов совпадает не только глас, но и ирмосы большинства песней (кроме 6-й, 7-й и 9-й), что облегчало такое соединение.

Этот список службы представляет следующий способ действия при наличии избыточного гимнографического материала: не перенос "лишних" канонов на другие дни (что возможно только на большие праздники, имеющие предпразднество и попразднество⁹), а их соединение.

Этот же принцип применен и в рукописи Хлуд. 164. Здесь также сначала приведена песнь 4-го гласа, а затем 1-го. Но в отличие от предыдущего списка, за основу взят канон Иоанна Дамаскина. Именно к его ирмосам присоединяются тропари двух канонов. Более того, первым тропарем песни всегда стоит тропарь Дамаскина. Поскольку общее количество тропарей песни сокращено до четырех, то количество тропарей из канона Климент в одной песни может колебаться от одного до трех¹⁰. Всего из 32-х тропарей объединенного канона Клименту принадлежит ровно половина – 16¹¹.

На первый взгляд может показаться, что в данной службе помещены два канона: таково число ирмосов в каждой песни. Но как песнь 4-го гласа включает тропари двух канонов, так и следующая за ней песнь 1-го гласа составлена из тропарей как минимум двух совпадающих по гласу канонов. В их выявлении (правда, не до конца) нам помогает упоминавшийся выше "контрольный" список Хлуд. 156. При сравнении с ним становится очевидным, что канон 1-го гласа включает ирмосы¹² и тропари, взятые из канона Андрея, Козмы или совершенно отличные от них, определить принадлежность которых определенному канону пока не удалось.

Краткий анализ структурно-содержательных особенностей канона Климента Охридского на Успение уже сделан [12. С. 11–13], поэтому в настоящей статье нам бы хотелось в первую очередь уточнить и дополнить уже высказанные положения.

Для определения времени создания Климентом канона на Успение, вероятно, имеют значение следующие слова: "Съвери ни г(с)ж(д)е ѡ(т) конецъ всѣхъ. ѿже дрѣвак ап(с)лы си на прѣставленникъ съвра. не помнѡущии съгрѣшени нашихъ" (2 т. 7 п.)¹³. Хотя мотив вынужденного рассеяния учеников славянских апостолов в какой-то мере являлся в их творчестве общим местом (почти так же, как упоминание преследователей – триязычников), однако ясно, что и горечь разлучения и надежда на новое соединение должны были звучать сильнее вскоре после изгнания из моравских пределов, чем десятилетие спустя, когда в новых условиях вполне определилась иная ситуация. Поэтому наиболее вероятно датировка памятника второй половиной 880-х годов.

С некоторой долей условности канон был назван "изобразительным" на основании присутствия в нем мотива собирания апостолов на облаках [12. С. 12]. Подтверждением данного определения канона могут служить еще два момента. Во-первых, в этой же рукописи Хлуд. 156 в службе на Успение есть уставное указание, прямо говорящее о выносе иконы на утрени перед пением канонов: "облачи(с). архикрѣти. въ всю ѡдеж(д)оу съ всѣми свѣщенник. и диаконы. изнесеть иконоу оуспеник прѣстыкъ вѣце. прѣ(д) ѡлтарь поюще. тро(п). въ рож(д)ьствѣ. и покадивъ иконоу архикрѣти. околь накр(с)ть" [1. Л. 290В–Г]¹⁴. Во-вторых, в трех тропарях канона Климента

⁹ См. выше прим. 6.

¹⁰ Здесь хотелось бы отметить, что принцип отбора тропарей представляет несомненный интерес, однако его освещение выходит за рамки настоящей статьи.

¹¹ В 1-ю и 5-ю песни из канона Климента включено по три тропаря, в 3-ю, 6-ю, 7-ю и 9-ю – по два, в 4-ю и 8-ю – по одному.

¹² Сравнение затруднено тем, что ирмосы канонов написаны сокращенно: т.е. приведены только первые слова и даже слоги.

¹³ Здесь и далее ссылки в скобках после цитат даются не на листы рукописи, но на конкретное песнопение канона. При этом используются следующие сокращения: п. – песнь/песни, т. – тропарь/тропари.

¹⁴ Уставное указание на архиерейское богослужение свидетельствует, что рукопись Хлуд. 156 (или ее протограф) создавалась для кафедрального собора. При этом, учитывая размеры успенского цикла в кодексе, можно предположить, что храм был посвящен именно этому богородичному празднику. При таком сочетании наиболее подходящей "кандидатурой" является кафедральная церковь "Богородица Левишка" в Призрене, где епископия была учреждена еще св. Саввой Сербским. Существующая церковь возведена и

Охридского говорится о вознесении ангелами тела Богородицы (см. ниже). Это вызывает ассоциации с изображением сцены Успения, в которой присутствует сюжет вознесения Богородицы на небо в плоти. Время появления этого сюжета в иконографии неизвестно, сохранившиеся изображения относятся к более позднему времени: подобная фреска 1294–1295 г. есть в церкви Перивлепта в Охриде [14]. Однако нельзя отрицать и того, что в своем каноне Климент дает как бы словесное описание подобного изображения. Вероятно, автор здесь ориентировался не столько на иконографию, сколько на литературное произведение, повествующее о успении Богородицы, которое приписывалось в рукописной традиции Иоанну Богослову и было известно задолго до времени жизни и творчества Климента [15]. Более того, известнейший писатель и гимнограф Андрей Критский также говорит о взятии на небо Богородицы с плотию в своих словах на Успение [16].

Анализ гимнографического творчества Климента Охридского с неизбежностью ставит перед исследователями вопрос о тех образцах, на которые ориентировался славянский автор. Ко времени написания Климентом своего произведения в греческой гимнографии существовали как минимум четыре канона на Успение (все они представлены в рукописи Хлуд. 156), написанные в VII–IX вв.: Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Козмы Маномаха и Феофана Начертанного. Ориентируясь на годы жизни их авторов, можно предположить, что канон Феофана самый поздний, ему предшествует, вероятно, канон Козмы, а определить кто – Андрей или Иоанн – первый написал канон невозможно: они родились примерно в одно время. Поэтому Климент мог быть знаком с греческими списками как всех этих канонов, так и только некоторых из них.

Авторы отдают себе отчет в том, что сравнение славянского канона с переводами, сделанными в разное время разными людьми, может вызвать не только справедливые замечания, но и сомнения в правомерности такого подхода. Однако сопоставление успешных канонов будет сделано в основном не на основе их лексики, а отдельных тем и образов, ранее выявленных для канонов славянского автора [12. С. 5–21].

Мотив веселия и радости, отмеченный для канона Климента [12. С. 12], присутствует и во всех греческих канонах. Но ярче всего он выражен в каноне Андрея Критского (восемь тропарей)¹⁵. В остальных канонах количество таких тропарей от четырех до пяти. Однако при этом надо отметить совершенно разный подход авторов к месту их расположения в общей структуре произведения. У Андрея и Козмы особенно плотно подобные тропари расположены в четвертой песни, т.е. примерно в середине канона, в каноне Иоанна – в последних трех песнях. Но особенно хорошо виден авторский замысел у Козмы и Климента. Козма дает сильный заключительный радостный аккорд в своем каноне: вся его последняя, девятая песнь – песнь радости. Климент, наоборот, использует этот мотив в начале и тем самым радостное вступление определяет эмоциональную окраску праздника и задает тон всему произведению.

Во всех пяти канонах догматические мотивы связаны с Богородицей и представлены упоминанием рождения (воплощения) Бога, непорочного зачатия и непорочного рождения. Но если в канонах Андрея и Козмы они встречаются в пяти-шести тропарях, а в каноне Иоанна – в трех, то у Феофана – в восьми, а у Климента в одиннадцати тропарях. На этом примере хорошо видно, как усиливается у двух последних авторов догматическая направленность гимнографического произведе-

украшена фресками около 1306–1307 гг. по заказу краля Стефана Уроша II Милутина [13]. Если наше предположение верно, то этим же временем должен датироваться и кодекс Хлуд. 156.

¹⁵ Основным критерием для определения "накала радости" служили глаголы "радуйтесь", "веселитесь", "ликуйте", а также однокоренные с ними существительные и наречия, встречающиеся в отдельных тропарях. Анализ только тропарей при отсечении ирмосов и других песнопений, включенных в канон, на предварительном этапе оправдан по двум причинам. Первая – седальны, кондаки и икосы (как более "подвижные" песнопения) могли переноситься из канона в канон и принадлежность их перу конкретного автора установить трудно. Вторая – ирмосы отдельных канонов различаются в разных списках, определение их "авторского" варианта – задача специального исследования.

ния¹⁶. При этом надо отметить, что в отличие от своих предшественников Климент сильно акцентирует внимание слушателей на догмате непорочного зачатия (1–2 т. 5 п., 3 т. 6 п., 1–3 т. 9 п.), в то время большинство греческих авторов упоминают о нем в одном тропаре¹⁷.

Но намного более показательное соотношение тропарей с упоминанием прообразовательных свидетельств (в трипеснях и богородичных канонах Климента представленных очень широко): шесть у славянского автора (2–3 т. 4 п., 1–3 т. 5 п., 1 т. 9 п.¹⁸), один у Андрея (1 т. 4 п.), а у других авторов не столь развернуто, а скорее как символическое имя Богоматери (иногда в ряду других). Для сравнения приведем следующие примеры: "Жьзьль прозевьшини. прописань дѣо Аронь. иже вестѣмене процвьте красньн плодь въ чрѣвѣ ти прѣч(с)тага. кгоже нѣна вон бесплътным почитающе, и тебе влжеть" (канон Климента Охридского, 1 т. 5 п.); "Рьци оубо Исани проризак. кто к(с) жьзьль прозевьини. ис корѣне Иксѣшва два к(с) Мариа. вестѣмѣне раж(д)ающини творца свогко. кмоуже покмь съ веселикмь. сла(в) силѣ твоки гѣи" (канон Андрея Критского, 1 т. 4 п.); "При(д)те въ Сионь. вжїю маститоюу гороу. живаго бѣ да оузримь" (канон Иоанна, 1 т. 9 п.); "Жьзьль ис корѣне Иксѣшва, и цвѣть ш(т) нкго Х(с)ь. ш(т) дѣвы прозевль ксть. из' горы хвалнынк и прѣсѣннынк честы", "Вьстинуоу ико свѣтѣль те свѣщникь. невеществьна шгна. кан'дило бж(с)твьнок златаго оугла. въ стѣнхъ стѣа. вьселни те роучкоу и жьзьль. и скрижалъ бѣонаписан'ноу. кивоть стѣини и трафезоу и слова жизньнаго" (канон Козмы, 1 т. 4 п., 2 т. 6 п.); "Коупиноу нешпал'ноу. вжїю гороу и роучкоу прѣзлатоу. оубненик клетьвно. прѣставиль к(с) дн(с)ь", "Да каплють дн(с)ь горы. прѣрадован'ныне. мастита бо гора ш(т) землк прѣлагакт' се" (канон Феофана, 1 т. 7 п., 2 т. 9 п.).

Мотив собирания апостолов к ложу Богоматери присутствует во всех анализируемых канонах: у Андрея в восьми тропарях, у Иоанна – в одном, у Козмы – в двух, у Феофана и Климента – в четырех. Но о собирании апостолов на облаках говорится в двух тропарях канонов Андрея, Феофана и Климента, в одном у Козмы, а Иоанн об этом не упоминает.

Интересно проследить как отразилась в успенских канонах тема моления, достаточно характерная для гимнографии Климента Охридского [12. С. 8, 13–20]. Очень широко и развернуто она представлена в каноне Андрея Критского (десять тропарей), который по этой причине может быть назван "молебным". Молитвенное обращение к Богоматери присутствует в семи тропарях канона Климента. Каноны этих авторов роднит и то, что первый раз обращение к Богородице встречается в 3-м тропаре 1-й песни. У Иоанна и Козмы эта тема выражена крайне слабо только в конце канона¹⁹, а у Феофана полностью отсутствует.

Помимо выделенных выше тематических и образных параллелей, в канонах можно найти точки соприкосновения и на другом уровне, который, являясь по форме лексико-грамматическим, не может быть объяснен, на наш взгляд, переводом.

Пара "земля – небо" (или их синонимы) встречается в канонах всех авторов: Богоматерь оставляет тварный мир и восходит в небесные обители. Но в канонах Климента и Андрея авторы предпочитают указывать обе точки "пути" Богородицы, в то время как Козма, Иоанн и Феофан чаще упоминают только небо, на которое "преселяется" Пречистая. Здесь можно отметить следующую особенность канона

¹⁶ Более того, обилие догматических мотивов в первой песни канона Феофана заставляет вспомнить "догматическую" 2-ю песнь богородичного трипеснца 2-го гласа Климента на предпразднество Рождества Христова [12. С. 7].

¹⁷ Козма говорит только о непорочном рождении, не упоминая непорочного зачатия.

¹⁸ На этом примере хорошо видно, как Климент группирует прообразовательные свидетельства в одной песни канона, которая приобретает пророческий смысл.

¹⁹ У Иоанна в 3-м тропаре 9-й песни, у Козмы в 1–2 т. 8-й песни.

Андрея: если у других авторов есть определенное противопоставление земли и неба²⁰, то Андрей не только противопоставляет их²¹, но и объединяет в совместном праздновании: "на похвалянии свок с нѣсе аѣгльсккии силы. ш(т) землк же члѣчь родь." (1 т. 1 п.), "нѣбса ра(д)уют' се съ аѣглы. и земля веселит' се съ члѣки." (2 т. 4 п.), "нев(с)ныик силы страшно дивет' се. и члѣчьсккии родь праз(д)ноукть." (2 т. 6 п.).

Три автора – Андрей, Козма и Иоанн²² – в своих канонах говорят как о теле Богоматери, так и о ее душе. Тело Богоматери провожают апостолы и ангелы, а ее душу принимает Сын. В отличие от них Климент Охридский упоминает тело Богоматери только говоря о его вознесении: "Чюдесеь трепетно дивет' се. аѣгльскаа воинства. нѣна прѣсвѣтлок твок прикрывающе тѣло. прѣч(с)таа бѣе. на нѣбса възносеще" (1 т. 4 п.), "аѣгли во бѣ(с) покоа непрѣстан'ными гласы. твок прѣставленик почитающе г(с)ж(д)е. и на нѣбса те възносеще" (1 т. 7 п.), "Чины бесплътныи дн(с)ь. швызь ликъ съ ап(с)ли съставльше свѣтло. проводеще тѣло бѣгносно бжжк мѣре въ нев(с)нак села" (1 т. 8 п.), т.е. в каноне на Успение говорит о взятии Богородицы на небо с плотию – событию, происшедшем (как принято считать) три дня спустя, и не упоминает душу Пречистой, которую Христос принимает в момент ее смерти.

Суть описываемых в успенских канонах событий можно свести к двум формулировкам: 1) Богородица преставляется, 2) Христос преставляет Богородицу. Оба варианта встречаются у всех авторов, но Климент и Иоанн отдают предпочтение первой формулировке, а Андрей, Козма и Феофан – второй.

В заключение позволим себе привести один лексический пример, на который относительно канона Андрея Критского обратил наше внимание отец Сергей Правдолюбов.

В каноне Андрея четыре раза употребляется наречие "страшно": "лика ап(с)льскаа събирающе страшно" (2 т. 1 п.), "нев(с)ныик силы страшно дивет' се" (2 т. 6 п.), "страшно възхваляюще творца всѣхъ." (1 т. 8 п.), "и страшно лика ап(с)льскаа събирающе дн(с)ь." (3 т. 8 п.). Климент в своем произведении пишет: "Монси възприкмь чоудо страшно" (3 т. 4 п.), "Страшна вещь нѣѣ съ дивлѣктъ твари" (Хлуд. 166, 1 т. 7 п.). Подобные примеры можно найти в двух других канонах (у Козмы их нет): "страш'нии серапили", "Страшно вселить се бѣе" (канон Иоанна, 1 т. 8 п., 2 т. 8 п.), "страшно прѣложеник" (канон Феофана, 2 т. 5 п.). Несомненно, что это слово смущало некоторых переписчиков, и они могли заменить его более понятным – "странно". Так, в списке Хлуд. 156 1-й тропарь 7-й песни начинается словами: "Стран'на вещь нѣна оудивляктъ тварь", в то время как список Хлуд. 166 сохранил исходное чтение (см. выше). Вероятно, подобная замена была сделана и в каноне Феофана: "стран'но ти оупеник" (1 т. 6 п.).

И.И. Срезневский переводит наречие "страшно" как "с трепетом, с покорностью" [17. Стб. 546]; но для прилагательного "страшный" приводит достаточно редкое значение "изумительный" [17, Стб. 547]. Казалось бы, для приведенных цитат одинаково подходят оба значения, однако все же вероятнее, что в большинстве примеров мы встречаем слово в его более редком значении.

Проведенное сравнение пяти успенских канонов говорит о их тематическом, образном и ином сходстве. Но каждый автор по-своему компоует материал, как создают из одних деталей конструктора совершенно разные вещи. Это наглядно

²⁰ Например, в каноне Климента: "аже дн(с)ь мира вставльшии. въ вышняя възсодитъ жнаница" (1 т. 1 п.), "вставльшии мира на землы. и на нѣбса възсодитъ." (3 т. 1 п.).

²¹ "и не остави тебе на землы. нѣ въ нѣбснаа села прѣсели те" (1 т. 3 п.), "не остави (т)еке на землы. нѣ въ нѣбснаа села. паче оума и слова прѣселии те", "аже вставляющии мира. въ вѣчныики шкитѣли и жнаница нев(с)нак. прѣхж(д)акть" (2–3 т. 5 п.).

²² Феофан не говорит в своем каноне отдельно о душе и теле, но только о Богородице.

свидетельствует о той большой авторской свободе, которая существовала в рамках одного жанрового канона для любого талантливому гимнографу.

Успенский канон Климента Охридского, как показывает сделанный анализ, при наличии некоторых точек соприкосновения со всеми другими канонами, все же имеет большее сходство с каноном Андрея Критского (и намного меньше – с каноном Иоанна). Вероятно, именно на него ориентировался славянский автор, именно им вдохновлялся при создании своего произведения. Но в этом случае можно пойти дальше и высказать следующее предположение: не являлся ли Климент Охридский переводчиком "образцового" канона своего предшественника? Наиболее показательными для подтверждения этого допущения являются два тропаря сравниваемых канонов:

Канон Климента Охридского

Облаци оупо(д)бльше се агльскимъ
силаь ап(с)ли събырають. твок сѣбе
прѣставленик г(с)ж(д)е почитающе
дн(с)ь (1 т. 6 п.)

Съвери ни г(с)ж(д)е w(т) концъ
всѣхъ. таже дрѣвлк ап(с)лы си на
прѣставленикъ събра. не поминающии
сѣгрѣшени нашихъ. кдина
прѣмл(с)тиваа (2 т. 7 п.)

Канон Андрея Критского

Облаци оупо(д)бльше се агльскимъ
силаь. и страшно лика ап(с)льска
събирающе дн(с)ь. на про-
вож(д)еник тѣлоу твокмоу бѣе. с
ными же и мни недостоннами
оустынами въникмы творца всѣмъ
оумли дѣо. избавленик грѣхомъ
подати хвалецимъ те (3 т. 8 п.)

Съвери ны дѣо г(с)ж(д)е на
похваленик си. таже дрѣвлк събраа
лика ап(с)льскаа. на провож(д)еник
твокго ч(с)тнаго телесе, спсающии
бѣе. присно величающихъ те (3 т. 9 п.)

Открытия последних полутора-двух десятилетий в области древнейшей славянской гимнографии (осуществленные преимущественно усилиями Г. Попова и Ст. Кожухарова) коренным образом изменили систему представлений о составе древнеболгарского гимнографического корпуса IX–X вв. и путях его формирования. Если прежде а priori предполагалось, что он был целиком переводным (понимая под этим наиболее распространенный пословный принцип перевода), то ныне эта точка зрения нуждается в пересмотре. Хотя к настоящему времени круг гимнографических сочинений учеников Кирилла и Мефодия выявлен, вероятно, еще не в полном объеме, ситуация представляется уже достаточно определенной. Наличие цикла триодных песнопений Константина Преславского и служб на двенадцатые праздники со славянским акростихом (факт, не имеющий аналогий в позднейшем славянском гимнографическом творчестве) явно свидетельствуют о программном характере деятельности ближайших последователей первоучителей в Болгарии. Существование в рукописной традиции исходно славянского корпуса гимнографических текстов наряду с переводным порождает вопрос о их функциональном и хронологическом взаимоотношении. Иначе говоря, создавались ли оригинальные гимнографические произведения как дополнение к переводам служб на соответствующие праздники, либо как самодовлеющий славянский эквивалент греческим текстам, лишь с течением времени, в иных исторических условиях дополненный переводами.

Вне зависимости от окончательного ответа на этот вопрос (при том, что ситуация более вероятным представляется первый вариант) гимнографическое наследие учеников Константина Философа и Мефодия представляет собой (как уже отмечалось в связи с триодным циклом Константина Преславского [7. С. 40–42]) явную параллель

несколько более раннему творчеству греческих авторов – студитов, кодифицировавших основной корпус богослужебных текстов. Студиты служили для последователей славянских первоучителей примером прежде всего не как авторы (образцами для подражания и тем и другим были в первую очередь восточные гимнографы доиконоборческого и раннеиконоборческого периода – Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Козма Маюмский), а как кодификаторы. При этом гимнографические сочинения учеников славянских апостолов, достаточно надежно датированные, дают большую сопоставительный материал (в первую очередь лексический) для датировки переводов греческой гимнографии, особенно показательный, вероятно, при наличии двух или нескольких древних переводов одного и того же текста.

За сравнительно недолгий период выявления и исследования древнейших памятников славянской гимнографии ситуация изменилась от этапа восторга по поводу открытия и ожидания находок новых текстов и новых имен к почти полной дальнейшей предсказуемости. Выяснилось, что акrostихи могут содержать либо одно из трех имен – Климента Охридского, Константина Преславского или Наума (которому принадлежит только канон Андрею Первозванному), либо быть анонимными. Причины разделения на именные и анонимные не вполне ясны, но нельзя полностью исключать возможности того, что анонимными акrostихами отмечались коллективные сочинения (хотя это не более, чем предположение). Ясно лишь, что противопоставление по принципу именные – анонимные не имеет датирующего значения: весь корпус текстов хронологически предельно ограничивается первой четвертью X в. (Наум скончался в 910 г., Климент – в 916 г., год смерти Константина неизвестен). Более же вероятно датировка – середина 880-х–890-е годы.

Даже при современном состоянии выявленности и изученности древнейшего славянского гимнографического материала можно говорить о своеобразном "разделении труда" между двумя основными авторами – Климентом и Константином (Наум в этом смысле стоит особняком). Это свидетельствует не только о продуманном плане работы, но и, по всей видимости, о деятельности в рамках единого (не только идейно, но и географически) коллектива, поскольку нелегко представить такое скоординированное творчество даже для единомышленников, если они разделены сотнями километров. В случае оправданности такого предположения, датировка совместных предприятий ограничивается временем общего пребывания Климента и Константина в Плиске и Преславе (если не допускать возможности того, что Константин мог быть сотрудником Климента в кутмичевицкой миссии). Таких периодов оказывается два: после прибытия учеников в Болгарию (вторая половина 885–886 гг.) и от времени подготовки Преславского собора до постановления Климента в епископы (894–896? гг.)²³.

При этом разграничение поля деятельности могло быть многоуровневым. Один из уровней предполагал разделение по типам книг, и в этом случае соседство сотрудников не является обязательным. Пример этого – работа Климента и Константина над Триодью. Вклад Константина в дело создания славянской версии Триоди постной благодаря открытию и многолетним трудам Г. Попова в настоящее время очевиден. О работе Климента над Триодью цветной известно только из его жития, написанного Феофилактом Болгарским. Оригинальная часть в ней, подобная циклу Константина Преславского, не выявляется, и это свидетельствует, что подход обоих славянских книжников к решению задачи был разным. Судя по дошедшим памятникам, Климент гораздо менее, чем Константин, питал пристрастие к сложным формально-

²³ Дата епископской хиротонии Климента, естественно, неизвестна, но есть свидетельство, могущее служить (по мнению С.А. Иванова) *terminus ante quem* по отношению времени его отъезда из Преслава. Молитвенное обращение во 2-м тропаре 8-й песни канона общего святителям ("прилежно та молима бѣгаа(с) шче ...Хѣу моли са. да извоудемъ ѡ(т) грѣхъ. и находа и врани противныхъ" [4. С. 199] можно связать с болгаро-венгерскими войнами 895–896 гг. Локальный (в масштабах всей Болгарии) характер военных действий в сочетании с реальной угрозой столице предполагает в качестве места написания канона скорее Преслав, чем отдаленные юго-западные области.

техническим изыскам, поэтому вероятность обнаружения в составе Триоди цветной канона на Пятидесятницу, подобного новонайденному произведению Константина на Рождество Христово с постишным акростихом, представляется небольшой, несмотря на существование греческих образцов для обоих праздников ("ямвических" канонов Иоанна Дамаскина).

Особо тесным было сотрудничество славянских гимнографов в области минейных служб, прежде всего на двенадцатые праздники. Известно несколько случаев, когда один из книжников пишет канон на праздник, а другой – песнопения (стихиры или трипеснцы) на предпразднество²⁴. Так в цикле рождественских служб Константином написан "ямвический" канон на праздник, а Климентом – предпраздничные трипеснцы; в успенском цикле, напротив, канон принадлежит Клименту, а трипеснец на предпразднество – Константину. Не столь показателен пример с Богоявлением. Здесь стихиры принадлежат Константину, но канон снабжен анонимным акростихом²⁵. Факт теснейшего сотрудничества здесь не вызывает сомнения, однако выявить какую-либо закономерность пока не представляется возможным.

Текст канона на Успение публикуется по рукописи ГИМ. Хлуд. 156. Тропарь, пропущенный в этом списке, издается по кодексу ГИМ. Хлуд. 166. Текст передается строка в строку, с сохранением орфографии и interpunkции оригинала. Киноварные буквы и заголовки выделяются подчеркиванием. Вводится разделение на слова, выносные буквы в скобках вносятся в строку; имена собственные даются с заглавной буквы; крест из точек, обозначающий окончание песнопений, заменяется крестом.

- л. 284г 19 М(с)ЦА ТО(Г) ВЪ. (дi) ДНЬ ПРЪПРА(з)
оуспения бѣи. и сѣго пр(о)рока
Мнѹса.
- л. 285в 3 на пана(х). ка(н).
гла(с). Ѧ. пѣ(с). Ѧ. ѣрмо(с). О(т)врьзь оу
 5 ста моа и наплънет се дѡмь.
и слово ш(т)ригноу ц(с)рци мѣри. и ка
влю те свѣтло ликъствоукъ въспою
ра(д)укъ се кси сиа чоудеса +
веселите(с) нѣбса въсприклѹюще
 10 вѣжикъ селкникъ. кдиноу стѡюю дѡю
прѣрадован'ноую. таже дн(с)ь ми
рашставльшии. въ вышнѹа въ
сходить жилища +
Прѣсвѣтлыи шелакъ събираеть

²⁴ Кстати не исключено, что подобным образом, но уже на уровне песнопений одной службы решается противоречие в вопросе авторства канона на перенесение мощей Иоанна Златоуста с анонимным славянским акростихом (так, к сожалению, до сих пор и не изданного). С. Кожухаров, открывший этот канон, предположительно атрибутировал его Науму Охридскому на основании редкой особенности передачи звука Ц (ШТ) как ШЧ в акростихе (МОШЧИИ) и акростихе канона Наума Андрею Первозванному (НИШЧИИ) [18]. Позднее Г. Попов оспорил это мнение, обратив внимание на то, что в стихирах перед каноном читается по первым буквам акростих КЛИ [4. С. 148–149], и высказал предположение, о принадлежности канона (и всей службы) Клименту. Но, вероятно, возможен и компромиссный вариант жанрового разделения по авторам.

²⁵ Рождественский и богоявленский циклы сопровождаются также анонимными славянскими произведениями – азбучными стихирами. В этом случае анонимность памятника задана заранее типологически (по аналогии с греческими стихирами по алфавиту) и вопрос о их авторстве (и, соответственно, о вероятности участия в создании цикла третьего автора) остается открытым. Кроме минейных служб славянские азбучные стихиры входят в состав чина бельческого погребения в Требнике вместе с циклом стихир, написанных Константином Преславским (акростих **КРАСНА ПЪАНИЦА КОСТА...**) [19].

- 15 ап(с)лы. како ш(т) конець мира. видѣ
ти бѣ[.]¹ прѣстѣок твою прѣставак
ник. кже мын дн(с)ь радостно. по
читакмь + Роди вси възвесели
те се. и патриар'си и пр(о)роци. двѣо
20 ва во вьноука. нѣна вставльши
и мира на земли. и на небса въ
сходитъ. вьходы вѣчныи ш(т)врь
зающии раю + пѣ(с). ѿ. ірмо(с).
Твою пѣвце бѣце. живыи нетлѣни
25 та источникъ. ликъ себѣ съвькоу
пив'ше дѣховно оутвьрди. въ стѣоу
ти память. и вѣн'цель славы
си спо(д)ви + Радостно весели
т се вса тварь. дн(с)ь прѣсвѣтлоу
30 почитающе г(с)ж(д)е оуспеник. и нмь
же вл(д)чце избави нын ш(т) грѣхъ на
шихъ + Въспитанага въ стѣа
стѣныхъ. пицею прѣвѣчною. пи
тателга мироу рож(д)ьши. к ник
35 моу же нѣна прѣходниши. мл(с)ти
ю земельныи. ш(т) стр(с)ти избавла
ющии + Дикъ бѣсловныи
ш(т)кон'ць. съвыше же аѣгль мно
л. 285г 1 жьство. въ Гнишь идѣху. всеснано
ю волею. достоинно и дльжно вл(д)чце.
твоюмоу слоужити прѣставак
нию + ² пѣ(с). ѿ. ірмо(с). Ненслѣдны
5 и бжен свѣтъ. кже ш(т) дѣвы вьплъще
и се. тебе вышнаго пр(о)ркъ Ам'ва
коумь диве се вьпигаше. сла(в) силѣ +
Чюдесемя трепетно дивет' се. аѣгль
скаа воньства. нѣна прѣсвѣтло
10 к твою прикривающе тѣло. прѣ
ч(с)тага бѣце. на небса възносеце +
Пѣсньми дѣховныими. нѣна вьспон
прорицак дѣде. доброту Иако
влю. въ нюже всѣхъ вл(д)ка Х(с)ь. тако
15 дж(д)ь сниде. и на небса нѣна прѣ
ставлактъ ю + Монси вьсприк
мь чоудо страшно. твоюго рож(д)ь
ства ч(с)тага. шгнь вж(с)твьныи не
шпално прикм'шоу. коупиноу

¹ Одна буква затерта.

² 2-й тропарь 3-й песни канона Иоанна Дамаскина.

20 пронаре(ч). проображеноу ю въ Гинан +
 пѣ(с). ѿ ірмо(с). Оудивнше се вса
 чьскага. ѡ бжѣствнѣн славѣ
 твоки. тын бо ненскоу соврачна
 га двце. приктъ въ оутровѣ надь
 25 всѣми бѣга. и родила кси безлѣ
 тнаго сна. всѣмь въспѣвающи
 м' те и мирь подавающи +
 Жьзль прозевьшии. прописань дво
 дроновъ. иже всѣ мене процвьте
 30 краснь плодь въ чрѣвѣ ти прѣч(с)та
 га. кгоже нѣга вон бесплътныи по
 читающе. и тебе блжеть +
 Иаковъ те прописа дво льствицоу.
 по нже сниде слово бжикъ въ чрѣ
 35 во ти бесѣмене. и паки схранни
 те нетлѣн'ноу. и по рож(д)ьствѣ. и на
 небса прѣсталакт' се +
 Гороу те прѣсѣн'ноую пр(о)рокъ дрѣ
 лк прописа. стѣньми просѣнакми.
 л. 286а 1 из нкже изниде праведнок снѣце.
 и мирь в'сь просвѣтни твоимь ро
 ж(д)ьствомь. прѣстага вл(д)чце възве
 личающе те + пѣ(с). ѿ ірмо(с).
 5 Придоухъ въ глаубни морьскии
 и потопила ме к(с) боурга многихъ
 ми прѣгрѣшени. нь тако бѣ съш(д)ь
 възвелъ кси дшоу мою прѣм(с)тве +
 10 Облаци оупо(д)бльше се англъскимь
 силамь ап(с)ли събирають. твою стѣе
 прѣсталакник г(с)ж(д)е почитающе
 дн(с)ь + Придѣте х(с)олюб'ци. лики
 ч(с)тныи съставимь. кдиног(с)но въ
 15 споуще. прѣстоу ю бжню мѣрь. таже
 на нбса прѣсталакт' се дн(с)ь +
 Чоудо чоудеса испльниак. прѣвѣ
 чнок слово на нбса прѣсталакт' се.
 бесѣменьна въ теѣвѣ пльть бы(с). съ
 20 хранивъ бж(с)твом' те ч(с)тоу ю. и бе
 зь нстлѣнниа прѣвывающоу +
 пѣ(с). ѿ ірмо(с). Гпси въ агны авра
 мьскии дѣти. и хал'дѣк оуби
 въ. таже вес правди праведныи
 25 оулаваше. прѣпѣтын гѣ бѣ ѡ(т)ць
 нашыхъ. блг(с)нь еси +
 Стран'на вещь нѣга оудивлактъ

- тварь. аѣган бо бѣ(с) покоиа непрѣ
 стан'ными гласы. твок прѣста
 30 вакник почитающе г(с)ж(д)е. и на не
 бѣса те възносеце +
 Ѡбверн ни г(с)ж(д)е ш(т) конць всѣхъ. каже
 дрѣвак ап(с)лы си на прѣставак
 ник събра. не поминающии съ
 35 грѣшении нашихъ. кдина прѣ
 ма(с)тиваа + Прими вл(д)аще и
 зь оустъ грѣшныхъ м(о)льбою
 ю пѣ(с). прѣставакник твок свѣтло
 1 праз(д)ноюще. кдиноу помощни
 цоу те имоуще + пѣ(с). ѣ. ірмо(с)
 Ѡтроки прѣч(с)тык въ пещи рож(д)ство бѣе
 сп(с)ло к(с). ввразоужь тог(д)а. нѣа же
 5 съдѣвакь въселеною всю въз(д)виже
 поющаа. га въспѣваите дѣла +
 Чины бесплътныи дн(с)ь. вбъщъ ликъ
 съ ап(с)ли съставльше свѣтло. проведе
 ще тѣло вѣоносно вжѣк мѣре въ нек(с)на
 10 га села. нмъже и мыи по(д)беще се. съ
 гла(с)но те непрѣстан'но величае(м) +
 Пѣник приносим' ти прѣч(с)тага. по
 хвалающе твок прѣставакник.
 кже прикм'шини. ш(т) грѣха вчисти
 15 ны и стр(с)тен. враги покорещии кра
 лю нашему. да те непрѣстан'но
 ч(с)тага величак(м) +
 Те кдиноу имоуще кровь и застоу
 пакник ч(с)тага. припадакм' ти.
 20 грѣх'ми вдръжимык. просеце
 ш(т)поуста вчисльныхъ золь. по
 читающе дн(с)ь твок прѣставак
 ник. нмъже избавакни ш(т) всакое бѣды +
 пѣ(с). ѣ. ірмо(с). Рож(д)ство ти нетлѣ
 25 н'но авни се. бѣ изь бокоу твою
 пронде. пльть носе авни се. на зе
 млы съ члѣки пожиль к(с). те бѣе
 тѣмь вси величакь +
 Коупиноу те дѣо провообразоваа за
 30 конодав'цоу бѣ въ Финан. кгоже
 поношьшини нешпал'но въ чрѣ
 вѣ свожь. вестѣмене ч(с)тага. тѣ
 м' те величакь +
 Лица твоего свѣтлостию шзари
 35 ны ч(с)тага. твок почитающе прѣ

К

Л

СТАВАКНИК СТОК. НМЪЖЕ ПРЪИ
ДЕ Ш(Т) СМЪРТИ КЪ ЖИВОТОУ. КЪЖЕ
БЕСЪМЕНЕ НАМЪ ДЪВО ПРОЗЕВЛА КСИ +

Хлуд. 166

л. 160об. 16

ИЗБАВИ НИ ПРЧ(С)ТАГА МЛТВА

И

МИ СИ. ЖИЗНЬ ВЪЧНОУ БЕСЪМЕНЕ ПОРОЖ(Д)ЪШИ. К НЕНЖЕ
ПРЪИДЕ ВСТАВИШИ МИРЬ. ВЪ ВЪЧНАА СЪЛА НИЖЕ НИ
СПО(Д)ВИ ТЕ ВЕЛИЧАЮЩЕ +

Хлуд. 156

л. 286в 1

МАРИК ПРЪЧ(С)ТАГА ВЛ(Д)ЦЕ. ИЗБАВИ
НИ ТВОИМИ МЛЪБА ИЗЪ ВСЕ ВЪДА.
ПРЪЧ(С)ТОК ТВОК ДЪВО ОУСПЕНИК
ПОЧИТАЮЩЕ ДИ(С)Ъ. И ДАЪЖНО ВЕ
ЛИЧАЮЩЕ +

М

5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный исторический музей (ГИМ). Собрание А.И. Хлудова (Хлуд.), № 156. Миняя служебная на март–август. Конец XIII – начало XIV в.
2. Мошкова Л.В., Турилов А.А. "Моравские земле велеи гражданин" (неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // Славяноведение. 1998. № 4.
3. ГИМ. Хлуд., № 166. Миняя праздничная. Первая половина XIV в.
4. Станчев К., Попов Г. Климент Охридски. София, 1988.
5. Иванова-Константинова К. Два неизвестни азбучни акростиха с глаголическа подредба на буквите в среднебългарски праздничен миней // Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100 – годишнината от смъртта му. София, 1971. С. 350–365.
6. Попов Г. Новооткрит канон на Константин Преславски с тайнописно поетично послание // Palaeobulgarica. 1997. № 4.
7. Попов Г. Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2).
8. ГИМ. Хлуд., № 164. Миняя праздничная. 1371–1394 гг.
9. Верещин Е. Особый парафраз канона на Рождество Христово в декабрьской служебной минее конца XII – начала XIII в. // Palaeobulgarica. 1997. № 4. С. 18–36.
10. Попов Г. Из химнографского наследия на Константин Преславски (Новооткрит трипеснец за предпраздненство на Успение Богородично) // Palaeobulgarica. 1995. № 3. С. 3–31.
11. Станчев К. Неизвестные и малоизвестные болгарски рукописи в Париже // Palaeobulgarica. 1981. № 3. С. 92–93.
12. Мошкова Л.В. Гимнографические произведения Климента Охридского: Структурно-содержательные особенности // Славяноведение. 1999. № 1.
13. Панић Д., Бабић Г. Богородица Љевишка. Београд, 1975. С. 18.
14. Бурић В.Ј. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. Ст. XV.
15. Архиеп. Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. III. М., 1997 (= репринт изд. Владимир, 1901). С. 323–326.
16. Мирковић Л. Хеортологија или историјски развитак и богослужење празника православне источне цркве. Београд, 1961. С. 52.
17. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. Ч. 1. Р–С. М., 1989 (= репринт изд. СПб., 1912).
18. Кожухаров Ст. Песенното творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски // Литературна история. София, 1984. Кн. 12. С. 19.
19. Турилов А.А. Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции (Проблемы и перспективы изучения) // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1991. Вып. 25. С. 94, примеч. 14.

© 1999 г. М.Ю. ГОРДЕЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО: ЗАВЕЩАНИЕ МАТЕРИ ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Просветитель и философ, первый профессиональный русский писатель и поэт, книгоиздатель и переводчик, создатель первого русского театра и астролог, воспитатель и учитель детей царя Алексея Михайловича, автор проекта по созданию первого в России высшего учебного заведения (будущей Славяно-греко-латинской академии) – все это относится к уроженцу Полоцка Самуилу Гавриловичу Петровскому-Ситняновичу (Симеону Полоцкому), избравшему в тяжкую годину местом жительства Москву. "Любоумудрственный грамматиче, всепремудрственный ритор, витийственный логичеством, яснозрительнейший философию", "люботрудный и премудрый муж", "церкви и царству потребный" – таковы некоторые из свидетельств современников об этой крупной фигуре восточноевропейской культуры XVII в. Более ста лет исследуются его жизнь, деятельность и творческое наследие историками, филологами, культурологами, философами. И, тем не менее, в воссоздаваемой учеными на протяжении этого времени картине жизни Симеона имеются дискуссионные вопросы.

Данная статья является попыткой автора разрешить некоторые из противоречий, касающихся происхождения Симеона Полоцкого (конкретно, его фамилии, отчества, а также состава семьи), опираясь на акт, открытый в процессе написания кандидатской диссертации "Полоцкие магистратские книги второй половины XVII в. как письменный исторический источник". По нашему мнению, речь в нем идет о матери Симеона Полоцкого.

Документ находится в актовой книге полоцкого магистрата за 1656–1657 гг. [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 471–474 об.], датируется 8 июля 1657 г. (по старому стилю) и озаглавлен как: "Тестамент Татяны Яковлевны Шереметовое, райцовое полоцкое"¹ (жены полоцкого радцы). По нашему мнению, речь в документе идет о матери Симеона Полоцкого. В пользу нашего утверждения говорит сопоставление следующих фактов.

Во-первых, как известно, Самуил (светское имя Симеона, установленное в начале XX в. [2. С. 111]) принял постриг в полоцком Богоявленском монастыре "въ лето отъ воплощения Бога Слова, 1656 въ неделю вторую по сошествии Св. Духа" (цит. по [2.

Гордеев Максим Юрьевич – аспирант Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск).

¹ Следует отметить, что данный акт, как и все ему подобные, не относится к классическому типу тестаментов. Его можно назвать "запись-тестамент", т.к. он представляет собой переписанный в магистратскую книгу текст завещания по принятым в магистратском делопроизводстве правилам. Текст официально фиксировался и заверялся на заседании магистратского суда со слов специальной комиссии в составе двух лавников и "слуги врадового". Иногда в состав комиссии входил писарь. Текст завещания вписывался после сопутствующей наррации – изложения лавниками обстоятельств дела (сообщения о дате и месте посещения особы, пожелавшей оставить юридически заверенное завещание).

С. 113]), т.е. 8 июня 1656 г. Таким образом, запись завещания в магистратскую книгу ("актыкация") приходится на время пребывания его в Полоцке. Во-вторых, в акте названы все как известные, так и предполагаемые члены семьи просветителя: оба мужа Т.Я. Шеремет: Габриэль (Гавриил) Ситнянович-Петровский и Емельян Шеремет, а также братья и сам Симеон Ситнянович-Петровский² – "велебный отец, в законе в монастыру полоцком Божоявленском будущый" [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 474].

Допуская аутентичность документа, тем не менее, следует признать, что выявленный акт не вполне вписывается в известные нам сведения о родственниках Симеона Полоцкого. Самое существенное противоречие в том, что по данным И. Татарского, мать Симеона была к моменту его переезда в Москву в 1663 г. единственной оставшейся в живых из его родителей; приехала она туда, как сообщает автор, "по-видимому", вместе с ним и находилась на его попечении [3. С. 64–65, 204]. Можно допустить, что запись завещания в актовую книгу произошла слишком рано, если так позволительно выразиться, и особа, пожелавшая его оставить, не умерла в июле 1657 г. В пользу этого утверждения можно привести тот факт, что документ вписан в тот же день, когда специальная комиссия в составе двух лавников, "слуги врадового" (одна из низших должностей в магистрате) и меского (магистратского) писаря навещала Т.Я. Шеремет (в тексте не указана дата посещения умирающей). Обычно же такие акты вписывались позднее, по-видимому, по факту смерти завещающих (позднее могло произойти и "признание... до книг", т.е. личный доклад вышеназванной комиссии о визите на заседании магистратского суда – все это указывалось в наррации акта). Можно предположить, что на момент визита комиссии Т.Я. Шеремет находилась при смерти, и завещание составлялось по имеющимся уже частям текста. Составить их вполне мог сын Шеремет – Лукаш Ситнянович-Петровский (он назван в завещании "подписком на сес час полоцким", у него же хранились все документы по имущественным и финансовым делам семьи [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 471 об.]). Имея наличный текст юридически заверенного завещания, в пользу предположения о смерти матери Симеона Полоцкого именно в то время можно привести также следующие доводы.

Во-первых, Т.Я. Шеремет умирала явно не от старости: как сообщили "паны лавники", ее "знашли... на теле смертелне хорую" [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 471]. Другие вошедшие в книгу завещания упоминают об "обложной хоробе", которой страдали умирающие (например, завещание земенина (представителя военно-служилого сословия) Полоцкого воеводства А.Г. Черкаса [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 481]). Известно, что во время войны Московского государства с Речью Посполитой 1654–1667 гг. свирепствовала эпидемия, пик которой приходился на 1656–1658 гг. [4]. Шансы заболевшего уцелеть при тогдашнем развитии медицины были мизерными. Во-вторых, документ написан не одним почерком: в двух местах он имеет надстрочные вставки (частицу "не" и обозначение денежной суммы словами [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 471 об, 473]), т.е. он явно доработан, причем, не исключено, самим Лукашом Ситняновичем-Петровским. Кроме того, присутствует запись в конце текста тем же почерком, которым сделаны вставки, свидетельствующие о выдаче выписи [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 474 об.]. Можно вполне рассчитывать на то, что актыкация (внесение в актывые книги) и доработка текста завещания, равно как и выдача копий соответствующих документов заинтересованным лицам не состоялась бы до факта смерти завещателя. В-третьих, если бы мать Симеона умерла уже в Москве, это, надо полагать, отразилось бы в его рукописях, либо других документах. В-четвертых, вряд ли она оставила бы малолетнего

² Мы употребляем форму *Ситнянович-Петровский* здесь и далее, т.к. в нашем акте при обозначении всех членов семьи, носящих эту фамилию, употребляется такая форма. Кроме того, судя по всему, обе части двойной фамилии были равнозначимыми и, как показывает открытый нами акт, наследовались вместе – от первого мужа Т.Я. Шеремет Габриэля (Гавриила) Ситняновича-Петровского (он назван именно *первым*, т.е. *единственным* первым, от которого и пошла двойная фамилия. – Например: НИАБ, оп. 1, д. 1, л. 471 об.). Вопрос, почему часто употреблялась самим Симеоном и другими одна из частей фамилии – Петровский или Ситнянович – остается открытым.

сына Яна Шеремета, упомянутого в завещании, в Полоцке в обстановке продолжения боевых действий (даже и "в опеку" Лукашу Ситняновичу-Петровскому [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 472 об.]). В-пятых, в челобитной Симеона царю от 1 сентября 1670 г., на которую ссылаются М.А. Робинсон и Л.И. Сазонова, упоминаются три человека (не названных по имени), проживавших с Полоцким в то время в Москве [5. С. 137]. Двое из них известны: жена умершего (или погибшего) брата Симеона Сильвестра (о нем будет сказано ниже) Ирина Афанасьевна с сыном Михаилом [3. С. 204]. Третьим был, вероятно, прибывший "в прошлом во 177 [т.е. в 1669-м, – М.Г.] году... на... Великого Государя имя из Литовския земли брат мой [Симеона, – М.Г.] единоутробный Иоанн Емельянов сын..." (цит. по [3. С. 208]). Никто более из родственников Симеона в вышеуказанных документах не упомянут. В этом случае остается невыясненным вопрос: какую женщину, жившую с Симеоном в Москве, первый исследователь его биографии – И. Татарский принял за его мать?

Существует целый ряд и других вопросов, связанных с биографией родственников Симеона Полоцкого, в частности, его братьев. В науке давно известны документы, где они упоминаются: это завещание Симеона, опубликованное еще И. Татарским [3], а также архивные наблюдения С. Голубева [2]. В своем завещании Симеон пишет: "Брату моему родному Иоанну Петровскому, иже обитает в Ковне червонных золотых сто. Брату же моему родному Луке Петровскому, писарю града Полоцка, червонных золотых сто" (цит. по [3. С. 325]). Известно письмо Симеона шуруину Василию Владимировичу Стефановичу, писарю градскому минскому, в котором он упоминает брата Яна Петровского [2. С. 119]³. Мы считаем, что Иоанн Петровский, живший в Ковно, и Ян, упомянутый в письме шуруину – одно и то же лицо, младший брат Симеона Полоцкого Ян Ситнянович-Петровский, названный в завещании Т.Я. Шеремет в числе ее сыновей от первого мужа. Скорее всего, он занимался торговлей, так как в нашем акте указывается денежная сумма, ему "на гандел [т.е. на торговлю. – М.Г.] даная" [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 473]. Он назван сыном "болшым" среди "свецких" сыновей, о которых говорит текст акта. Лука Ситнянович-Петровский был, по-видимому, младше Яна, если судить по последовательности, в которой оба брата называются в документе: "...двум с первым малжонком спложоним – Яну и Лукашу Ситняновичом-Петровским..." [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 472 об., 473]. Лука, "подписок на сес час полоцкий" до 14 марта 1679 г. (времени составления Симеоном завещания [5. С. 138]), скорее всего, оставался на писарских должностях в полоцком магистрате (см. выше текст завещания Симеона). Он упомянут в одном из актов магистратской книги как "приятел" мещанина Матвея Веремеенка в имущественном судебном разбирательстве [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 187]. Существует также письмо Симеона Луке, датированное 8 октября 1667 г., где просветитель обвиняет брата в отступничестве от православия: "Давно я знал твою склонность к этой измене, но не предполагал такого упрямства с упорством и не думал, что будешь жестоком. В чем, если не услышу исправления, знай, что последний раз читаешь от меня: Vale" [2. С. 118]. Здесь следует упомянуть об интересном предположении М.А. Робинсона и Л.И. Сазоновой: опираясь на факт наличия в библиотеке Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева книги – *Grammaticarum institutionum libri IV pro usu scholarum Novodvorscianarum in Alma Academia Cracoviensi. Opera et Studio M. Lucae Piotrowski in eadem Academia Novodvorsciani Gramm. Profess: Cracoviae, 1676*, – они предположили, что автор этого учебника – магистр искусств, доктор философии и профессор грамматики Новодворского коллегиума при Ягеллонском университете Лука Петровский – мог быть братом Симеона, так как определенный разлад на религиозной почве между братьями имел место (см. выше письмо Симеона Луке). Однако это предположение, при всей своей реальности, требует

³ В открытом нами акте есть упоминание о жене В.В. Стефановича, к сожалению, без ее имени: "Теж отписала п(а)ни Базылевой Стефановичовой, стрыечной сестре сынов своих [от] першого малжонка катанку саевую чорную" [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 473 об.]. Она могла быть единственной сестрой Симеона, о чем он упоминает в постскрипуме вышеуказанного письма (см.: [2. С. 119]), если к этому времени умерли две дочери брата Т.Я. Шеремет – Лукаша Яковлевича, упомянутые в завещании [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 473 об.].

дополнительной проверки. Во всяком случае, непонятны мотивы, руководствуясь которыми человек, добившийся таких высоких научных степеней, вернулся из европейской столицы в Полоцк, чтобы стать писарем в магистрате.

Еще из завещания Симеона Полоцкого было известно, что у него был брат Сильвестр, чьего сына – Михаила – Симеон назвал среди наследников: "Племяннику моему Михаилу Сильвестровичу, при мне жившему рублев сто, ему же лошадь со всем, медь и цына вся, и килимы два, и серебро, что ся останет" (цит. по: [3. С. 325]). Известен также документ о незаконном аресте 14 апреля 1659 г. по указу полоцкого епископа Каллиста группы монахов Богоявленского монастыря, в составе которой был Симеон и некий Sylvestro Sitnianowicz [2. С. 114]. Внимание исследователей обращал на себя также экземпляр "Зеркала исторического" Винцентия Бургундского (Duaci, 1624) из библиотеки Симеона Полоцкого, принадлежавший ранее проповеднику полоцкого Богоявленского монастыря Сильвестру Ситняновичу, о чем свидетельствует владельческая запись: "Ex libris Sylvestri Sitnianowicz prohinc Concionatori S. Polocensis ad aedes Eriphaniorum". В 1664 г. книга перешла к Игнатию Иевлевичу (он был в свое время игуменом того же самого монастыря) и, наконец, попала к Симеону Полоцкому: "Transiet in Bibliothecam Simeonis Piotrowski Sitnianowicz indigni hieromonachi Polocensis Ord: S: Bas: Mag: Moscovie, Dn: 1670 Aug. 26" [5. С. 137]. В связи с данными наблюдениями было выдвинуто предположение, что Сильвестр приходился родственником Симеону по отцовской линии, например, дядей ("стрыем") [5. С. 138]. А. Хипписли осторожно предположил, что это брат Симеона [6] и, как показывает наш акт, оказался прав. Сильвестр называется вместе с Симеоном как один из "старших сынов", "велебный отец, в законе в монастыру Богоявленском полоцком будущий Сылвестр Ситнянович-Петровский" [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 474]. Назван он перед Симеоном, из чего можно сделать вывод о том, что Полоцкий был младше (таким образом, подтверждается одна из версий М.А. Робинсона и Л.И. Сазоновой [5. С. 138]). Смущает, безусловно, как отметили те же авторы [5. С. 138. Прим. 36], полное совпадение светского и монашеского имени. Можно предположить, что Сильвестр оказался в монастыре уже во время войны 1654–1667 гг., пытаясь таким образом избежать участия в этих событиях.

В литературе, касающейся родственников Симеона Полоцкого по вполне понятным причинам не было обращено внимания на упоминание им самим в письме к шурина (см. выше) еще одного брата – Яна Шеремета: "И в настоящее время, когда пишу это письмо, снаряжаю брата своего Яна Петровского, и только три недели тому назад, как уехал от меня *брат Ян Шеремет*" (цит. по: [2. С. 119]) (курсив мой. – М.Г.). Следует полагать, что исследователи с достаточно малой вероятностью допускали возможность полного совпадения имен у двух здравствующих братьев, тем более, что относительно Яна Петровского в документе добавлено очень существенное определение – *своего*. Формулировка "брат" в отношении Яна Шеремета в письме монаха так же не способствовала догадкам о его возможном кровном родстве с Симеоном. Открытие завещания матери просветителя позволяет с полной уверенностью считать Яна Шеремета родным младшим братом Симеона. Эта особа упоминается в тексте акта весьма часто в связи с разделом имущества между сыновьями и приемными детьми ("пасербами"), оставшимися у второго мужа Т.Я. Шеремет после его первого брака [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 472, 472 об., 473, 474]. Мы полагаем, что именно он приехал в Москву к Симеону в 1669 г., жил с ним в одной келье в Заиконоспасском монастыре [3. С. 208] и "возлюбил во святом иноческом чине житие свое проводить и за Великаго Государя многолетное здравие до кончины живота своего Господа Бога молити" (цит. по: [3. С. 208]). Возникает, правда, вопрос: почему Симеон не упомянул "брата единоутробного, Иоанна Емельянова сына" в своем завещании?

Таким образом, проведенный анализ предшествующих данных и текста открытого акта дает возможность назвать следующих сыновей Т.Я. Шеремет (по старшинству): Сильвестр, Самуил (Симеон), Ян, Лука(ш) – от первого мужа Габриэля (Гавриила) Ситняновича-Петровского; и Ян – от Емельяна Шеремета. Следует особо обратить

внимание на то, что Габриэль назван именно *первым* (например, [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 471 об.]), именно от него и пошла двойная фамилия.

Второй муж Т.Я. Шеремет – Емельян Шеремет – был полоцким радцей (см. выше текст заголовка акта из магистратской книги). Эту должность он занимал не в первый раз, входя, по-видимому, в круг "магистратских особ", из состава которого на каждый год избирался "рочный" (годовой) магистрат. Его подпись, сделанная вычурным вариантом белорусской скорописи, присутствует на грамоте полоцкого магистрата от 9 декабря 1650 г. [1. Оп. 1. Д. 49. Л. 2]. Его имя и фамилия есть также в начале магистратской книги за 1650 г., где он упомянут как "райца з релии руское" (т.е. представитель православной общины в раде – магистратском совете) в списке магистратских особ, принимавших присягу "водлуг порадку права майдебурского" 1 января 1650 г. [1. Оп. 2. Д. 1. Л. 34]. В завещании жены указывается, что он выехал "на Москву" "в чотыры недели по взятю през рат праведного осударя, царя места Полоцкого" [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 471 об.]. Можно предположить, что это произошло примерно в июле – начале августа 1654 г. На момент составления завещания (1657) Емельян Шеремет, согласно тексту, из Москвы не вернулся, его жена вынуждена была продать кое-что из его имущества (в частности, двух лошадей, которых "од него зъ Смоленска прыслано"), чтобы выжить "зъ сыном малым Яном Шереметом" [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 474]. В акте упоминаются также дети Шеремета от первого брака: Екатерина, Андрей и Полония (жена Петра Керкожицкого) [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 472]. Возможно, это не все его дети от первого брака. Нет в акте и упоминания о его первой жене: к сожалению, он плохо сохранился, и отрывок текста, где она могла быть названа, смыт в верхней части листа [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 472]. Думается, следы отчима Симеона Полоцкого нужно искать в российских архивах среди списков белорусов, попавших в Московское государство во время войны 1654–1667 гг. Скорее всего, он входил в круг лиц православного вероисповедания в магистрате Полоцка, которые обеспечили сдачу города в 1654 г. войску царя Алексея Михайловича. В завещании есть упоминание о его свободном контакте с царским воеводой С.Л. Стрешневым, у которого Шеремет выкупал пленных [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 471 об.]. Насильно угнанным в плен он быть не мог.

Упомянуты в акте также братья Т.Я. Шеремет: Федор и Лукаш Яковлевичи [1. Оп. 1. Л. 473, 473 об.].

С открытием реальной картины семейной жизни матери Симеона Полоцкого снимаются многие противоречия. Это, во-первых, противоречие в трактовках отчества просветителя. Версия И. Татарского [3. С. 30], который ориентировался на челобитную Симеона, где упоминается "единоутробный брат, Емельянов сын", а также версия Л.Н. Пушкарева [7] о том, что отчество просветителя Емельянович, оказалась неверной, как и компромиссная трактовка В.К. Былинина о возможном монашеском звании отца Полоцкого и, отсюда, о двух вариантах отчества – от его мирского и церковного имени [8]. Правы в своих догадках оказались К.В. Харлампович (еще в начале XX в. выдвинувший предположение о варианте Гаврилович [9]), В.М. Пузилов, поддержавший эту версию [10], а также М.А. Робинсон и Л.И. Сазонова, сумевшие при наличии скудных данных доказать ее путем анализа оригинальных источников, средневековой терминологии кровнородственных связей и обосновать предположение о существовании отчима Симеона, которого звали Емельян [5. С. 135]. При этом, однако, не подтвердилось их предположение о том, что именно наличием отчима – Емельяна можно объяснить двойную фамилию Симеона Полоцкого [5. С. 137].

Написание в открытом нами акте одной из частей фамилии Симеона Полоцкого – *Ситнянович* – подтверждает предложенный двумя вышеупомянутыми авторами вариант написания ее, в отличие от бытовавшего ранее *Ситнянович* [5. С. 134] (следует заметить, однако, что еще К.В. Харлампович [5. С. 379] указал правильный вариант, правда, неправильно передав другую часть фамилии: Пиотровский (см. [5. С. 134. Прим. 2]). Проясняя вопрос с двойной фамилией в свете новых данных (см.

выше), необходимо признать ошибочность следующей версии М.А. Робинсона и Л.И. Сазоновой. Наблюдая за "двойным" отчеством просветителя, двойной фамилией и закономерностями употребления ее отдельных частей в отношении Симеона и его братьев, они предположили, что отцом первого был Гавриил Ситнянович, а отцом его упомянутых в завещании братьев, а также брата Исакия – Емельян Петровский, приходившийся Симеону отчимом [5. С. 137].

Отдельно следует остановиться на проблеме, связанной с братом Симеона Исакием. Известны документы, в которых Симеон хлопочет перед архимандритом Кутейнского монастыря Филофеем Сагайдачным о приеме в эту обитель своего "брата же единоутробна" Исакия (цит. по: [5. С. 137]); благодарит того же Ф. Сагайдачного за содействие в приеме брата уже в Иверский монастырь, где Филофей с 1658 г. был настоятелем [5. С. 136]. Наконец, существует челобитная Симеона Полоцкого, открытая Л.И. Сазоновой при работе над его автографом "Вертограда многоцветного" [5. С. 141], патриарху Иоакиму с просьбой о расследовании жестокого убийства стрельцами вышеупомянутого брата, которое произошло в 1674-м (или в 1675 г.) [5. С. 140]. Известно также, что с 1669 г. по 1673 г. в Иверском монастыре находился брат Симеона Полоцкого иеромонах Исакий [5. С. 137]. В качестве предположения мы допускаем, что этим братом мог быть вступивший в монашество по прибытию из Полоцка Ян (Иоанн) Шеремет – совпадают первые буквы бывшего мирского и церковного имени, что было почти обязательным правилом при принятии пострига. Однако, если допустить такую версию, возникает противоречие со сведениями И. Татарского, согласно которому Иоанн жил в Москве в одной келье с Симеоном [3. С. 208]. И в то же время, как уже было сказано, вызывает удивление, почему Иоанн не упомянут среди наследников в завещании Полоцкого, т.е. он как бы "выпал" из числа родственников Симеона к моменту смерти последнего. В этой связи вполне можно предположить, что он скончался до 1680 г. (год смерти Симеона Полоцкого).

Таковы новые сведения, касающиеся биографии великого деятеля славянской культуры. Некоторые невыясненные вопросы требуют дополнительной проверки и дальнейшей работы исследователей.

Далее публикуется текст акта. Курсивом выделены выносные надстрочные буквы; в круглых скобках помещены пропущенные части слов под титлами; в квадратных – остальные части сокращенных слов. Пунктуация и знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами орфографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный исторический архив Беларуси (Минск). Ф. 1823.
2. Голубев С. Отзыв о сочинении В.О. Эйгорна: Очерки из истории Малороссии в XVII в. 1. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899 // Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. 1902. Т. VI, № 2.
3. Татарский И. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.
4. Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. Минск, 1995. С. 71.
5. Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // Русская литература. 1988. № 4.
6. Hippius A. The Poetic Style of Simeon Polotsky. Birmingham, 1985. P. 11 (Birmingham Slavonic Monographs, № 16).
7. Пушкирев Л.Н. Симеон Полоцкий. // Жуков Д.А., Пушкирев Л.Н. Русские писатели XVII века. М., 1972. С. 201.
8. Былинин В.К. О дате рождения Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. 1985. Т. 39. С. 370.
9. Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 379.

704¹. 7165. М(еся)ца июля о² мого дня, у середу.
Тестамент³⁻³ раметовой, раіцовой полоцкоу.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(оспо)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великое, Малое и Белое Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом бурмистрами, и перед нами раіцами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыми.

Постановившы се очевисто, славетные панъ Стефан Людкович и пан Михал Напешыч, лавники места Полоцкого, и пры них слуга вradoвыи мескии Гарасии Сахонов, прызнане свое учынили в тые слова, иж деи с прыданя и посланя ваших м(и)л(о)стеи в раду, а за потребованем славетное п(а)ни Таяны Яковлевыи Амеляное Шыраметовое, раіцовое полоцкое, были есмо и с паном писаром нашым меским полоцким в доме ее, п(а)ни, Шереметовое тутъ, в месте Полоцком, на улицы Великои збудованом, которую ач есмо знашли в том дому на теле смертелне хорую, однак пры целои памяти и зуполном розуме будучую.

Где она, п(а)ни Шереметовая, будучы так велце хороу, а хотечы распорадить остатнюю волю свою, абы позосталые потомкове ее – с першым малжонком ее спложоные, и по пану Амеляну Шырамету, втором малжонку ее, зосталые, – межы себе по смерти ее жадных ростырков и заводов не мели, перед нами лавниками, и перед паном писаром з доброе воли своее, а не з жадное чыее намовы, учынила такии тестамент.

Напрод забегаючы, абы⁴⁻⁴ ее якого порозуменя и нареканя не было през позосталых потомков по пану Амеляну Шырамету, а през пасербов ее, поклала перед нами список и инв⁵ нтар всее маетности по п(а)ну Амеляну Шырамету, малжонку своем позост⁶ лое, выписом с книг меских полоцких под датою року сто шестдесят четвертого, м(еся)ца июля второго дня выданыи; которая маетност, позостала пры неи, п(а)ни // л. 471 об. //⁷⁻⁷, по о⁸ езде на Мо⁹ кву ма жо¹⁰ ка ее, в за¹¹ ку полоцькомъ в чотыры недели по взятю през рат праведного осударя, ц(а)ря места Полоцкого, которыи инвентар през нее, п(а)ни Шереметовую, ест учыненыи. Теды тот инвентар, датою вышеи выражонии, яко слушныи и правдивии во всем, яко се в нем описало, потвердила; и тая деи вся маетность, по п(а)ну Шеремету позосталая, а в том инвентару описаная, пры неи, п(а)ни Шереметовой, и тепер ест. Толко деи, водлуг того инвентару, копъ трыдцати и одное у Петровое Арехвиное и товарышок ее за волну не сыскала, бо з розсудку вradoвого копъ шеснадат всказано, на што

¹ номер акта в магистратской книге.

² лист обрезан, утраченную выносную букву следует читать как с.

³⁻³ лист обрезан, утрачено около 2–3 слов.

⁴⁻⁴ две буквы написаны неотчетливо, возможно *но* или *ко*.

⁵ лист обрезан, утраченную букву следует читать как е.

⁶ лист обрезан, утраченную букву следует читать как а.

⁷⁻⁷ лист обрезан, утраченное слово следует читать как *Шереметовое*.

⁸ лист обрезан, утраченную выносную букву следует читать как д.

⁹ лист обрезан, утраченную выносную букву следует читать как с.

¹⁰ лист обрезан, утраченные выносные буквы следует читать как л и н.

¹¹ лист обрезан, утраченную выносную букву следует читать как м.

ест декрет у сына ее, с першым малжонком, паном Кгабриелем Ситняновичом-Пютровским спложного – у п(а)на Лукаша Ситняновича-Пютровского, подписка на сес час полоцкого, пры котором тежъ вси sprawy, реестра и обликги так першого, яко и второго малжонка ее водлуг того ж инвентара зоставаюць. А копеняк фалендышовыи, которыи еще перед ратю малжонку ее был зоставлен у копах дванадцати од п(а)на Артема Микулича, тотъ, яко се в ынвентару описало, не пропал, але деи оного самъ пан Шеремет, малжонок ее, даровал боярыну Семену Лукьяновичу Стрешневу, выкупуючы с полону п(а)ни Александровую Пчыцкую, од которое ест обликгъ на талеров трыдцать даныи. Да тому ж, в той же справе годечы, дал ложьки серебряные две. Скрыня зась сц¹²⁻¹² ою и зъ медью, которая была в церкви Светои Софии в замку Вышг¹³ем полоцком, тая со всим пропала. А болшъ того, што се колвек маетности¹⁴⁻¹⁴ на обликгах долговъ по одежде малжонка ее позастало, яко се в ынг¹⁵ ентару выразило, и особно горшок медныи, которыи не¹⁶вписаныи позостал, – то все належыть до поделу детям малжонка ее, пана Шеремета: так // л. 472 // с першою малжонкою его, яко тежъ и з¹⁷⁻¹⁷ кою яко л¹⁸⁻¹⁸ ною спложным, которых детеи, опроч замужных и выпосажонных цорок, зоставает трое, то ест сын Андреи и цорка панна Катерына Шереметы – с першою малжонкою его спложныи, а третии сын – мнешыи, Ян Шеремет, вжо з нею, второю малжонкою спложныи. Межы которым потомством еи, п(а)ни Шереметовои, яко малжонце отца их, ровная част во всякои маетности належыть.

Менила тежъ перед нами, лавниками она, п(а)ни Шереметовая, иж што в том же инвентару ест описано, што сам малжонок ее, панъ Амелян Шеремет, перед наступенем рати дал до вывезенья и целого захованя всю наилепшую и наиважнейшую рухомую маетность свою зятю своему, п(а)ну Петру Керкожыцкому и малжонце его, а цорце своеи выпосажонои – п(а)ни Полонии Шереметовне; так же и сыну своему Андрею и другои цорце панне Катерыне Шереметом. Тая маетност за прыездом их в Полоцок в року прошлом, сто шестдесят четвертого, ей пани Шереметовои, до рук ее дошла. Только водлуг того инвентара не отдали еи пары сукень фалендышовых зеленых, дылеи фалендышовое, лисами подшытое, которая была першого зятя пана Шереметового, небощыка Лукяна Ганчара; а на тую деи сукню малжонок ее, пан Шеремет, дал дочце своеи, теперешней пани Керкожыцкои, копъ трыдцат албо теж чотырнадцат, чого добре паметат не может, а тепер тая сукня пры п(а)ну Керкожыцком зостала. До того не дошло еи, пани Шереметовои, од них же напрод колпак аксамиту чорного соболлии, футро лисее доброе хребтовое, ложок серебряных двух, саян китаичаныи один не дошол, фартуха китаики селезьневои – того не было и тепер нетъ. Не дошол теж еи, п(а)ни Шереметовои, полчамарок турецького мухоиру. А хусток розных, золотом и едвабем шытых десет – тые вси у цорки малжонка ее, у панъны Катерыны зоставают. Не дошолъ тежъ // л. 472 об. // обрус стказки¹⁹ один²⁰⁻²⁰ адло с фурбатами ручников ткацких водлуг инвентара половицы не дошло; ручница рысованая коловая не дошла; грошы готовые, которых не ведает колко им дал малжонок ее, не дошли.

¹²⁻¹² в листе пробита дырка, утрачено примерно 2–3 буквы.

¹³ лист обрезан, утраченную букву следует читать как *н*.

¹⁴⁻¹⁴ лист обрезан, утрачено примерно 1–2 буквы.

¹⁵ лист обрезан, утраченную букву следует читать как *в*.

¹⁶ не вписано над строкой почерком *В*.

¹⁷⁻¹⁷ смыто примерно 12 букв.

¹⁸⁻¹⁸ смыто примерно 2 буквы.

¹⁹ слово написано неотчетливо.

²⁰⁻²⁰ смыто примерно 8 букв.

Тая вся маетност тако ж до поделу дѣтем позосталым, вышеи помененым, и еи самои, п(а)ни Шереметовои, на ровные части належить, и то все, чога не дошло, шапунком сыну Андрею и цорце панне Катерине Шереметом в части их *отраховано* быти маеть. А свою част всю, што колвек на нее, п(а)ни Шереметовую, так в лежачои, яко и в рухомои маетности мужнеи водлуг того инвентара належало, то все тым тестаментом своим одписала и на вечност даровала сыну своему, с паном Омеляном Шыраметом спложоному, Яну Омеляновичу Шеремету; и с тым всим дала и поручыла его в опеку вперед Г(оспо)ду Богу, а потом сыну своему, с першым малжонком спложоному, пану Лукашу Ситняновичу-Петровскому, подписку полоцкому, прыказавшы ему, абы яко почал и до конца ему доброе цвиченье давал, и на добром его оку мел, не подаючи никому в обиду, яко брата своего.

Кутому теж менила, иж што она, п(а)ни Шереметовая, тым же особом вышеи писаным, перед ратью давала до вывезенья *особную маетност* свою власную, в дом пана Шеремета внесеную, яко теж и в дому его с прац своих особно набытую, яко се в том же инвентаре описало – тая вся еи од них оддана, толко не дошло еи, пани Шереметовои; саян фалендышовыи вишневыи, кшталт аксамитныи чорныи, чамара фалендышова чорная новая летняя²¹ фартух чорныи саевыи и наметка рубковая, а иншое все дошло. Тую ве²² маетност свою вносную рухомую так тут – в тестаменте, яко и в инвентару описаную, одписала^{23–23} на вечност лекговала на тры ровные части тром сыном своим, то ест: двум с першым малжонком спложоным – Яну и Лукашу Ситняновичом- // л. 473 // Петровским, а третему, зъ вторым малжонком, паном Шеремето²⁴, спложоному, – помененому Яну Шеремету.

Да тым же тром сыном своим одписала и на ровные части всю рухомую маетност, которую по одеханю п(а)на Шеремета, малжонка своего, своєю працою през тры годы заробила и набыла, то ест: наперед, готовых грошей копь осемнацат, горелки простое кварть сто, меду сычногого бочки две, чамару фалендышовую, полотна у штучках двух локтеи трыдцать, тувалки едваные две, рубьки чотыры и иншых хуст дробных немало, што ест в скрыне; постел со всим, то ест падушки тры великие, перыны две – верхняя и исподняя, престирадло с форбатами, фартух штамету блекитного; корову копь пят даную; кгузиков медяных злотистых десет; полоску серебряную до венка, медницы мосендзовые тры в дом на кгруте пана Шереметовом, на улицы Великои стоячыи, которого тепер свежо своим коштом збудовала^{25–25} уложила копь шестдесят.

У сына болшого Яна Ситняновича готовых грошей копь сорокъ на гандел даных, с тых копь сороку належат копь десет меншому сыну Яну Шеремету, што ему пожалованья г(осу)д(а)р(е)вого дано. А остаток на ровныи подел всим тр²⁶м сыном.

У его м(и)л(о)сти пана Александра Рыпинского долгу винного за страву сына его м(и)л(о)сти копь пять.

До того менила же брат ее, п(а)ни Шереметовое, пан Федор Яковлевич набрал у ее розными часы копь болшь петидесят, то ест: напервеи взял готовыми у малжонка ее на окупъ себе с полону копь шеснаццать; потом у нее самое по одежде малжонка взял копь трыдцать; зас взял ²⁷копь шесть и гр(о)шеи два²⁷; знову гр(о)шеи восемдесят лит[овских]; зас взял копь две, гр(о)шеи трыдцат и п(е)н(я)зеи чатыры; еще

²¹ слово написано неотчетливо, возможно читать как *летксая* или *летшая*.

²² в листе пробита дырка, утраченную букву возможно читать как *ю*.

^{23–23} в данном месте присутствует полусмытая выносная буква, не поддающаяся прочтению.

²⁴ смыта выносная буква, которую возможно читать как *м*.

^{25–25} смыта 1 буква, скорее всего *и*.

²⁶ лист обрезан, утраченную букву следует читать как *о*.

^{27–27} вписано над строкой почерком В.

взял гр(о)шеи дванадцат лит[овских]; потом гр(о)шеи сорок лит[овских]. А в том всем дал *ei*, пани Шереметовои, в заставу поес серебрянии, бляшъковыи, шмалцованыи, злотистыи. С которым братом помененые тры сыны ее мают прыятелски // л. 473 об. // обжитисе и свое к себе *взят*, а *его*²⁸⁻²⁸ ²⁹*ернуть*. А што теж тот же брат ее заставил *ei*, пани Шереметовои, у чырвоном золотом полмиски цыновыи тры, то ему *верне*³⁰⁻³⁰ *бы*³¹ и *мает* без грошеи. Так же не мають у него упоминати се девети копь, што он бачулку горелки ее за непилнстю своею згубил. А особливе мают ему с того долгу, од него винного, *отраховат* роботу его, што уробил в дому ее: печ светличную и избную, и кухню в сенях, толко комина не вывел за дах. И на всякую его працу, што *ei*, яко сестре своеи, допомага*л*, *респектоват* мають.

А с паном Петром Остаповичом водлуг *особливого реестрыку*, што он у нее, пани Шереметовое, брал, и што на то од него дошло *ei*, мають тые ж сынове ее *пораховат* се слушне.

А што малжонк ее, пани Шереметовое, продал кгрунт домовыи, детем ее, с першым малжонком спложным, *належачыи*, и *взял* за оныи копь двадцат; теды десет *кои ei* од малжонка дошло, а десет еще пры маетности *его* застава*ет* и тым же детем ее *належыт*.³² што все, так же и оресы вышей помененые, што се зъ вывозу не *вернуло*, раху³³ ок межы ними быти *мает*.

Надто одписала и даровала п(а)ни Сахоновои Мушыной, сестренице своеи, шапку лепшую, аксамитную, соболю, женьскую. А *матце* ее, пани Петровои Остаповичовои, шапку подлеишую, ходную, тежъ соболцовую, аксамитную. Дочкам двум брата своего, Лукаша Яковлевича, одписала и даровала саяны ходные два, полчамарок полкгрубрыновыи, подушку одну од постели своеи, и кошул своих пару. Пани Федоровои Борысовичовои тако ж кошул пару.³⁴ што се болшъ *зостанет* кошул, тые вси одписала пасербицы своеи панне Катерыне Шереметовне; да *ei* же одписала подушки две особные, опроч постелных, которые суть у нее. А перынка поедынквая сподняя и кожух турецкий – то сыну своему Лукашу одписала. А хустку, золотом шытую – болшому сыну Яну, и кожух московский ему ж, и подушки две малых. А *коц* – пасербу своему Андрею Шеремету. Теж одписала п(а)ни Базылевои Стефановичовои, стрыечнои сестре сынов своих першого малжонка, катанку саевую чорную.

На остаток поведила она, // л. 474 // п(а)ни Шереметовая, *иж* отыскали до³⁵⁻³⁵ му, пану Шеремету винного у пана Крыштофа Рыпинского золотых два. Да *взела* за коня³⁶ *его*, малжонка своего, которого од него зъ Смоленска прыслано, копь двадцат две, а за другого копь сем; за жупан атласовыи *взела* копь трынадцат; а за ручницу, которая се пры *ней* *зостала*, *взела* копь чатыры. И с тым се зъ сыном малым Яном Шереметом *жывила* ним³⁷ себе з замку *меисце* до *жытя* вместе упатрыла.

А о долгах *деи* малжонка своего не ведаю, але обо всем в реестре *его ест* описано. Толко ведаю *деи*, што брал у пана Сивохи копь сто на обликгъ, але се истил на тот долгъ, а обликгъ еще в чомсь застава*ет* у пана Сивохи. Зась што *деи* был малжонк мой *винен* сполне зъ зятем своим Семеном Шытиком на обликги розные пану Валерыяну Ососку – то все *оддано* и *уиц*³⁸ но, а обликги тые пры п(а)ну Ососку толко

²⁸⁻²⁸ смыто примерно 3 буквы.

²⁹ смыта 1 буква, которую следует читать как *в*.

³⁰⁻³⁰ буквы написаны неотчетливо, возможно читать как *т*.

³¹ 1 буква написана неотчетливо, скорее всего *т*.

³² лист обрезан, утраченную букву следует читать как *и*.

³³ лист обрезан, утраченную букву возможно читать как *н*.

³⁴ лист обрезан, утраченную букву следует читать как *а*.

³⁵⁻³⁵ смыто примерно 10 букв.

³⁶ *я* написано неотчетливо.

³⁷ слово написано неотчетливо.

³⁸ 1 буква написана неотчетливо.

в гостинцу не одданом zostали, которые тепер у тестя его, пана Костантого Реута, Семен Шытик за восем золотых або и менеи выкупил; и вжо они не суть важные, але скасованы быт мают водлуг процессов о то учыненых.

Зас што деи Алексеи Корзевич отнял у мене шмат кгрунту мужьнего, теды на том кгрунте малжонок мои год двадцат жыл, а никто не турбовал. И в³⁹ чом ест декрет у сына моего: Лукаша, иж там волное дохожене того кгрунту за прыбытием детеи пана Шереметовых заховано; што им и тепер доходит волное, если ведают же то неналежне Алексеи Корзевич по жоне своеи взял, и если в том давност правная не зышла была.

А я деи сама никому ничего не винна, толко Г(оспо)ду Б(о)гу душею.

А затым, кончечы тот⁴⁰⁻⁴⁰ тестаментъ, просила сынов своих всих: так свецких, вышей имены выражоных, яко теж особливе старшых сынов своих, в законе в монастыру Богоявленском полоцком будучых – велебных отца Сылвестра и отца Сымеона Ситняновичов-Петровских, абы с тое ж позосталое худобы тело ее грешное почстиве способом хрестиянским пры церкви Светого Богоявления погребли и поховали, яко на сынов, матку свою милуючых, прыналежит. И назначыла обрус лепшыи тькацъкьи, абы труна оным по зъвычаю покърыта была. // л. 474 об. //

А затым поминала⁴¹⁻⁴¹ тых же сынов своих, абы, живучы прыстоине в любъви и милости братерскои, за душу ее по смерти Г(оспо)да Б(о)га модльствовали и просили.

Которое таковое справоване того тестаменту славетное пани Омеляное Шереметовое, раицовое полоцкое, и прызнане оногo през помененых панов лавников и слугу врадового ест до книг меских полоцких записано. [собственноручный знак писаря].⁴² Выпис выдано⁴². [собственноручный знак другого писаря].

³⁹ в написано неочетливо.

⁴⁰⁻⁴⁰ в листе пробита дырка; утрачено примерно 2 буквы; присутствует выносная буква, не поддающаяся прочтению.

⁴¹⁻⁴¹ смыто примерно 7-8 букв.

⁴²⁻⁴² написано почерком В.

© 1999 г. С. СИНЬОРИНИ

ОБРАЗ РИМА И ИТАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГРИГОРИЯ СКИБИНСКОГО (XVII–XVIII ВВ.)

Среди российских авторов конца XVII – начала XVIII в. Григорий Алексеевич Скибинский привлекает особое внимание из-за его тесных контактов с европейской культурой. Он принадлежит к числу тех личностей, жизнь которых, прошедшая под знаком двух культур – славянской и западноевропейской – вписывается в актуальные в то время споры на юго-западной Руси и в Московии между православием и католицизмом.

Сведения о жизни Скибинского до его отъезда в Европу очень ограничены. Неизвестно место, где он родился: А.И. Соболевский считает, что Скибинский малорос, вероятно, родом из Галиции [1. С. 1]; М. Никольский предполагает, что он родился в Малороссии или Белоруссии, а не в Великороссии, ссылаясь на то, что в заключительном акте о принятии Г. Скибинского в православную церковь сказано, что "лучше и полезнее отслати его во свое отечество" [2. С. 170]. Неизвестен ни год его рождения, который, по всей вероятности, близок к 60-м годам XVII в., ни город, где он прожил первые годы жизни и получил начальное образование. Из письма, написанного им патриарху Адриану в Москву, куда он отправился после пребывания на Западе, мы знаем, что он родился в православной семье и обучался в православной школе. После окончания этой школы он четыре года был учителем. Но желание углубить полученное образование и изучать науки, которые способствовали бы развитию собственной культуры, побуждает его покинуть родину и уехать в Западную Европу. С 1688-го по 1696-й г. Скибинский живет в Риме. Восемилетнее пребывание дает ему возможность близко познакомиться с городом и организацией его общественной жизни, с его жителями и их обычаями, с папским двором. Кроме того, он изучает философию, богословие и "иные свободные художества" [3. С. 6, 7]. В Риме, в связи с требованиями католической церкви, предъявляемыми к тем, кто желал учиться в ее школах, он вынужден отречься от православной веры. Скибинский становится униатом, признавая папскую власть и исповедуя догматы католической церкви. Несмотря на успехи в области гуманитарных наук жизнь российского ученика в Риме оказывается нелегкой. О чем он сам писал: "всегда въ гоненіи пребывалъ" (цит. по: [1. С. 1]). Наверное, он испытывал трудности и когда путешествовал по Италии. Самое неприятное событие произошло с ним в Павии, где он несправедливо был обвинен в преступлении, осужден и наказан отрезанием руки ("В томъ граде [...] по наговорахъ поповъ папныхъ мене несчастье поткало – руку невинно потерять" [3. С. 78]).

Кроме Италии Скибинский посещает Францию и Германию: Франция не производит на него никакого впечатления, в то время как Германия вызывает большой интерес как родина лютеранства и кальвинизма.

Синьорини Симонетта – профессор Флорентийского университета (Италия).

После окончания обучения в Риме, где ему присуждают звание "философии и иных свободных художеств докторъ, святѣй богословіи учитель свидѣтельствующаный" [3. С. 6, 7], Скибинский навсегда уезжает из Италии. На обратном пути он останавливается в Константинополе, где посещает патриарха и получает от него благословение отправиться в Москву, чтобы занять место учителя в Славяно-греко-латинской Академии. Действительно, русский патриарх Адриан неоднократно обращался к патриарху Константинополя с просьбой прислать ему учителей для духовной Академии с рекомендательными письмами. К несчастью, Скибинский покидает Константинополь без такого письма, которое, безусловно, помогло бы ему легче прижиться в московской православной среде.

Таким образом, по приезде в Москву он должен сам хлопотать о том, чтобы устроиться и наладить отношения с православной церковью. В Москве преподавать могли только православные, а униаты или представители других вероисповеданий не могли быть учителями. Поэтому Скибинский заботится о возвращении в православную веру, отрекаясь от католической. В этой связи он подает патриарху Адриану прошение, в котором изъявляет желание вновь обратиться в православие. Он просит также, чтобы ему дали иерея Прова, который испытал бы его совесть [3. С. 6]. Таким образом ему удалось бы снова вернуться в православие, избегая прямого столкновения с патриархом и Собором.

Вместе с прошением был представлен патриарху Адриану и документ, содержащий "Пункты, или предложія"¹ католической веры, которые Скибинскому пришлось признать, чтобы получить разрешение учиться в католических "академиях", когда он был в Риме. Этот документ содержит перечень утверждений, только отчасти теоретических (частично догматических), о превосходстве Римской церкви над православной и об их различии, от которых автор готов отказаться, вновь обращаясь в православие.

Дело Скибинского передано патриархом Адрианом иеромонаху Чудова монастыря Евфимию, который просмотрев все бумаги, прямо заявил, что надо казнить просителя. По мнению Евфимия, он, названный "овчею кожею покровенный волк", является доверенным агентом папы, посланным в Москву, чтобы обманом отталкивать людей от православия и от истины, привлекая их в католичество². Однако, чтобы проверить искренность намерений Скибинского, Евфимий советует патриарху Адриану просить его написать трактат против католичества. Автор подобного сочинения сможет снова проповедовать православную веру только после отречения от веры католической, при всеобщем присутствии, а не в тайне исповеди у духовного отца. Согласно церковным канонам, ему пришлось бы ждать 10 лет до вхождения в православную церковь и конца жизни – до сподобления святого причастия. Евфимий Чудовский считал необходимым, чтобы Скибинский сообщил имена новых святых католической церкви, о чудесах, ими совершенных, описал жизнь римских пап и рассказал историю их восшествия на папский престол.

Несмотря на весьма неблагоприятный отзыв Евфимия Чудовского на прошение Скибинского патриарх Адриан принимает решение вызвать его к себе на Собор. На этом собрании зачитывается текст, подготовленный Евфимием Чудовским для патриарха (так называемое "Предрѣчіе ко священному собору"), само прошение, а также "десять пунктов" католической веры. Вслед за этим идет допрос Скибинского, ему задают десять вопросов для выяснения некоторых биографических данных, и главного – причины, заставившей его поехать в свое время в Рим, с целью узнать имена его преподавателей и также определить, написал ли он трактат о вере, будучи в Риме, показал ли уже кому-нибудь "десять пунктов" и, наконец, почему собирался он ходить по домам и преподавать "лестные" науки еще до возвращения в православную церковь.

После ответов Скибинского, о которых не осталось письменных свидетельств, и

¹ Речь идет о "Пунктах или предложениях, о нихже исподѣдать имѣхъ нужду" [3. С. 6, 7].

² Среди агентов папы, отправленных в Москву, упоминаются Белобоцкий и монах Одорский [3. С. 9].

опровержения его "десяти пунктов", произносится приговор, в котором говорится, что он никому не сможет преподавать латинские науки там, где обязуется жить, и что должен будет написать "книгу на латинь о всѣхъ таинствахъ церковныхъ и на папу и на поданыя намъ тобою пункты и на прочая вся разнства, яже суть между западною и нашею восточною церквію" [1. С. 4].

После приговора теряются все следы Скибинского: до сих пор нет никаких сведений о его последующей жизни.

Предполагается, что Григорий Алексеевич Скибинский умер в Москве в 1716 г. [4].

Скудость и неполнота биографических данных о Г.А. Скибинском восполняется сведениями о его относительно богатом творчестве, главным произведением которого является "Краткое сказаніе і описаніе трема частями о граде Римѣ и всей Италиі з нѣкоторыми грады западныхъ царствъ, в которыхъ великіи академіи знайдутся", ставшее интересной страницей в развитии отношений между восточно-славянским и итальянским миром и, особенно, в истории конфессиональных споров, противопоставляющих две церкви: православную и римскую. Это большая, не завершенная работа, которая, по замыслу Скибинского, должна была содержать четыре части. Первая и вторая из них, посвященные Риму и другим итальянским городам, – своего рода введение к центральной части работы. В форме, до нас дошедшей, они в то же время составляют как бы самостоятельное, отдельное произведение, о чем свидетельствует история их изданий. Третья и четвертая части представляют, в некотором смысле, ответ Скибинского на просьбу патриарха и Собора написать "книгу против латинь", как показывают изложенные в них полемические и догматические темы.

Вышеназванная работа Скибинского с ее четырьмя частями дошла до нас в двух рукописных списках начала XVIII в., которые находятся в Рукописном отделе Российской Государственной библиотеки в Москве³ и в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге⁴. Она была напечатана в "Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских" 1913 г. Соболевским, который опубликовал Московскую рукопись с вариантами Петербургской в подстрочнике.

Объект нашего исследования – первые две части работы Скибинского, которые были распространены в XVIII и XIX вв. как составные части единого произведения, названного "Сказаніем о градѣ Римѣ и всей Италиі". Первая из них под общим названием "Сказаніе о граде Риме" была распространена в рукописном и печатном виде⁵.

Эта часть произведения Скибинского ("Краткое сказаніе о градѣ Римѣ, папѣ римскомѣ, кардиналахъ, великихъ четырехъ посллахъ во градѣ Римѣ, костелахъ, монастырахъ, академіяхъ, богадѣльныххъ для страннопришелцовъ, воинахъ, збирахъ, о юношахъ и отроковицахъ и женахъ римскихъ") содержит две главы. Первая посвящена Риму: после описания его географического расположения и краткого рассказа о его основании, автор пишет о блудницах и о женщинах вообще, описывает памятники, дворцы, Академии и римские церкви.

Вторая глава под названием "О папѣ римскомѣ, кардиналахъ, дворѣ папешскомѣ, протопопахъ римскихъ, четырехъ патриархахъ, которыя отъ папы римского избраны, и о иныхъ дѣлахъ, к папе приналежащихъ", кратко рассказывает о папе, о неко-

³ См. рукопись Ундольского собрания. № 706. Л. 310.

⁴ См. рукопись Собрания графа Толстого II. № 381 (=Q.XVII.49).

⁵ В рамках рукописной традиции кроме московской и петербургской рукописей цитируем "Прекраткое сказаніе о градѣ Римѣ" второй половины XVIII в. из Собрания Ундольского (№ 1213. Ф. 310) и "Сказаніе о градѣ Римѣ" из Собрания Тихонравова (№ 577, Ф. 299).

В рамках печатных изданий цитируем произведение под названием "Описание Рима, составленное русскимъ путешественникомъ" в конце XVII в., опубликованное в "Сыне отечества" (Т. 1. 1838), которое состоит из двух глав: первая о граде Риме и вторая о Римском папе и его дворе. В феврале 1911 г. в журнале "Душеполезное чтение" было издано "О великом градѣ Римѣ и о костелахъ сущихъ начальнейшихъ" с подписью Ан. Титов [5]. Оба текста содержат первую часть "Краткого сказанія..." Г. Скибинского в сокращенном виде.

торых обычаях его жизни, о людях, занимающихся его безопасностью, и о гвардии, предназначенной для поддержания порядка в городе. Следует описание деятельности учреждений, созданных для защиты католической веры перед другими вероисповеданиями. В последней части главы в центре внимания писателя – обряды захоронения папы и выбора его преемника, вслед за чем излагаются некоторые наблюдения о кардиналах и даются формулы обращения к папе в письмах.

Вторая часть работы Скибинского "Краткое сказаніе о панствѣ папезскомъ, царствѣ Неаполитанскомъ, рѣчи посполитой Венецкой и о самомъ граде Венеции, Люкиени, Модни, Пармы, Медиоляни, Пимонтіи и о всей Италии с чесными грады и академиями", разделена на четыре главы. В первой из них описываются пять основных городов, входящих в состав папского государства: Феррара, Болонья, Анкона, Перуджа и Рим, а также другие города, находящиеся в их окрестностях. Описание сопровождается рассказом о реальных событиях или легендами, оживляющими текст. В последних двух разделах говорится об иностранцах и о приеме, который им оказывают местные жители.

Вторая глава посвящена Неаполитанскому королевству, включающему соседние территории Калабрии, Сицилии и землю Бари, где находятся многие города (среди них – Неаполь, Козенца, Катанзаро, Мессина и Бари). Далее упоминается о четырех сильных землетрясениях, которые в разные эпохи потрясли Италию. Скибинский дает краткое описание острова Мальты и Мальтийского рыцарского ордена.

В третьей главе говорится о Венецианской Республике, о городах Венеции и Падуе с их памятниками, организацией общественной жизни, академиями и системой образования. Страницы о Венеции содержат наблюдения об иностранцах и о людях разных вероисповеданий, по отношению к которым город обнаруживает значительную терпимость. Особой остротой отличается мнение Скибинского о папе и о его разрушительном воздействии на восточную греческую церковь. Подробно описывает Скибинский "академию" Падуи.

Третья глава заканчивается рассказом о единственной попытке со стороны иностранца (сына турецкого султана) захватить Венецию. Скибинский считает, что, кроме этого события, городу никогда не угрожал внешний враг.

В четвертой главе второй части этого сочинения говорится о других итальянских государствах: Великом герцогстве Флоренции, княжестве Мантуя, Парма, Милан (с городами Милан, Павия, Александрия и Комо), королевстве Савойя с Турином, Альпах с их странными обитателями.

В последней части главы дается перечень одиннадцати королевств Италии с указанием союзов между ними и римским папой и/или другими европейскими государствами: Францией и Испанией. Затем следует ряд наблюдений об Италии в целом [3. С. 83–85]: дается географическое описание страны, говорится о терпимости к иностранцам, характеризующей всех итальянцев ("Сія есть вѣра и законъ всѣхъ італіанъ" [3. С. 85]). Глава кончается пометкой, где читателям напоминается, что сведения об Италии, ее государствах и городах можно найти в книге Джованни Ботеро [6] и в других латинских и итальянских книгах.

В произведении Скибинского переплетаются разные повествовательные жанры: описание политической и общественной жизни Италии, ее основных городов с их церквями и монастырями, замечания о католической вере и о римском папе, рассказы об исторических событиях, частных случаях, легенды. Разнообразие тем создает повествование, полное живости и динамизма, последнее достигается и включением отрывков, содержащих диалоги, прямую речь, частные наблюдения автора.

В центре произведения сам автор – иностранец, который пребывает в "замкнутом" пространстве Италии, проживая его изнутри, но с точки зрения человека, состоящего в кровном родстве с другим миром. Образ иностранца, живущего, видящего, осуждающего и рассказывающего о Риме и Италии, присутствует в двух частях, составляющих "Сказаніе о градѣ Римѣ и всей Италии". В описаниях итальянских городов часто встречаются ссылки на иностранцев, на манеру обращения к ним и на

их прием в папском и в других государствах. Создается картина страны открытой, хорошо расположенной и терпимой по отношению к иностранным гостям любого происхождения и любого вероисповедования. Последние, названные в тексте то "странными людьми", то "страннопришельцами", то "чужеземцами", всегда и везде уважаемы и почитаемы и пользуются собственной свободой, если не выступают против папы и католической веры. Восторг Скибинского приемом иностранцев в Италии выражается открыто особенно в последней части произведения. "Вся Италия съ пансты, княжествами и рѣчами посполытыми – матка милосердна страннопришелцамъ; никакой страннопришелецъ не будетъ жалитися на Италию всю, зобиденъ во Италию отъ которого лица и крѣпкой руки" [3. С. 84].

В тексте присутствие Скибинского проявляется в употреблении местоимения первого лица единственного числа. "Я" рассказчика, которое в "Сказании" встречается шесть раз, выступает в разных функциях: четыре раза это местоимение вводит рассказ о событиях, касающихся самого Скибинского, два раза оно подтверждает правдивость сказанного. Первый раз автор принимает активное участие в повествовании, когда говорит о Калабрии, названной Великой Грецией, и о ее тесных связях с греческим миром. Скибинский помнит, что калабрийцы его защитили, когда "литовцы" (имеются в виду выходцы с территорий, входящих в Великое княжество Литовское, в данном случае это скорее всего восточные славяне-униаты с белорусских земель), учившиеся в Риме, плохо говорили о нем в католической среде, утверждая, что он "сизматикъ", "шпикъ з русискихъ стран", который не верит в римского папу [3. С. 59–60]. Притом автор объясняет, что в Калабрии не любят литовцев, так как они униаты. "Я" рассказчика в виде "сизматика" и еретика встречается во второй раз в рассказе о Падуе, когда францисканец, с которым он познакомился в Риме, не разрешает ему посмотреть язык Святого Антония, еще не предавшийся тлену. Местоимение первого лица употребляется в третий раз в рассказе о печальном событии отрезания руки в городе Павии.

В последнем рассказе от имени собственного "я" Скибинский рассказывает о своем путешествии во Францию через Альпы, когда он заболел и его заботливо лечила местная "шляхта". После выздоровления он приехал в столицу савойского королевства, где нашел все свои книги и всю свою одежду. Щедрость и честность местных жителей по отношению к нему дают еще раз возможность восславить отношения итальянцев к иностранцам [3. С. 81].

Как уже сказано, местоимение первого лица употребляется для подтверждения достоверности фактов, совсем не похожих на действительность. Этот стилистический прием встречается два раза: первый раз это связано со Святым Николаем в городе Бари. Говорится, что путешествие по морю тех, кто не почитает этого чудотворного святого, кончается трагично. В доказательство данного утверждения Скибинский приводит рассказ о крещеном жиде, который утонул недалеко от города Анкона, так как "не поклонился святому Николе" и подчеркивает, что он сам часто слышал об этом [3. С. 60]. Автор прибегает к местоимению "я" и когда говорит, что был свидетелем чудес, происходивших с теми, кто видел "терновый венок, которымъ жиды Исуса Христа короновали подъ часъ Его муки" [3. С. 79]. Таким образом, Скибинский устанавливает подлинность тернового венка, хранившегося в костеле города Павии.

Повествовательный материал "Сказания о градѣ Римѣ и всей Италии" может быть разделен на четыре части: города и их памятники; обычаи итальянцев; система образования; папа и римская церковь; и везде Скибинский предстает как путешественник, восторгающийся Италией, ее достопримечательностями, культурой, доброжелательностью итальянцев в том числе и к иностранцам, а также хорошим знатоком ее истории и традиций, полемичным по отношению к папской власти, жестким по отношению к полякам и "литовцам". То, что рассказывается, вызывает интерес, потому что сформулировано с иной точки зрения, человеком другого мира и культуры, который всячески старался проникнуть в разнообразие культуры итальянской и ощущал итальянскую жизнь своею.

Города и их памятники описаны живописно со многими подробностями: "Пристранный, пребогатый, каменный, мраморный, великий, высокий, долгий, широкий, славный" – наиболее встречаемые прилагательные. Описания городов и памятников иногда сопровождаются легендами. Про Церковь Санта-Мария Маджоре (в тексте она названа "костель святыя Маріи Болшия, или Маріи Снѣжной" [3. С. 32]) автор рассказывает, что там, где она стоит сейчас, однажды "греченинь, вѣры греческой в первый день августа нашел снег" [3. С. 32, 33].

Когда Скибинский описывает город Лорето, он утверждает, что здесь на горе есть "домикъ, в которомъ ангель Гаврилъ благовестилъ Пресвятой Богородицѣ", что Сына Божия зачнетъ силою Духа Святаго и породить" [3. С. 49]. Об этом предании шли тогда споры: были сторонники и опровергатели, но важно, что Скибинский все это знал.

Автор, внимательный наблюдатель местных обычаев, замечает отличия итальянской жизни от жизни своей страны. Его, в первую очередь, привлекает и интересует все то, что связано с женщинами, начиная с проституток (т.е. "блядками", как он их называет в тексте). Почти в самом начале "Сказания о градѣ Римѣ и всей Италиі" путешественник, удивленный огромным количеством проституток в Риме ("с четыре тысячи ихъ" [3. С. 25]), начинает говорить об их поведении и вообще о том, как относятся к женам мужа. Они не имеют права бить собственных жен. Если муж бьет свою жену, найденную "во грѣхе плотскомъ", и жена после разговора со своим духовным отцом обращается в суд или к римскому губернатору и заявляет, что муж ее бил, и что она хочет жить так, как ее "природа желает", то судья или губернатор приговорят мужа к каторге на семь лет. Девицы и женщины могут жить в Риме "своею волею" и родители могут их наказать только в том случае, если они воруют, убивают младенцев и говорят "против вѣры римской и против папы" [3. С. 26]. Скибинский пишет, что "един-папа" велел выгнать из Рима всех "блядок". Но как он узнал, что римляне стали заниматься "скотолобием", велел вернуть всех "блядок" в город, и обязать их ходить с голыми плечами и грудями, чтобы отвлечь жителей от скотолобия. Женщина, какого бы сословия она ни была, которая рождает ребенка не от мужа, не должна подвергаться наказанию. Самое главное то, что она не потеряла младенца [3. С. 26]. Картина Рима, которую дает Скибинский, показывает город большой терпимости и уважения к женщине.

Проблема образования вызывает глубокий интерес автора, который в описании итальянских городов внимательно изучает все учреждения, предназначенные для этой цели, отмечая их характеристики и преимущества в разных областях наук. Он употребляет слово "академия" (о термине см.: [7]), обозначающее, как он сам пишет, "школу для всех" [3. С. 29].

В Риме находятся пять академий: первая – так называемая "Sapientia Romana", принадлежащая самому папе, в которой множество учителей и учеников из всякого чина, преподают всякие науки и языки и учатся многие "з розныхъ царствъ всякой вѣры" [3. С. 29]. В ней большая библиотека и все могут читать любые книги. Вторая – "Коллегиумъ Романулъ", в котором преподают только "одни езуиты". Здесь могут учиться лишь люди римской веры и униаты из Литвы. Третья – так называемая Минерва, принадлежит доминиканцам; в ней учатся люди любой веры и жида. Четвертая, основанная римским папой Урбаном VIII для умножения веры и определенная Скибинским как "Санкт-Уффициум" ("...академии умножения вѣре, называемой Санкте Оффициумъ" [3. С. 41]), очень богатая и имеет большие привилегии. В нее не допускаются только иезуиты, "литовцев" в нее допускают, но "с великою трудностью" [3. С. 29]. Она предназначена для иностранцев "не напежской вѣры" и не принимает православных "вѣры греческой". Отсюда направляются папой ко всему миру "посылщики апостолския", т.е. иезуиты, доминиканцы, францисканцы и другие миссионеры для обращения людей в католичество. "Посылщики апостолския" должны знать язык и культуру страны, где будет происходить их миссия. "Коллегиумъ Назаренумъ" – пятая римская академия, в которой преподают только родствен-

ники кардиналов, и учатся исключительно дети князей и других римских аристократов.

Далее Скибинский называет Болонскую академию, большую и славную, в которой преподают иностранные доктора; академию Перуджии, где работают только итальянские доктора, и Неаполитанскую академию, очень большую, в которой специалисты всех профилей ведут разные курсы. В Неаполитанской академии из всех дисциплин выделяются богословие и общественное право – курсы, в рамках которых дается лучшая подготовка, чем в академии папы.

Особое внимание уделено академиям Падуи и Павии. Первая открыта иностранцам всех стран и вероисповеданий; в ней можно свободно получить образование во всех науках при условии не проповедовать собственную веру. Самая распространенная наука там – медицина; падуанская академия, названная "столица наук лекарственных", самое подходящее место, чтобы стать мастером "в науках лекарственных" [3. С. 68]. Академия Павии старше Падуанской: в ней преподаются все науки.

В Венеции, сенаторы которой являются докторами в богословии и в общественном праве, так называемые "малые" науки изучаются в "Коллегии Сомасков"⁶ или дома с помощью доктора, и "большие" науки – в "Sapientia Romana". В Венеции последние доступны только знатым семействам, в Падуе – и семьям не знатного происхождения.

Автор считает, что развитие образования и наук зависит от "воздуха", от атмосферы страны, а атмосфера, в свою очередь, определяется нравственностью, обычаями, культурой народа. Особым был "воздух" в Афинах с их великим множеством "философов, астрологов, математиков, теологов и реторов". Центрами, которые в современном Скибинском мире выделяются особым "воздухом", оказываются Падуя (в медицине), Неаполь (в богословии и общественном праве), Париж, Лованио и Краков (в философии, математике и богословии). Признается, что Италия играет важную роль в области образования. Она является "магистром и учителем во всех науках грамотных, кавалерских, воинских и руководящих" [3. С. 84], где все могут учиться свободно, беспрепятственно.

В произведении Скибинского многие страницы посвящены римскому папе, римской курии и папскому государству. В первой части римский папа представлен как глава церкви, во второй – часто говорится о нем, как о главе государства и об отношениях между папским и итальянским государствами. Здесь мы приведем только некоторые отрывки, в которых папа представлен в образе высшего представителя католичества. Описывается его резиденция на Монтекавалло, где воздух лучше и чище, чем во дворце Святого Петра в Ватикане [3. С. 27–28]. Там его окружают близкие сотрудники и несут гвардию "свайцары" и "жолтыры итальянския". В частности, Скибинский обращает внимание на некоторые моменты жизни верховного первосвященника: обряд обеда, обряд благословения, шествие в церкви, раздача милостыни, смерть, обряд похорон и выбор преемника. Все происходит по строгому протоколу, который подчеркивает царственность и самодержавие папы в роли "бога земного" [3. С. 41], как называет его римский народ. Обряд папского благословения с целованием его правой ноги, который бывает по понедельникам до обеда, описан со всеми подробностями. На ногах у папы красные чулки с кожаной пяткой, на чулках – красный крест, который целуют все "потенты". Целование ноги дает "великое прощение и оставление всех грехов" [3. С. 39]. Все, кто допущен к благословению папы и целованию ноги, обязаны следить за указаниями, которые дает "маистр церимоней".

Когда папа направляется в какую-нибудь церковь, его шествие происходит торжественно при участии кардиналов, князей, римской знати и всего народа, который то просит благословения, то жалуется, что хлеба мало и вино дорогое [3. С. 42].

⁶ Религиозный орден Сомасков (из названия городка Сомаска недалеко от Бергамо, где был основан в 1528 г. Girolamo Emiliani) не только оказал помощь сиротам, но занимался воспитанием и образованием молодежи [8].

Чтобы уберечь целостность католической веры и бороться против всего, что противостоит самому папе в академии Минервы каждый вторник проходят заседания, на которых доминиканцы и другие учителя-богословы рассуждают о вере и о книгах, которых надо или не надо читать. Собrania кардиналов и других богословов проводятся и в "Приказе умножения вѣры" в день, назначенный папой, "...и в томъ зборѣ разсуждаютъ, какъ бы і какимъ поведѣниемъ греки, русаки, Москва и инныя, чтобы лехчае могли вѣру папину принять и в послушаніи ево быть" [3. С. 39–40].

Вникая в дела "Санкт-Уффициума", Скибинский отмечает, что там, с одной стороны, обсуждаются взаимоотношения католической и православной церковью, с другой – "Санкт-Уффициум" – страшный приказ, предназначенный для наблюдения за деятельностью всех православных и для наказания тех, которые "противно говорятъ папѣ и не хотятъ ему послѣдовати и покоритися" [3. С. 40]. Комментарий автора по этому поводу ироничен: "Сей чинъ дѣло именуется чинъ святое, и есть темница для тѣхъ которыя не покоряются папѣ" [3. С. 40].

Скибинский приводит ряд утверждений, стремясь подчеркнуть разницу между законом папы и законом православия, а также разоблачить коварство католического первосвященника. В Риме человек иного вероисповедания не может говорить о папе, иначе его тут же хватают и бросают в тюрьму; в Москве, наоборот, "папезники" живут спокойно, проповедуя против униатов. Однако все православные знают, что они "суть разлители, разорители, развратители православныя церкви кафолическия греческия, хуже дьяволовъ" [3. С. 40], а "папа римский есть главный супостать восточныя православныя кафолическия апостолския церкви" [3. С. 41]. Определения, даваемые папе, – не только "богъ земный", но и "наместникъ истинный Христовъ, наследникъ святаго Петра Апостола, камень церкви, дверь и ключеносецъ небесный, пастырь всего народа христіанскаго" и особенно определение "учитель толкователь Священнаго Писания", объявляют его приоритет в отношениях с православными и дают возможность подтвердить право католической церкви на широчайшее распространение в ущерб православной церкви, присутствие которой в мире весьма ограничено (ее нет во Франции, Италии, Португалии, Испании). Скибинский утверждает, что преследование греческой церкви со стороны папы хуже турецкого давления [3. С. 69–70]. Как говорят лютеране и кальвинисты, папа – антихрист, который разрушил восточную греческую церковь, превратив монастыри и храмы в католические церкви и подчинив своей вере периферийные итальянские земли, в которых проповедовался истинный "закон Христа".

В данном тексте упоминается также греческая церковь, влияние которой было значительно до Флорентийского собора. В Риме, например, число греческих церковей уменьшилось с двадцати четырех до трех, все они в руках униатов, а в Венеции собор Святого Марка от греков перешел к римскому папе. В Калабрии греческая церковь совсем уничтожена, несмотря на тесные связи этих земель с греческим миром и его религией.

На страницах, посвященных римскому первосвященнику и католической вере, автор иногда выражает свою личную позицию не только в отношении к папе и к клиру, но и к разным иностранцам при римской курии, в особенности к "литовцам" и полякам. Его отношение к ним весьма жесткое. "Литовцы", родина которых – центр униатской церкви, распространившейся в другие страны и ставшей причиной разорения восточной церкви [3. С. 59–60], являются самыми ненадежными и коварными из всех униатов в Италии, от которых лучше держаться подальше, как предупредили Скибинского римские кардиналы и доктора. Поляки-католики, большое число которых находится в Падуе, не лучше "литовцев", и православные должны беречься их, потому что они могут скомпрометировать православных, находящихся в Италии, перед католической церковью и папой. Поляки – заклятые враги честных "русаков", о чем Скибинский иронически заявляет: "огонь з водою может ся згодить, а благочестивой христіанинъ с полякомъ нигдѣ" [3. С. 73].

В "Сказании о градѣ Римѣ и всей Италиі" римский папа представлен как само-

держец религиозной власти, ответственный за все религиозные устои, он виноват в преследованиях, которым подвергаются люди иного вероисповедания. Церковный мир описан прежде всего через образы иезуитов и монахов. Это властный и замкнутый мир, который навязывает всем свои правила, заставляя слушать их и подчиняться.

Анализируемое произведение представляет большой интерес и с точки зрения языка. В посвящении Александру Львовичу Нарышкину, двоюродному брату Петра Первого, Скибинский отмечал: "...пространнѣйшее [...] сказаніе о градѣ Римѣ [...] простымъ и неискуснымъ перомъ пишу" [3. С. 22]. Определение "неискусный" соответствует приему самоунижения, с помощью которого в древней русской литературе представлял себя книжник; прилагательное "простой" обозначает, что текст, по мнению автора, написан на понятном широкому кругу людей языке. "Сказаніе о градѣ Римѣ и всей Италиі" составлено согласно стилистическим приемам, соответствующим двум разным литературным жанрам, как говорит сам автор: сказанию и описанию. В нем описательные отрывки чередуются с повествовательными, в каждом из которых текстовый материал имеет свою структуру. Скибинский оказывается писателем, обладающим значительными способностями, могущим использовать разные стилистические тона. Особенно значимым является внедрение в повествовательную ткань диалогических структур и прямой речи. Рассказ о солдатах папы Павла V, которые после взятия Перуджи расхаживают по городу, спрашивая местных жителей, кого они признают правителем, представлен в форме диалога:

«Бабы просили: "Кто ту паномъ?" Баба [...] отвѣщаетъ воиномъ папинымъ: "папа римскій Павелъ Пятый паномъ и большой, бо такъ большой сатана зезволилъ"» [3. С. 51].

Голос народа, приветствующего папу и жалующегося ему, звучит прямо в тексте:

"Сходъ великой народа обоего полу высокимъ гласомъ кричатъ: блаженнейши и святѣйший отче, молимъ благословенія во время смерти [...] А инья говорятъ: блаженнѣйший, или святѣйший отче, просимъ, скудень хлебъ имѣешь, великою ценою продается вино" [3. С. 42].

В тексте встречается много итальянских географических терминов (названия городов, населенных пунктов, рек), а также слов и выражений, обозначающих реалии, которые не находят эквивалента в языковой системе автора. Во всех этих случаях Скибинский прибегает к транслитерации. Однако транслитерация географических названий не соответствует в точности оригиналу:

"Bologna (Болонья) – Бонония; Livorno (Ливорно) – Лигурно; Civitavecchia (Чивитавеккиа) – Чытавецчи".

Иногда эта транслитерация имеет два или более варианта; название реки Tevere (Тибр) передается тремя словами: Тиверск, Тивирь и Тиверь.

Бывают также случаи, когда она чередуется со смешанной формой, в которой первая часть – перевод начала итальянского слова, а вторая – транслитерация оставшейся части последнего. Например, название местности Montecavallo передается транслитерированными словами Монтековало, Ментекавало и смешанной формой гора Ковалло.

Транслитерация лексем, обозначающих специфические итальянские явления, всегда сопровождается их толкованием:

"Colosseo – Колизеумъ, или афеатрумъ" [3. С. 28].

"Accademie – академии, или школы для всехъ" [3. С. 29].

"Sapientia Romana – Сапиенция Романа, сирѣчь Мудрость Римская" [3. С. 29].

"Chiesa di San Giovanni Laterano – Костель святаго Иоанна Латеранейскаго (Латеранскій костель для того есть названный, что при боку полатъ царя Костянтина здѣланъ; лятусь по-италически а по-римски бокъ значить; и тако костель названъ Латеранскій, то есть побочный" [3. С. 31].

"Ara coeli: Ара целии (сирѣчь храмъ небесе)" [3. С. 34].

"Sant'Uffizio: Санкт Оффицый / Санктум Оффициумъ (сиирѣчь святое дѣло)" [3. С. 40].

"Salve Regina: Салве Реина (то-есть Витай Царице)" [3. С. 48].

"Porto: портъ (то-есть приступъ копраблей з розныхъ царствъ и странъ)" [3. С. 55].

"Principe dei Medici" (герцог Медичи): "князь Деимедице (то-есть князь з науки лекарской)" [3. С. 74].

С точки зрения грамматики, язык, используемый Скибинским, – гибридный, смешение русских, украинских и польских элементов, которые следуют один за другим, создавая образы реальной жизни.

Обратим внимание на некоторые явления.

В области *фонетики* встречаются слова с полногласием (нагорода, сором, позолочены, серебряный), слова без полногласия (срачица, кладязь или кладезь, глась, злато, сребро, заградити) и слова обоих типов (бороды – брады, город – град, хором – храм, ворота – врата). В начале слова чередуются слог **ра-** и слог **ро-** ("из разныхъ мест, чтениямъ розныхъ наукъ, жидовки и женщины римлянъ ни въ чемъ не разнятся, рознесли, розорвали, розказалъ, розставити, разсуждалъ, разсечь"). Смычно-щелевой согласный (**ч**) и щелевой согласный (**щ**) чередуются (к полунощи, отъ полночи, ночь, ночью, отъ полуночныхъ).

Черты книжного стиля языка Скибинского придают слова, в которых отмечается так называемая вторая полатализация в флексиях существительных с основой на велярный ("по правой руке, в лотце прекрасной, на сей бумаге, в науце лекарской, по присязе такой великой"). Простота письма Скибинского выражается в употреблении слов в соответствии с их произношением, а не с этимологией: "крещоный (но встречается и крещены), учоный, без жонъ, шоль, ушоль, пришоль, **вытти, притти**, по ево воли; немашь никакова кардинала, **ис** которой, заслоняюца неаполитане, дармо его звезуть до Павды".

В области *морфологии* во флексиях существительных мужского рода замечаются параллельные падежные окончания. В родительном падеже единственного числа употребляются окончания **-а** и **-у** в предложных и беспредложных конструкциях: "безъ страху, безъ стыда, от боку папешского, отецъ ево былъ грекъ и закона греческаго, ...ты закону греческаго". В предложном падеже единственного числа окончание **-е** чередуется с окончанием **-у**: "не добивается о венцу и титулу королевскомъ, былъ в страху папа отъ короля французского, в граде Венецый, в краткомъ часе". Дательный падеж множественного числа имеет окончание – **-омъ**: "жидомъ волно ся учить, велель всемъ монархомъ западнымъ, а грекомъ [...] дати костель святаго Георгия Мученика". В творительном падеже множественного числа употребляются окончания **-ы** и **-ами**: "з винограды, садами предивными, с огородами, полями зо всякими овощи, пели со всеми своими началаи и докторами".

Система глаголов, кроме инфинитива, в котором рядом с окончанием **-ти** встречается окончание **-ть** (выхваляти, дерзати, зрозумети, держать, направить, искать), в основном характеризуется элементами книжной традиции. В прошедшем времени употребляются формы на **-лъ, -ла, -ло, -ли**; аорист и сложные времена почти отсутствуют. Отмечены только три случая употребления аориста и два случая употребления плюсквамперфекта в повествовательных контекстах, в которых рассказывается о событиях, имевших место очень давно, или в контекстах особенной значимости. Аорист встречается два раза в отрывке, рассказывающем о церкви Санта-Мария Маджоре в Риме – он обозначает события, происшедшие вне временного плана рассказчика: "греченинь... той в нощи помышлялъ, что ему делать... **привидѣ** сонъ... на томъ мѣсте **созда** сей костель, иже называется святаы Мариі Болшия" [3. С. 32–33].

Третий раз аорист употребляется, когда говорится о смерти римского папы: "Грамоты вѣздѣ посылають, извещая, что папы уже не стало, **умре**" [3. С. 44]. Из кон-

текста ясно, что смерть папы произошла совсем недавно. В этом случае аорист не столько обозначает действие в прошлом, сколько носит стилистическую окраску уникальности и чрезвычайности события.

Две формы плюсквамперфекта, употребляемые в тексте Скибинского, обозначают действия, совершенные в далеком прошлом и раньше тех, по отношению к которым они являются предпосылками: "король французский отобралъ былъ войною отъ короля гишпанского всю Сицилию и тритцать тысячъ завше своихъ воиновъ держалъ в Сицилии" [3. С. 53]; "и для того было миро святое з мощей течи перестало" [3. С. 60].

Часто встречаются глаголы с суффиксом **-ова-**, выполняющим функцию имперфективации, которая обозначает повторное действие: "службы отправують обычаемъ греческимъ и латинскимъ" [3. С. 35], "яко римляне и италияне сказують" [3. С. 49] (такое предложение часто повторяется в тексте), "ихъ папа Павелъ Пятый обмануетъ" [3. С. 51], "в Падве докторують з малыхъ лицъ" [3. С. 68], "свидѣтельство своего учения приимують" [3. С. 73].

Самый распространенный причастный суффикс – это **-юч-/яч-**; редко употребляется суффикс **-уц-/ац-**: "всякъ женскій полъ, не глядячи на нужду своего мужа" [3. С. 65], "матка, видячи, что сына карабли папины и малтейские в неволю берутъ" [3. С. 61], "есть три источника текущия" [3. С. 32], "...окружены многими лампадами серебряными, горящими непрестанно" [3. С. 32].

В области *синтаксиса*, произведение Скибинского отличается длинными периодами, в которых главные и придаточные предложения, выделенные запятыми, двоекочиями, точками с запятой следуют одно за другим в логическом порядке, создавая конкретные образы. Придаточные предложения характеризуются наречиями и союзами: причастные обороты или другие книжные обороты встречаются совсем не часто.

Повествовательно-описательная окраска произведения предопределяет употребление синтаксических структур, не связанных тесно с риторическими канонами. Благодаря этому создаются живые картины и ясно выражаются идеи автора: более распространенный стилистический прием – не украшенное предложение, а сжатая, точная синтаксическая структура. Однако встречаются синтаксические конструкции книжной традиции, как, например, конструкция "винительный падеж с инфинитивом", конструкция "с двумя винительными" ("то княжество мѣеть папу римского заступника отъ короля французского" [3. С. 77], сочетание "от с родительным падежом" для обозначения агенса ("езъ папезского благословенства не дѣлаются отъ наивышшаго маистра Малти кавалеры" [3. С. 63], дательный падеж в значении принадлежности ("градъ Неаполь – глава и столица естъ всему царству" [3. С. 59]). Отмечен один случай конструкции с дательным самостоятельным.

В языке Скибинского много полонизмов и украинизмов. Приведем только некоторые случаи: употребление предлога **з** для обозначения обстоятельства места и совместного действия ("много мира зъ его святыхъ мощей идетъ" [3. С. 60], "з нимъ ѣзживали до Бару [3. С. 61]), употребление окончания **-мо** для глагола первого лица множественного числа в настоящем времени ("мы маемо квалерию з вашего града греческого Рода" [3. С. 64]), употребление глагола мети/мати ("кто мѣеть здравой разумъ" [3. С. 58], "какие они мають таемницы в своемъ сенату" [3. С. 67]), отрицательный глагол **немашь** ("в томъ граде немашь никакой великой академии" [3. С. 46], употребление союзов **але, албо** ("посылаются на заточенье на карабли албо до смерти, албо на седмъ лѣтъ" [3. С. 55], "...той домикъ болши не найдуется, але весь отъ жидовъ и воиновъ рожныхъ разоренъ" [3. С. 50]).

Встречаются полонизмы и украинизмы и лексические: **знайдоватися, повага найбардцо, трохи, выхувовати, завше, пан, панство, шляхта, шляхтич, шкода, збудовати, першее, мусити** и др.

В заключение хотелось бы подчеркнуть значение личности Скибинского, отпра-

вившегося в Европу за знаниями. Он, будучи образованным и эрудированным человеком, способствует распространению европейской культуры в Московии. Как писатель, он занимает не второстепенное место в контексте русской культуры конца XVII – начала XVIII в.

Языковые особенности, отмеченные в нашей работе, доказывают, что Скибинский использовал живой, некнижный язык, в котором книжные элементы играли периферийную роль. Семантически незначимое чередование книжных и некнижных форм в одних и тех же контекстах не имеет стилистической окраски. Автор их употребляет свободно, усиливая, таким образом, динамичность предлагаемой языковой модели, связанной, главным образом, со сферой общения и, следовательно, независимой от строгих правил.

Желание передать собственный опыт, описать языковыми средствами новую, но уже хорошо знакомую действительность и подтвердить свои идеи воплощается в гибком, ярком письме, в котором варианты играют в композиции текста значительную роль. Модель "простого языка", изложенная в "Сказании о градѣ Римѣ и всей Италии" – язык, тесно связанный с разговорным, в котором используются все возможности лингвистической системы.

Что касается самих типичных форм разговорного языка, произведение Скибинского представляет собой интересный документ, свидетельствующий о присутствии и распространении данных форм в соседних землях – великорусской и юго-восточной (малороссийской). Но их более полная оценка будет возможна только при анализе второй части произведения, посвященной собственно догматическим проблемам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соболевский А.И.* Введение к "Сочинениям Григория Скибинскаго" // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1914. Кн. 2. С. 1–5.
2. *Никольский Н.* Григорий Скибинский. Очерк из истории духовнаго просвещения въ конце XVII в. // Православное обозрение. 1862.
3. *Скибинский Г.* Сочинения Григория Скибинскаго // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1914. Кн. 2. С. 6–273.
4. *Encyclopedia of Ukraine.* Toronto; Buffalo; London. 1993. Vol. III. P. 738.
5. *Титов А.* Описание города Рима, составленное русским паломником в XVII веке // Душеполезное чтение. 1911. Январь. С. 130–138; Февраль. С. 233–246.
6. *Botero G.* Le relationi universali, divise in quattro parti. Venetia, 1608.
7. *Сазонова Л.И.* Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // Славяноведение. 1995. № 2. С. 46–61.
8. *Tramontin S.* Ordini e congregazioni religiose // Storia della cultura veneta, Il Seicento, 4/1. Vicenza, 1983. P. 23–60.

© 1999 г. *ИННОКЕНТИЙ (ПАВЛОВ), игумен*

SLAVIA ORTHODOXA В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА И ЦЕРКОВНО-УЧИТЕЛЬНЫЕ ТРУДЫ СВ. СОФРОНИЯ ВРАЧАНСКОГО

Прежде чем говорить о церковно-учительных трудах св. Софония Врачанского в контексте духовной культуры православного славянства его времени, попробуем охарактеризовать такое историко-культурное явление как *Slavia Orthodoxa*.

Этим термином, введенным известным итальянским славистом Рикардо Пиккио [1], обозначается духовно-культурная общность православных славянских народов в их усвоении как византийского, так и появившегося главным образом на его основе собственного духовного наследия при условии использования ими общего книжного славянского языка. Правда, здесь мы должны выделить ряд исторических периодов, характеризующихся как состоянием литературных связей внутри православного славянского мира, так и состоянием самого языка церковной по преимуществу славянской книжности.

Об историческом явлении, обозначаемом термином *Slavia Orthodoxa*, следует сказать, что оно оформилось в XI–XII вв., когда, с одной стороны, произошла Великая схизма (1054), окончательно разделившая славян – наследников апостольских трудов свв. Кирилла и Мефодия – на греко-православных и римо-католиков, а, с другой стороны, и это главное, сформировалось культурное пространство православного славянства, включавшее Болгарию, Русь и Сербию. Что касается их общего книжного языка, следует заметить, что старославянский язык (именуемый также древне-церковнославянским и староболгарским), знакомый нам по известным рукописям XI в., при проникновении на Русь различных созданных на нем произведений обретает здесь в процессе их неоднократного переписывания местные характерные черты. Об этом наглядно свидетельствует древнейшая из имеющих точную датировку славянская рукопись – Остромирово Евангелие, писанное в Новгороде в 1056–1057 гг. О славянских рукописях XII в. мы уже можем говорить как о среднеболгарских, сербских и русских, т.е. как о принадлежащих к определенным местным изводам.

В свою очередь историки древнерусской литературы дружно отмечают мощное южнославянское, точнее болгарское книжное влияние на Русь в этот период. "В первые века существования русской письменности, – пишет А.И. Соболевский, – число переводов, сделанных южными славянами с греческого на церковнославянский и пришедших от южных славян к нам, было довольно значительно. Можно думать, что в это время русские уже могли читать все южнославянские переводы IX–X вв., которые мы знаем по дошедшим до нас спискам" [2]. Это замечание выдающегося русского слависта для нас принципиально важно, поскольку оно характеризует историческую роль Руси XI–XII вв. как своеобразного аккумулятора древнего

духовного наследия православного славянства. При этом на Руси в этот период в подражание полученным образцам развивается и собственное литературное творчество. В связи с этим ученые также отмечают и обратное воздействие русской литературы на южнославянскую как в этот период, так и позднее (см. об этом: [3]).

Следующая важнейшая веха в общих духовно-культурных судьбах православного славянства связана с деятельностью в XIV в. Тырновской книжной школы. Здесь не только оформились реформа языка славянской церковной книжности и масштабная редакция, давшая новый тип текста славянских Евангелия и Апостола, но также были осуществлены новые переводы произведений византийской церковной литературы. И опять, теперь с уже сербскими книжниками, пришедшими на Русь вместе со св. Киприаном, митрополитом Киево-Московским, это великое наследие южных славян, подпавших тогда под многовековое турецкое иго, принимается в Московском государстве [4].

XV–XVI вв. в Великой (Московской) России проводится масштабная книжная работа, имевшая важное значение для духовной культуры всего православного славянства. Ее наиболее важным результатом явилось появление в 1499 г. в Новгороде при дворе архиепископа Геннадия первой комплектной славянской Библии, которая включила в себя практически все слои славянского библейского наследия, от переводов, восходящих к славянским первоучителям, до новозаветных книг новой редакции и новейших переводов с печатной Вульгаты¹. Восемь десятилетий спустя на Украине, в Остроге, по инициативе князя Константина Острожского проводится работа по подготовке печатного издания славянской Библии на основе списка, сделанного с Геннадиева кодекса. Это издание, осуществленное в 1580–1581 гг. силами русского первопечатника Ивана Федорова, стало важной вехой в истории славянской книжности, ознаменовав начало ее качественно нового этапа – периода книжности печатной. Изданная в количестве тысячи экземпляров, что было колоссальным тиражом по тем временам, эта Библия разошлась практически по всем уголкам тогдашнего православного славянского мира. Имеются ее следы и в Болгарии².

Период со второй половины XVI и до начала XIX в. прошел под знаком воздействия русской и украинской церковной печатной книжности на духовную культуру православных южных славян. О ее значении для духовной культуры Болгарии перед лицом фанариотского гнета в XVIII в. написано немало [6. С. 116–119; 7; 8. С. 5–7]. Здесь же обратим внимание на состояние книжного языка православных славян в период, непосредственно примыкающий ко времени творчества св. Софрония Врачанского. XVII век, особенно вторая его половина, обнаруживают существенные расхождения у болгар, сербов, украинцев и великороссов между языком церковных книг и их развившимися, в том числе и литературно, живыми национальными языками. При этом язык литургии (включая и чтение в церкви Священного Писания) испытывал воздействие печатных богослужебных книг, преимущественно московского происхождения. В первой половине XVIII в. усилиями украинских ученых, трудившихся в Москве и Петербурге, было осуществлено его новое нормирование. Ярким показателем новой языковой реформы стало издание славянской Библии 1751 и 1756 гг., получившей название Елизаветинской, по имени тогдашней Российской Императрицы, и с тех пор издающееся стереотипом. Этот язык, обычно характеризующийся теперь как новоцерковнославянский, со второй половины XVIII в. в грамматическом отношении стал общим для богослужебных книг православных славян. Что же касается литературы церковно-учительной (также как и литературы светской, но стремившейся к преемству языковой традиции), то здесь у православных славянских народов в XVIII в. мы наблюдаем своеобразный переходный период от церковнославянского к живым славянским языкам через языки, которые – в зависимости от

¹ Наиболее обстоятельное описание Геннадиевской Библии см.: [5].

² Проф. Иван Снегаров сообщает об экземпляре Острожской Библии, принадлежащей некоему Милешко Никомицу, который пожертвовал ее в 1647 г. в софийскую церковь св. Николая, позднее она принадлежала софийской церкви св. Параскевы, о чем свидетельствует надпись 1774 г. [6].

страны использования – получили название славеноболгарского, славенороссийского и славеносербского.

Чтобы понять суть этого явления, обратимся к характеристике славенороссийского языка, данной современным историком русского литературного языка В.М. Живовым. Для нас она представляет интерес еще и потому, что на этом языке написан один из основных источников церковно-учительных трудов св. Софрония, о чем специально будет сказано ниже. Так, согласно характеристике Живова, «славенороссийский язык выступает как объединение церковнославянского ("славянского"), который является для него "щитом и утверждением" (высказывание Третьяковского), и русского языков.... Это объединение характеризует как грамматическую структуру, так и словарный состав» [9. С. 286].

В этом же ключе можно характеризовать и язык славеноболгарский, обращаясь к творчеству его конкретных носителей. Так, русский славист прошлого века В.И. Ламанский, говоря о языке "Истории славеноболгарской" преп. Паисия Хилендарского, характеризует его как "язык болгарской письменности XVIII и начала XIX в., когда народный язык еще не успел получить прав гражданства в культурном обиходе болгарского народа и его письменность в смысле языка еще была крепко связана старыми церковными традициями" [10]. В свою очередь и этот язык непрерывно развивается. Этот процесс отразился в просветительских трудах св. Софрония, сказавшись уже в переписывании им паисиевой "Истории". "Несколько тяжеловесный церковнославянский стиль Паисия, – отмечает в связи с этим Л. Боева, – видимо, не удовлетворяет Софрония, и местами он упрощает отдельные фразы, заменяя церковнославянские выражения оборотами из своего котленского говора" [11]. Эта тенденция – оставаясь в рамках церковнославянской стилистики и сохраняя значительный объем славянской лексики, продвигаться в сторону живого и понятного слушателю языка – носила общий характер у православных славян. Примером этого является и творчество Гедеоны Криновской – крупнейшего русского проповедника середины XVIII в., во многом ставшего примером и для св. Софрония³. Что же касается характеристики языка последнего, то Л. Боева справедливо связала ее с дамаскинской традицией, в которой как писатель принадлежал св. Софроний [11],

Но каковы же временные пределы существования такого феномена как славеноболгарский, славенороссийский и славеносербский языки, в рамках которого мы во многом можем очертить и нижние исторические границы существования такого явления, как *Slavia Orthodoxa*, т.е. языковой общности, на основе которой осуществлялось церковное учительство в православных славянских странах⁴?

В России, где литературные процессы в XVIII в. протекали довольно бурно, причем с явным преобладанием светской литературы над церковной, бытование славенороссийского языка практически осталось в границах данного столетия, имея лишь остаточные проявления позднее. К началу XIX в. живой русский язык достаточно развился в качестве литературного, в том числе и благодаря трудам церковных авторов второй половины XVIII в., так что необходимость в языке славенороссийском просто отпала. Более того, некоторые тогдашние представители российской словесности настаивали на решительном разрыве с "мнимым", как они писали, славенороссийским языком [9. С. 430–431].

Что касается Сербии, то создание славеносербского языка там относится уже ко

³ О языке Гедеоны Криновской см.: [9. С. 391–398].

⁴ Хотя еще и в XX в. в славянских православных странах церковнославянский язык сохранял свое значение как язык литургический, а в России, большей частью на Украине, в Беларуси и отчасти в Болгарии сохраняет его до сих пор, тем не менее здесь следует учитывать такие факторы:

1) основной корпус славянских переводов греческих литургических текстов сформировался очень рано и его последующее редактирование, связанное с эволюцией церковнославянского языка, практически укладывается в рассматриваемых нами исторических границах *Slaviae Orthodoxae* (XI–XVIII вв.);

2) собственное литургическое творчество на церковнославянском языке в XIX–XX вв. (составление служб, акафистов и т.д.) уже утратило в это время то общекультурное, а чаще всего и общецерковное (в рамках православного славянства) значение, какое оно имело прежде.

второй половине XVIII в. в качестве "итога попыток отдельных литераторов соединить идеал и реальность". Причем под идеалом здесь следует понимать "церковно-славянский русский редакции, иногда русский язык того времени", а под реальностью "живую речь сербского народа (штокавщину)" [12]. Очевидно, что такое положение могло возникнуть лишь под сильным воздействием на сербскую духовную культуру русской печатной книжности, причем не только церковной, но и светской. Тем не менее, уже в 1783 г. выдающийся сербский просветитель Досифей Обрадович выступил с литературным манифестом, в котором решительно высказался за народный язык в литературе, предложив при этом его образец [12. С. 92]. Однако, когда в 1819 г. по заказу Российского Библейского Общества Вуком Караджичем был выполнен перевод Нового Завета на современный сербский язык, то он встретил неприятие сербского духовенства и значительной части культурной общественности. При этом профессор Харьковского университета, серб по происхождению, Афанасий Стойкович поспешил предложить Библейскому Обществу свои услуги в качестве переводчика Священного Писания на славеносербский язык, на котором он незадолго до этого написал учебник физики [12. С. 98]. Таким образом, Сербия увидела перевод Караджича только в 1847 г.

Иная картина сложилась в Болгарии. Славеноболгарский язык родился здесь самостоятельно в школе дамаскинаров, "обогадившей болгарскую литературу своим более понятным, близким к разговорному языком" [11]. Другое дело, что русская церковная печатная книжность также способствовала его становлению и развитию, во многом питая болгарскую переводную литературу на нем, что особенно ярко проявилось в трудах св. Софрония Врачанского. Что же касается временных границ его бытования в Болгарии, то помимо трудов самого святителя, почившего в 1813 г., они могут быть обозначены работами продолжателей его дела – Иоакима Кырчовского, Кирилла Пейчиновича и Феодосия Синаитского. Во всяком случае, первый комплектный новоболгарский перевод Нового Завета, выполненный Петром Сапуновым в 1820 [13. С. 78] и опубликованный в 1828 г., знаменует собой разрыв с прежней практикой, будучи уже, насколько это было возможно при тогдашней переводческой технике, ориентированным на язык, "който ся употребява сега в Болгарията" [13. С. 79]. Таким образом, конец первой четверти XIX в. – временная граница бытования славеноболгарского языка как языка духовно-просветительского творчества.

Если мы обратимся к творчеству св. Софрония, пришедшему на 1800–1806 гг. и нашедшему отражение в четырех рукописных сборниках (Первом и Втором Виденском, Погодинском и Шуменском) и первой новоболгарской печатной книге "Неделнике", то увидим, что у него была четкая программа базового духовного просвещения болгарского народа через снабжение болгарского национального духовенства необходимым кругом литературы экзегетического и веро- и нравоучительного содержания. В связи с этим Н. Драгова отмечает: "Софроний прежде всего хотел дать священникам пособие для составления недельных (воскресных. – *И.И.*) и праздничных проповедей [14]". Однако рукописное наследие св. Софрония свидетельствует, что подготовленный им материал выходит за рамки обычного проповедничества, создавая базу для серьезной катехизации. Чтобы понять это, следует рассмотреть источники церковно-учительных трудов св. Софрония, а также его творческий подход при обращении с ними.

Прежде всего, обратим внимание на обращение святителя к библейскому материалу. Так, его перевод "Православного исповедания веры" содержит пространный самостоятельный пассаж, включенный как в Погодинский (1805), так и в Шуменский (1806) сборники и представляющий собой перевод-парафраз библейского рассказа о сотворении прародителей и их грехопадении (Быт 1:26–27; 2:7–25; 3:1–4:1) [15]. Рассмотрение данного пассажа в двух его вариантах, представленных указанными списками, интересно, в частности, соотношением в них церковнославянского и новоболгарского языкового материала. При этом оказывается, что первый, заимство-

ванный из печатной славянской Библии, держит примерный паритет со вторым. Также можно установить, что источником св. Софрония в данном случае послужило одно из изданий Елизаветинской Библии. Показателем этого служит тот факт, что в Погодинском списке он оставляет без перевода, в Быт 2:21 слово **изстꙋплєніє** (букв. пер. греч. ἔσκασις). Данная лексема в этом месте характерна исключительно для типа текста, известного нам по Елизаветинской Библии 1751 и 1756 гг. и последующим стереотипным изданиям с нее. Более ранние печатные издания – Острожское (1581) и Московское (1663), равно как и предшествовавшая им рукописная традиция, имеют здесь смысловую передачу – **сонъ**.

В свою очередь имеется немало признаков того, что в основе евангельских чтений, цитируемых в "Неделнике", лежит служебный тип текста московской печати. Этот памятник еще ждет своего исследования с позиции рассмотрения св. Софрония как переводчика Евангелия. Предварительные наблюдения, однако, показывают, что в этот перевод святитель также порой включает элементы парафраза, стремясь, таким образом, сделать евангельский текст более доступным пониманию читателей и слушателей.

Что касается источников экзегетического и нравоучительного характера, лежащих в основе просветительских трудов св. Софрония, то здесь можно сказать следующее. С одной стороны, мы видим, что святитель обращается к традиционному церковно-учительному материалу, каковой он находит в Прологе московской печати⁵, где среди 54 переведенных им слов и поучений, включенных в Первый Видинский сборник, есть два (Поучение на предпразднство Рождества Христова и Поучение пред Крещением Господним), которые предположительно восходят к св. Клименту Охридскому [8. С. 160]. Восемь поучений из этого числа, включая и два упомянутых, будут затем в новой редакции воспроизведены в печатном "Неделнике" [16. С. 670–686]. Традиционный патристический материал учительного характера св. Софроний также находил в изданиях московской печати. Так из печатного "Маргарита" (выходил в Москве в 1641, 1698 и 1764 гг.) им было взято и переведено Слово св. Иоанна Златоуста на погребение усопших, включенное сначала в Первый Видинский сборник, а затем в новой редакции помещенное в "Неделнике". Наконец, готовя печатное издание "Неделника" он использует также и по преимуществу "Учительное Евангелие" московской печати, восходящее к византийскому автору второй четверти XIV в. Константинопольскому патриарху Иоанну Калеке⁶.

Таким образом, обращаясь к московской печатной книжности св. Софроний в своем учительстве восстанавливал связь со старо- и среднеболгарской духовной традицией. На необходимость этого как на залог последующего национального возрождения справедливо указывает историк болгарской литературы Г.Д. Гачев [18].

Однако для нас важно, что св. Софроний не только обращается к прежней традиции духовного просвещения, но и ищет новый богословский и гомилетический материал, который бы соответствовал уровню церковного учителя его времени. В связи с этим можно привести справедливое суждение Н. Драговой: "Софроний – первый болгарский возрожденческий писатель с широким литературным кругозором..." [14. С. 160]. Такой материал он находит во встретившейся ему второй части "Собрания разных поучительных слов" Гедеона Криновского, проповедника при дворе Елизаветы Петровны (в 1753–1761 гг.), бывшего архимандритом Троице-Сергиевой лавры, а затем епископом Псковским (1763). Указанное "Собрание" было издано в Москве в 1760 г. и включало в себя поучения, произнесенные Гедеоном в бытность его придворным проповедником. Софроний перевел и включил в Первый Видинский сборник 24 поучения Гедеона, носящих как экзегетический, так и нравоучительный характер. Из них 10 праздничных поучений в новой редакции будут затем

⁵ Мной было установлено, что это могло быть издание, вышедшее в Москве в промежутке 1662–1718 гг. См.: [16. С. 668–669].

⁶ Об известных источниках "Неделника" см.: [17].

воспроизведены в "Неделнике" [16. С. 669–678]. Что же привлекло св. Софрония в этом, практически современном ему проповеднике, внесшем заметный вклад в российскую словесность своего времени? Видимо то, что сам Гедеон сформулировал в качестве своего гомилетического кредо: "...понеже между народом большая всегда бывает часть неученых и простых, которым высокостильных бесед разуметь трудно, и не возможно; то уже он (проповедник. – И.И.) ради произведения в действо своего намерения за такие меры и непременно приняться должен, которые б и самым некнижным простолюдином могли сделать слова его легко уразумительными" [19]. Как удивительно совпадает это намерение с горячим стремлением св. Софрония дать пищу духовную кь разумению и кь оувѣденію простомѸ и невѣжомѸ болгарскомѸ народѸ, как напишет он в предисловии к Первому Видинскому сборнику (цит. по: [16. С. 668]). Таким образом, несмотря на значительный прогресс, достигнутый российской богословской наукой к середине XVIII столетия, Россия, в силу элементарной безграмотности подавляющего большинства ее населения, вполне составляла единое социо-культурное пространство с другими православными славянскими странами.

И последнее, о чем необходимо сказать в связи с проблемой церковно-учительных трудов св. Софрония в контексте духовной культуры современного ему православного славянского мира, это о его переводе и адаптации "Православного исповедания веры Соборной и Апостольской Церкви Восточной". К началу XIX в. это был единственный имевший общеправославное значение пространный катехизис. Первоначально созданный в Киеве в самом конце 30-х годов XVII в. с ориентацией на латинские схоластические образцы он позже был переведен с латинского на греческий и переработан выдающимся греческим богословом Мелетием Сиригом. Этот переработанный перевод был впервые опубликован с благословения восточных патриархов в 1667 г. Уже в конце столетия в Москве в Славяно-греко-латинской академии был подготовлен славянский перевод "Православного исповедания", изданный с благословения Всероссийского патриарха Адриана в 1696 г. В течение XVIII в. он переиздавался в России 13 раз. Следует сказать, что эти издания имели распространение не только в России, но и по всему православному славянскому миру. Таким образом, обращение св. Софрония к "Православному исповеданию" совсем не случайно. Он сознавал нужду в систематическом обучении истинам православного вероучения своего народа, находя свойственный схоластике систематический метод изложения вполне подходящим для этого. При этом особую важность приобретает богословская оценка той адаптации "Православного исповедания", которую он проделал, прежде чем этот первый болгарский катехизис нового времени достиг своих читателей в двух списках – 1805 и 1806 гг. (Погодинском и Шуменском)⁷.

В заключение остается сказать, что св. Софроний Врачанский по праву может быть назван последней яркой звездой на небосклоне того историко-культурного явления, которое мы называем *Slavia Orthodoxa*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Picchio R.* A proposito della Slavia ortodossa e della comunita linguistica slava ecclesiastica / Ricerche slavistiche. Roma, 1963. Vol. 11. P. 105–127.
2. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси. // СОРЯС. СПб., 1903. Т. 74. С. V.
3. *Сперанский М.Н.* К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур. (Русские памятники на юге славянства.) // ИОРЯС. Пг., 1921. Т. 26. С. 143–206; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947. С. 125–201; *Снегаров И.* Духовно-

⁷ Сведения о составе и характере перевода св. Софрония, помещенном в Погодинском сборнике см.: [16. С. 653–660].

- културни връзки между България и Русия през средните векове (X–XV в.). София, 1950; *Ангелов Б.Ст.* Из историята на руското книжовно проникване у нас (XI–XIV в.) // Изв. на Инст. за българска литература. София, 1955. Кн. 3. С. 37–65.
4. *Соболевский А.И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894.
 5. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отделение первое. Священное Писание. М., 1855. С. 1–164.
 6. *Снегаров И.* Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII в. София, 1953. С. 113.
 7. *Цонев Б.* История на български език. София, 1919. С. 44–45; *Пенев Б.* История на новата българска литература. София, 1933. Т. 2. С. 7–13; *Ангелов Б.Ст.* Из историята на руското културно влияние в България (XV–XVIII в.) // Изв. на Инст. за българска история. София, 1956. Кн. 6. С. 291–321; *Диневков П.* Българска литература през XVII и първа половина на XVIII в. // История на българска литература. София, 1962. Т. 1. С. 403; *Ангелов Б.Ст.* Из историята на руско-българските литературни връзки. София, 1972. С. 83–90.
 8. *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. София, 1986.
 9. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
 10. *Ламанский В.И.* Болгарская словесность XVIII в. // ЖМНП. СПб., 1869. Ч. 149. С. 109.
 11. *Боева Л.* Накануне освобождения. (Творческий путь и общественная деятельность Софрония Врачанского) // Освобождението на България и литература. София, 1978. С. 318.
 12. *Тяпко Г.* Перевод Библии в социально-культурном контексте национального возрождения сербского народа. // МАИРСК. Информационный бюллетень. М., 1992. Вып. 26. С. 90.
 13. *Венедиктов Г.* Судьба первых печатных изданий Нового Завета в новоболгарских переводах // МАИРСК. Информационный бюллетень. М., 1992. Вып. 26.
 14. *Драгова Н.* Последователи на Паисий. Софроний Врачански // История на България. София, 1985. Т. 5. С. 157.
 15. РНБ (Санкт-Петербург). Собр. М.П. Погодина. № 1204. Л. 9 об. – 10; Окружной исторический музей (Шумен). № 2464. Л. 189–189 об.
 16. *Иннокентий (Павлов), иг.* Ареографические и источниковедческие заметки о рукописях святителя Софрония, епископа Врачанского // Св. Софроний, епископ Врачански. Катехизически, омилетични и нравоучителни писания. Из ръкописното наследство на светителя. София, 1989.
 17. *Атанасов П.* Руски извори за "Неделника" на Софроний Врачански // Старобългарска литература. София, 1977. Кн. 2: Българо-руски литературни връзки през Средновековието. С. 201–228.
 18. *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964. С. 20.
 19. *Геден Криновский, архим.* Собрание разных поучительных слов. М., 1760. Ч. 1. Л. 5 об.

©1999 г. В.С. ЕФИМОВА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Публикацией в 1994 г. "Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.)" под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой (далее Словарь 1994) был открыт сравнительно легкий доступ к лексическому материалу рукописей X–XI вв., входящих в круг так называемого "классического старославянского канона", что дало возможность поставить на повестку дня вопрос о комплексном исследовании старославянской морфемики и старославянского словообразования в масштабе всей системы первого письменнo-литературного языка славян. Довольно большой (по меркам мертвого языка) корпус зафиксированных в словаре слов (около 10000) позволяет подойти к "практической задаче" составления инвентаря морфем старославянского языка, определения их частотности, дистрибуции морфов, их валентности, ограничений сочетаемости. Однако при этом исследователь сталкивается с рядом нерешенных теоретических проблем – как общих, актуальных и при исследовании морфемики и словообразования живых славянских языков, так и специфических, порожденных необходимостью исследования именно старославянского языка. Важнейшими среди них являются проблемы, связанные с морфемным членением старославянских слов.

В основном русле отечественных исследований по синхронному словообразованию и морфемике морфемный анализ и сегментация ставятся в зависимость от результатов "последовательно примененного" словообразовательного анализа, именно посредством последнего определяется самостоятельность значения сегментов слова, их "морфемный статус", в том числе и в тех случаях, когда их статус "в той или иной степени дефектен" [1]. Методика исследования (как при словообразовательном анализе, так и при морфемном) основана на установлении отношений мотивированности с охватом (теоретически) всей лексической системы языка, причем в первую очередь определяются

Ефимова Валерия Сергеевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. Данная статья написана в рамках работ по проекту "Словообразование в старославянском языке", получившему поддержку Российского гуманитарного научного фонда, грант № 97-04-06160.

словообразовательные пары непосредственно мотивирующих и мотивированных слов. При этом адекватность анализа обуславливается полнотой источника языкового материала, для чего используются не только наиболее полные толковые словари литературного языка, но в исследуемый лексический объем включаются также неологизмы и окказиональные образования, нередко извлекаемые из непосредственных опросов носителей языка. Особое значение полноте охвата материала придается на современном этапе развития отечественной словообразовательной теории в связи с попытками исследования словообразовательной системы языка в качестве “совокупности реализованных и потенциальных единиц” [2. С. 7].

При попытке структурного исследования старославянской морфемике и старославянского словообразования кажется невозможным не воспользоваться достижениями современной теории синхронного словообразования, накопленными за последние десятилетия. Однако специфика доступного изучению старославянского материала такова, что она не позволяет применять без каких-либо изменений уже разработанную методику. Словарь 1994, строго говоря, не является толковым словарем старославянского языка, а представляет собой словарь-индекс к сохранившимся старославянским рукописям, а именно к 18 рукописям X–XI вв., отобраным авторами словаря по известным принципам, изложенным в его Введении [3. С. 4. С. 13–25]. Один из основных “камней преткновения” при любых исследованиях старославянского языка, и особенно требующих полноты лексического материала, заключается в том, что в этих рукописях зафиксирован лишь фрагмент существовавшей в то время лексической системы. Насколько велик этот фрагмент – современному исследователю остается только гадать, однако то, что он представляет собой не очень большую часть системы, ясно уже хотя бы из сопоставления словника указанного словаря и лексического инвентаря произведений Иоанна Экзарха Болгарского, изначально написанных на старославянском языке, но сохранившихся только в более поздних списках¹. “В СЯ (старославянском языке – В.Е.) было слов во много раз больше, чем их зафиксировано в СП (старославянских памятниках – В.Е.)”, – пишет один из авторов и редакторов этого словаря Р. М. Цейтлин [5]. Очевидно, что при исследовании старославянской морфемике и старославянского словообразования исследователь не может опираться на корпус лексики случайно сохранившихся от X–XI вв. рукописей (и составляющих лишь небольшую часть того, что было в действительности написано на старославянском языке) в той же мере, как он опирается на корпус достаточно полных словарей живых славянских языков.

Предварительный анализ словника Словаря 1994 показывает, что в ряде случаев звенья словообразовательных цепочек представлены достаточно полно, чтобы дать возможность бесспорных решений в определении отношений мотивации. Однако – и в этом специфика изучения старославянского материала – не только мотивированное, но и мотивирующее слово с большой степенью вероятности может оказаться за пределами доступного изучению фрагмента системы, поэтому следование принципам, разработанным для исследования морфемике и словообразования живых языков, привело бы к слишком большому количеству частных ошибок в установлении словообразовательных связей и

¹ Достаточно взглянуть на индекс к одному из основных произведений Иоанна Экзарха Болгарского – “Шестодневу”, изданный Р. Айцетмюллером [4].

сегментировании (морфемном членении) слов, а затем, возможно, и к неверным общим выводам.

Препятствие, указанное нами, возникает при системном исследовании любого мертвого языка. Острота этой проблемы и пути преодоления данного препятствия зависят в первую очередь от объема сохранившихся источников материала. Так, при исследовании древнерусского словообразования весьма значительный объем сохранившихся источников позволяет, видимо, исследователю пренебречь “фоновым шумом”, создаваемым неадекватными решениями, обусловленными неполнотой материала, и использовать, главным образом, принципы и методы анализа, разработанные для целей синхронного словообразования. Постулируя основы построения исторического словообразования русского языка, И. С. Улуханов отмечает, что “словообразовательный анализ с опорой на реально зафиксированную лексику, надо полагать, приближает в большей степени к истине, чем реконструкция потенциальных слов пропущенных звеньев цепи” [6. С. 16].

Объем источников старославянского языка неизмеримо меньше. При этом корпус зафиксированных лексем не является закрытым списком. Например, в 1975 г. на Синае была найдена неизвестная до сих пор часть Синайского евхология – глаголической рукописи, входящей в “старославянский канон” и являющейся источником материала для Словаря 1994. На фотографиях этой части рукописи, изданных И. Тарнанидисом, находим ряд слов, не учтенных словарем (среди них такие, как сущ. **епистолиа, любодѣичиць, поконьникъ, прѣкословик, прѣспѣник, прил. напастънъ, пакъбѣтнискъ, скъдальнъ**, наречия **благовѣрно, цѣломъдрно, чоудно**, глаголы **въздръвати, оубѣити сѧ** и др.) [7]. Положение для словообразовательного и морфемного анализа осложняется еще и тем, что в силу указанных причин в Словаре 1994 у ряда лексем может быть зафиксирована только часть их значений. Например, лексема **искрь** отмечена в Словаре 1994 в качестве предлога (‘близко, недалеко’ с род.п.) и в качестве наречия, но только в составе термина **гласъ искрь** ‘плагальный лад’ [3. С. 265]. В найденной в 1975 г. части Синайского евхология находим употребление **искрь** в качестве наречия со значением ‘сходно, подобным образом’ (перевод греч. **λαρᾱλλῆσιως** в тексте Евр 2,14; фотография л. 27).

Наличие в старославянском языке незафиксированных слов и неотмеченных значений зафиксированных слов следует предполагать с большей или меньшей степенью вероятности. Согласно методике, предложенной в свое время Р. М. Цейтлин, “восстановление” лексемы (т. е. предположение о вхождении ее в лексическую систему старославянского языка) требует, чтобы она присутствовала в словарном корпусе старославянских рукописей в “связанном” виде, т. е. предполагалась как мотивирующая в “левом” ряду в парах “мотивирующее – мотивированное” (в то время как “правый” ряд, по мнению Р. М. Цейтлин, не может дать достаточно надежных результатов) [8]. Эта методика “чистой синхронии”, ориентированная на поиски доказательств внутри лексического материала старославянских рукописей X–XI вв. и жестко ограничивающая круг непосредственных источников (более поздние списки и списки других ареалов отсекаются как “ненадежные”), должна быть, на наш взгляд, дополнена приемами, использующими материал именно более поздних списков (в том числе и списков других ареалов) – как для “левого”, так и для “правого” ряда. При этом чем в большем количестве различных по содержанию текстов будет обнаружена “восстанавливаемая” лексема, тем больше будет вероятность

предположения, что она унаследована в более поздних списках из старославянских протографов².

Для решения практической задачи членения старославянских лексем на морфемы представляется целесообразным использовать адаптированный к условиям старославянского языка метод сопоставления, предусматривающий анализ слова в кругу слов, содержащих тождественные сегменты (корни и аффиксы)³. Анализ следует, видимо, начинать с установления актуальных семантических связей у лексем, представляющих собой вошедшие в сохранившийся фрагмент языка “осколки” гнезд этимологически однокоренных слов. При этом семантика “осколков” должна тщательно исследоваться с учетом не только “словарных” основных значений лексем, но иногда и “оттенков”, и “контекстных” значений, не всегда в полной мере учитываемых словарем, но могущих оказаться важными при установлении связей между однокоренными словами. Например, ряд старославянских слов содержит элемент, этимологически являющийся континуатом и.-е. суффикса *-men-*. Такие из них, как **врѣмѧ** ‘время, период’ (и производные от него **врѣменьнѧ**, **врѣменьно**, **безврѣменьнѧ**, **благоврѣменьнѧ**, **маловрѣменьнѧ**), **имѧ** ‘имя’ (и производные от него **именовати**, **безименьнѧ**, **лъжеименьнѧ**, **именитѧ** и др.) в старославянском языке суффикса *-men-/-me-* не вычленяют, так как семантические связи с этимологически однокоренными словами без этого суффикса не сохранились. Более того, даже этимология этих слов недостаточно ясна. Так, Й. Зубатый и А. Вайан относили **врѣмѧ** к корню **ver-* (старославянские лексемы с этим корнем – **верѣѧ** ‘запор’, **верига** ‘цепь, оковы’, **врѣтнице** ‘мешок’, ‘сума, мошна, кошелек’, **ѡѡккоѡ**, ‘одежда’, **въврѣти** ‘воткнуть, вонзить’, **заврѣти** ‘закрывать’, **проврѣти** ‘просунуть, продеть’) [13; 14. Р. 212], в то время как большинство авторов склоняются к версии с корнем **vert-* (старославянские лексемы с этим корнем – **врѣтѣти сѧ** ‘ворочаться, вертеться’, **отврѣрънѧ** ‘наоборот’, **вратити сѧ** ‘вернуться’, ‘обернуться, повернуться’, **вратѣ** ‘колесо, орудие пытки’, **вратѣкъ** ‘шаткий, неустойчивый’ и др.) [15. S. 333; 16. Т. I. С. 361; 17. S. 127 и др.]. Так же и для **имѧ** этимология не является бесспорной [18. Вып. 8. С. 227–228]. С другой стороны, такое существительное как **сѣмѧ** (‘семья’, ‘сперма’), несмотря на то, что, судя по соответствиям в других языках [16. Т. III. С. 600–601], тоже является индоевропейским образованием, сохраняет ясные семантические связи с глаголом **сѣти** ‘сеять’ и другими старославянскими лексемами с этим корнем без суффикса *-men-/-me-*. Так же лексемы **писмѧ** ‘буква’, ‘письмена, текст’ и **чисмѧ** ‘число’, наличие которых в старославянском языке А. Вайан считал показателем продуктивности этого типа в течение длительного времени [14. Р. 216], имеют семантические связи со старославянскими глаголами **писати** ‘писать/написать’, ‘рисовать/нарисовать’ и **читати** ‘читать’. И хотя в литературе высказывались различные мнения о реальном происхождении этих имен⁴, вычленение в

² Подробнее см. [9].

³ Метод сопоставления, “идеологически” близкий американскому дескриптивизму (см. [10]), имеет свои традиции и в отечественном языкознании [11;12]

⁴ Так, А. Матл предполагал, что либо *pismę* и *čisnę* образованы с помощью суффикса *-smen-*, являвшегося дублетной формой суффикса *-men-*, “замешавшей *-men-* после дентальных” [19. S. 140, S. 147], либо эти слова появились в интересующую нас эпоху, в прямой связи с возникновением двух старейших славянских азбук, но были образованы не от соответствующих глаголов, а “на основании смысловой аналогии” по образцу *znamę*, путем преобразования (“přetvořením”) уже существовавших ранее в языке лексем *pismo* и *číslo* [19. S. 147–148]. В Этимологическом словаре славянских языков под ред. О. Н. Трубачева отмечается, что это “бесспорно древнее образование”,

старославянском языке суффикса *-men-/-me-* в этих лексемах не вызывает сомнений.

Сложнее решение вопроса о морфемном членении таких лексем, как **знаменати** ‘обозначать/обозначить’ (и производных от него **знаменовати**, **знаменовати**, **назнаменати**, **назнаменовати**), **знаменитъ** ‘выдающийся’, **знаменик** ‘знамение, знак’, ‘знак, знамя’. Этимологически наличие в составе этих слов корня *-zna-* и суффикса *-men-* бесспорно [16. Т. II. С. 100 и др.]. Для того, чтобы решить, нужно ли в этих словах вычленять корень *-зна-* или корнем для эпохи старославянского языка являлся *-знамен-*, следует установить, сохраняются ли в старославянском языке семантические связи между лексемами с корнем *-зна-* (глаголом **знати** и производными от него **познати**, **познавати**, **незнакмъ**, **знаник**, **познаник**, **богопознаник**) и лексемами, имеющими отрезок *-знамен-*. В таких случаях как этот, важным оказывается учет не только основных значений слов, но и выявляемые в старославянских рукописях оттенки значений, “контекстные” значения. Так, для глагола **знати** Словарь 1994, наряду с основным значением ‘знать’, указывает оттенок ‘видеть, замечать’ (в котором отражается, видимо, семантика и.е. **g'en-* как глагола “феноменализации” [20]) с ярким примером из Супрасльской рукописи (**ѡко же не знати пештеры**, т. е. ‘так, что пещеры не стало видно, заметно’), для причастия в значении прилагательного **знакмъ** – значение ‘знакомый, известный’, и только как второе значение дает ‘знать, сознать’ [3. С. 238–239]. Буквально то же значение, что и прич. **знакмъ** (без суффикса *-men-*), имеет старославянское прил. **знаменитъ** (с суффиксом *-men-*), дважды употребленное в Супрасльской рукописи при переводе греч. **ἐπίσημος** и **περίσπυγος** (**имаши знамениты мажд . нарицакмыа крѣстианы** – Супр 67,10–11 и **положишѡ на мѣстѣ знаменитѣ** – Супр 58,23–24). Очевидно, что семантические связи лексем **знати** и **знаменитъ** в старославянском языке сохраняются. Следует лишь отметить, что данное прилагательному **знаменитъ** в Словаре 1994 толкование ‘выдающийся’ [3. С. 238] предполагает в русском языке семантику ‘славы, прославленности’ (ср., например: *выдающийся музыкант* и т. п.), которой, судя по известным нам контекстам, не обладало старославянское слово.

Как отмечалось выше, в синхронном словообразовании описание словообразовательного механизма системы начинается с установления отношений мотивации. Однако в историческом словообразовании не менее важным представляется установление отношений производности. “Как известно, – пишет И. С. Улуханов, – мотивационные отношения далеко не всегда совпадают с реальной производностью. Последняя несущественна для синхронного словообразования, но должна быть отражена в историческом” [6. С. 17]. Специфика старославянского материала, заключающаяся в частом отсутствии – в силу указанных выше причин – фиксации мотивирующих слов, требует отдавать приоритет установлению отношений производности, а не мотивированности. И если при исследовании словообразования древнерусского языка, при достаточно большом объеме исследуемого материала, представляется возможным построить классификацию словообразовательных типов на базе мотивационных отношений [6. С. 17], на специфическом старославянском материале обычный (принятый в отечественном языкознании) путь исследования, а именно установление пар “мотивирующее ----> мотивированное” и поморфное сегментирование на этой основе, оказывается нерелевантным. Установление отношений

возможно, было соотнесено с основой инфинитива *ǫs-ti*, причем “непрочность сочетания *tm*” в первоначальном **ǫtime* “послужила причиной введения элемента *-s*” [18. Вып. 4. С. 119].

мотивированности может быть вторым этапом анализа, основанным на базе уже установленной производности и проведенной в соответствии с этим морфемной сегментации слов.

Если же анализ старославянского материала начинать с установления мотивационных отношений в круге “реально зафиксированной” Словарем 1994 лексики, пришлось бы прил. **знаменитъ**, сущ. **знаменник** и глагол **знаменати** признать немотивированными словами. Между тем они являются производными от незафиксированного в старославянских рукописях сущ. ***знама**, в свою очередь производного от глагола **знати** (**знати** ----> ***знама**). У нас нет прямых доказательств того, что сущ. ***знама** входило в лексическую систему старославянского языка, хотя оно было в ней возможно, и возможно, что отношения мотивации ***знама** ‘отличительный знак’ ----> **знаменати** ‘обозначать/обозначить’ были такие же, как они “просматриваются” для языка древнерусского⁵. Причину отсутствия в старославянских рукописях сущ. ***знама** следует видеть в широком распространении производного от него существительного (с суффиксом **-ъj-**) **знаменник** (встречается в рукописях более 100 раз). По данным Словаря 1994 г., **знаменник** имело два основных значения: 1) ‘знамение, знак’ и 2) ‘знак, знамя’ [3. С. 238]. Таким образом, для выражения значения ‘отличительный знак’ могло чаще использоваться более употребительное существительное – **знаменник**. Реальные отношения производности ***знама** (род.п. **знамене**) ----> **знаменник** с большой долей вероятности совпадали и с отношениями мотивации, в то же время в старославянском языке, возможно, было и отглагольное образование с суффиксом **-ъj-** от **знаменати**, а именно **знаменаник** (образование от основы причастия **знаменан-**), зафиксированное, причем в разных контекстах, в очень ранних древнерусских списках со старославянских протографов (13 слов Григория богослова XI в. и Ефремовской кормчей XII в.) [21. Т. I. С. 987]. **Знаменитъ**, прилагательное с суффиксом **-it-**, образующим прилагательные в славянских языках, как правило, от существительных [22. Р. 468–469], также образовано от ***знама** (***знама** ----> **знаменитъ**). Отношения мотивации при этом также, видимо, совпадали с отношениями производности: ***знама** ‘отличительный знак’ ----> **знаменитъ** ‘знакомый, известный’.

Рассмотрим отношения производности и мотивации еще для одного существительного с суфф. **-ъj-** – **говьѣник** ‘изобилие’. Поставив условие не выходить из круга однокоренных слов **говьѣнати** ‘изобилловать’, **говьѣвати** (или **говьѣовати**) ‘жить в изобилии’, **говьѣствовати** ‘жить в изобилии’ и **оуговьѣнати са** ‘дать хороший урожай’, вошедших в словник Словаря 1994, пришлось бы, видимо, предполагать отношения мотивации **говьѣнати** ‘изобилловать’ ----> **говьѣник** ‘изобилие’. Между тем реальные отношения производности были следующими: незафиксированное в старославянских рукописях ***говьѣъ** ----> **говьѣник** (см. также [18. Вып. 6. С. 186]). Между тем наличие лексемы ***говьѣъ** в старославянском языке также было вполне вероятным, так как она отмечена в толковом евангелии 1434 г. [21. Т. I. С. 530].

Другой пример. Словник Словаря 1994 содержит ряд однокоренных слов – **хъдожьникъ** ‘создатель, творец’, **хъдожьствик** ‘произведение мастера’ и **хъдожьство** ‘мудрость’, ‘хитрость’, ‘коварство’. И в этом случае попытка установить отношения мотивации в данных пределах, т. е. в пределах слов,

⁵ И. И. Срезневский приводит примеры на это значение сущ. **знама** не старше XV в., но в первом же примере хорошо показана связь мотивированного глагола и мотивирующего существительного: *пазнамянати топоръ... знамяни топоровые* [21. Т. I. С. 991].

зафиксированных в старославянских рукописях, была бы бессмысленной, так как очевидно, что в Словаре 1994 представлены лишь “концы” словообразовательных цепочек. Между тем структура сущ. *xъdožъn-ikъ* подсказывает, что оно должно быть производным от прилагательного с суффиксом *-ъn-*. Действительно, И. И. Срезневский отмечает прил. *хъдожьнь(чи)* [21. Т. III. С. 1415]. Судя по тому, что оно встречается в очень ранних древнерусских списках XI в. со старославянских протографов (13 слов Григория Богослова и Пандектов Антиоха) со значениями ‘опытный, знающий’, ‘умелый’, причем в разных контекстах, вероятность того, что оно было в старославянском языке, велика. В списке XI в. 13 слов Григория Богослова И. И. Срезневский отмечает также прилагательное с другим суффиксом – *хъдоживъ(чи)* ‘способный’ [21. Т. III. С. 1415] и безаффиксное прилагательное *хъдогъ* в значении ‘сведущий’ [21. Т. III. С. 1414], представляющее собой раннее праславянское заимствование из германских языков [18. Вып. 8. С. 88]. Вероятность того, что прил. *хъдогъ* было в старославянском языке, очень велика, так как оно встречается и в ряде списков с написанного изначально на старославянском языке произведения Козьмы Пресвитера “Беседа против богомилов” (написание *хъдогы*⁶) [23]. О том, что в первоначальном тексте “Беседы” было именно *хъдогъ*, говорит его соответствие по значению (‘разумный’) прил. *φρόνιμος* в греческом оригинале (Исаия 5,21), в то время как написания *хъждьшац*, *хъды*⁷ в других списках явно указывают на порчу текста. От прил. *хъдогъ* было, видимо, образовано в старославянском языке наречие *хъдожь*, встречающееся на л. 16в 27 Изборника 1073 г. (являющегося, как известно, ранним списком со старославянского протографа), значение которого, в целом близкое к значению прилагательного, не очень четко определяется в данном контексте⁶.

Как уже отмечалось выше, при анализе старославянского материала приходится учитывать и тот факт, что слово может встречаться в известных нам рукописях не во всех своих значениях (тем более, не во всех оттенках своих значений) и, следовательно, в Словаре оказывается зафиксированным, но не во всей полноте своего семантического объема. Так, в старославянских текстах отмечена целая группа лексем с корневыми морфемами *-рад-* и *-ражд-* (огласовка р): *радъ*, *израдъ*, *израдънь*, *израдъно*, *порадик*, *върадити*, *въражденик*. Эта же корневая морфема с огласовкой *ѣ*⁷ представлена всего двумя лексемами: четырежды употреблено в Супрасльской рукописи сущ. *орѣдик* (Супр 46,13–14; 280,12; 296,22 и 445,26) и один раз в той же рукописи – глагол *орѣдовати* (в форме причастия *орѣдоуѣште*) в контексте и *оударивъше въ двѣри акы жродоуѣште чѣто* при переводе греч. *καὶ κροῖσαντες τὴν θύραν ὡς ἐπὶ ὀλοκρίσει τινί* (Супр 145,27), причем из-за ошибки в написании (*жродоуѣште* вм. *орѣдоуѣште*) глагол учтен только в Словаре 1994 (см. также [25]), в то время как в словниках Пражского словаря и Словаря Садник-Айцетмюллера глагол отсутствует [26; 15]. Не выходя из круга данных, представляемых Словарем 1994, и опираясь в морфемном и словообразовательном анализе формально на указанные в нем толкования (ср.: *радъ* ‘ряд, разряд; место и др.’, по *радоу* ‘по порядку и др.’, *израдъ* ‘чрезвычайно’, *израдънь* ‘чрезвычайный’, *израдъно* ‘чрезвычайно’, *порадик* ‘очередность’, *върадити* ‘включить, причислить’, *въражденик* ‘очередь, порядок’, *орѣдик* ‘дело, деятельность’),

⁶ И. И. Срезневский отмечает эту лексему, но не указывает ее значения [21. Т. III. С. 1416].

⁷ Об этимологии слов с корнем **rad-* см. [16. Т. III. С. 154]. Об исконности в славянском ступени **rad-*, чередующейся с **red-*, см. также [24].

орждовати ‘устроить’), исследователь должен прийти к выводу о немотивированности слов **орждик** и **орждовати** и о непроизводности и нечленимости их основ. Однако старославянские контексты не раскрывают в полной мере семантики сущ. **орждик**, и словари дают толкование с очень широким значением: ‘дело, деятельность’ [3. С. 415; 26. Т. II. S. 556], ‘Sachverhalt, Geschehnis, Angelegenheit, Geschäft, Tätigkeit’ [15. S. 77]. В то же время, судя по широким контекстам, можно предполагать, что значение ‘дело, деятельность’ могло быть связано с семантикой ‘упорядочения, устройства’, тем более, что старославянское **орждик** переводит как греч. *πρῶμα*, так и *ἀλόκρισις*. Ср.: *посъла на* (т. е. ‘нас’) *старьць на орждик* (*εις ἀλόκρισιν*) . *на ливнадж* – Супр 296,22. Примечательно, что в древнерусском языке И. И. Срезневский, опиравшийся на значительно больший объем текстов, отмечал у этого слова помимо значений ‘дело’, ‘дело, работа’, также и ‘дело судебное’ [21. Т. II. С. 708], что, конечно, не является доказательством существования этого значения у сущ. **орждик** в старославянском языке, но указывает на то, что оно могло оказаться невыявленным из-за недостатка текстов. Примечателен также пример, данный И. И. Срезневским без указания значения, но свидетельствующий о наличии семантики ‘упорядочивания’ у этого слова: *Ороудиа оученики творити – responsa a discipulis exigere*. На эту же семантику указывает и данное в Словаре 1994 толкование глагола **орждовати** – ‘устроить’ [3. С. 416]. Если семантика ‘упорядочения, устройства’ действительно была присуща интересующим нас старославянским лексемам с корневой огласовкой *o*, то из этого следует, что в старославянском языке сохранялись актуальные семантические связи этих лексем с лексемами с огласовкой *e*, и корневой морф **-ржд-** представлял корневую морфему **-ржд-/-рд-/-ржд-**. В таком случае **орждик** членилось как *o-ṛd-ij-e* аналогично другим суффиксально-префиксальным образованиям, зафиксированным в старославянских текстах: *ro-ṛd-ij-e*, *o-dol-ij-e*, *so-glas-ij-e*, *vъs-kriil-ij-e*. До получения нового фактического материала такое решение нельзя считать совершенно доказанным, но вероятность его правильности не меньшая, чем у решения о немотивированности этих слов и нечленимости их основ. Видимо, строгость научного подхода требует в таких случаях (а их набирается немало при сплошном анализе словника Словаря 1994) не ограничиваться поверхностным, формальным анализом данных указанного словаря, а рассматривать их в качестве лексем, членимых с большей или меньшей степенью вероятности.

Рассмотренные выше “трудности” морфемного членения обусловлены недоступностью для изучения значительной части старославянского языкового материала из-за недостаточной полноты его источников. При этом вне круга зафиксированных слов оказывается, главным образом, исконная лексика (включая и ранние праславянские заимствования), унаследованная старославянским языком из его народной основы. Между тем при морфемном членении ряда слов, особенно нового “культурного слоя”, неоднозначность решения может быть вызвана особенностью социальной базы старославянского языка. Речь идет о препятствии, с особой остротой возникающем при исследовании старославянского материала, но актуальном и при анализе живых языков, хотя до недавнего времени исследователями морфемике и словообразования оно так или иначе обходилось. В последние годы это препятствие осознается некоторыми авторами как “проблема соотношения системы языка и его функционирования в речи индивидуумов”, которая в отношении морфемике и словообразования проявляется как проблема зависимости трактовки значений и структуры слов от языковой компетенции носителей языка [27; 28. С. 79]. Суть

этой проблемы обозначает себя в соотношении абстрактного понятия языковой системы как объекта лингвистического исследования и описания и, с другой стороны, множества конкретных воплощений этой системы, реально существующих как языковые системы индивидуумов, идентифицирующих себя в качестве носителей определенного языка. Единственное предложенное на сегодняшний день решение состоит в том, чтобы абстрактное понятие языковой системы рассматривать как систему, субъектом которой является некая “усредненная языковая личность”. Однако параметры этой “усредненной личности” определяются весьма смутно и для современных языков: “Очевидно, ориентация на “обобщенный” тип носителя языка (как при сегментации, так и при выявлении мотивационных связей), – пишет И. С. Улуханов, – может в наибольшей степени способствовать определению системных свойств языка. Правда, задача выявления мотивационных связей, актуальных для такой “усредненной” языковой личности, достаточно сложна в силу неразработанности этой проблемы и отсутствия материалов и предварительных исследований” [28. С. 79]. Путь решения этой задачи И. С. Улуханов видит в проведении анкетирования носителей языка и использовании данных пока еще не созданного словаря языковых ассоциаций (помимо использования данных толковых словарей и языкового опыта самого исследователя). Очевидно, что такое решение, выполнимость которого весьма затруднительна (если вообще возможна) при изучении живого языка, непригодно при исследовании языка мертвого.

Старославянский язык существовал в условиях особой языковой ситуации и особой социальной базы, о необходимости учета которых нам уже приходилось говорить и писать [29; 9]. Различие в языковой компетенции древних книжников – не просто носителей, но часто и создателей старославянского языка в процессе перевода греческих оригиналов – и “пассивных потребителей” – для которых этот язык создавался, но которые не пользовались им активно – было настолько велико, что при исследовании старославянского языка введение такого понятия как “обобщенный тип носителя языка” или “усредненная языковая личность”, видимо, невозможно. Для древних книжников, создававших лексический фонд старославянского языка, греческий язык был языком, непосредственно включенным в этот процесс⁸, в то время как большинство “потребителей” старославянского языка, даже и при некотором знакомстве с греческим, было ориентировано в основном на славянский языковой материал. Очевидно, что как семантический объем многих старославянских слов, так и их членение принципиально по-разному осознавались представителями разных социальных слоев. Так, в ряде слов, начинающихся с архи-/арх- – архангелъ (ἀρχάγγελος), архангеловъ, архангельскъ, архидиаконъ (ἀρχιδιάκονος), архиепископъ (ἀρχιεπίσκοπος), архирен и архирѣн (ἀρχιερεύς), архиренскъ и архирѣнскъ, архиреевъ, архистратигъ (ἀρχιστράτηγος), архисвнагогъ (ἀρχισυναγωγος), архисвнагоговъ, архитриклинъ (ἀρχιτρίκλινος), с точки зрения древних книжников архи-, безусловно, вычленялось во всех словах как самостоятельная морфема и осознавалось как префикс или как первый компонент композиты. С точки зрения “пассивного потребителя” эти слова являлись иностранными, малопонятными (или понятными только в пределах определенных контекстов), и представление о степени их членимости было очень индивидуально, зависело от ряда факторов, и в первую очередь – от степени

⁸ О поморфемном и семантическом калькировании, а в последнее время также о транспозиции и ментализации написано уже достаточно много. См. [30; 31; 32] и др.

“укоренности” в языке как самих слов с элементом архи-/арх-, так и однокоренных слов без этого элемента.

Видимо, с этой точки зрения (“славянской” точки зрения) уверенно можно вычленять элемент архи-/арх- в словах архангелъ и архипискоупъ, поскольку как эти слова, так и соответственно ангелъ и пискоупъ являлись довольно высокочастотными по меркам старославянского языка словами. С другой стороны, не могло члениться сущ. архитриканнъ ‘распорядитель пира’ (при морфемной членимости в греческом ἄρχι-τρί-κλι-ος), которое, хотя и употреблено 9 раз [З. С. 74], но в пределах двух евангельских чтений (И 2,8 и И 2,9), т. е. фактически в пределах одного контекста при переводе евангельской притчи о Кане Галилейской, и не имеет в старославянских текстах однокоренных слов. Сложнее решение о членимости сущ. архисинагогъ ‘архисинагог, глава синагоги’ [З. С. 74] и производного от него (и им мотивированного) прил. архисинагоговъ. В словнике Словаря 1994 г. зафиксировано и сущ. синагогъ без элемента архи- [З. С. 685], а также производное от него (и им мотивированное) прил. синагоговъ. Однако, если сущ. архисинагогъ, являясь буквальным соответствием греч. ἄρχισυνάγωγος, вполне “укоренилось” в языке и отмечено в старославянских рукописях 12 раз – как в евангельских чтениях, так и в Супрасльской рукописи, сущ. синагогъ встречается только в двух чтениях (Л 8,49 и Л 13,14) в апракосном варианте славянского перевода Евангелия. В тех же чтениях (т. е. в тех же контекстах в соответствии с тем же греч. ἄρχισυνάγωγος) в переводе тетраевангелия (который, как известно, был сделан несколько позже перевода апракоса) синагогъ заменено на архисинагогъ, причем в чтении Л 13,14 такая замена произведена даже в Саввиной книге (апракос). Ср. в Л 8,49: приде етеръ о^т синагога – Ассеманиево евангелие (апракос) 58а, Саввина книга 52 об. versus пришьдъ етеръ отъ архисинагога – Зографское и Маринское тетраевангелия; в Л 13,14: Штвъѣштав же соунагогъ . негодоуѣ – Ассеманиево евангелие 60d versus и отъѣщавъ же архисоунагогъ негодоуѣ – Саввина книга 58, Зографское и Маринское тетраевангелия. Таким образом, лексема синагогъ является, по существу, переводческим (и, видимо, первоначальным) вариантом к лексеме архисинагогъ, с тем же значением (ср. толкования, данные в Словаре 1994: ‘архисинагог, глава синагоги’ для архисинагогъ и ‘лицо, возглавляющее синагогу, архисинагог’ для синагогъ). Все же, учитывая большую распространенность апракосного варианта евангельского текста, предпочтительнее, видимо, было бы решение о членимости лексемы архи-синагогъ, на что указывает, кажется, и употребление в оглавлениях Зографского и Мариинского кодексов производного от синагогъ прилагательного синагоговъ.

Сущ. архистратигъ ‘верховный военачальник’ также малочастотно (всего 2 употребления), но встречается в разных рукописях – Синайском евхологии и Супрасльской рукописи – и в совершенно разных контекстах, что является свидетельством “вхождения в язык” этого слова. Сущ. без элемента архи- – стратигъ – встречается в старославянских рукописях 4 раза, из них 2 раза – в значении ‘военачальник’, причем в разных произведениях Супрасльской рукописи (Житии Пиония и Житии Анина). И хотя архистратигъ как в Синайском евхологии, так и в Супрасльской рукописи появляется на месте ἄρχιστράτηγος, а стратигъ в Житии Пиония на месте στρατήγος греческого оригинала (греческий оригинал к Житию Анина, как известно, пока не найден), выделение элемента архи- имеет смысл и с точки зрения славянского материала: стратигъ – просто ‘военачальник’, а архистратигъ – ‘верховный военачальник’.

Видимо, следует выделять элемент **архи-** и в употребленном в месяцелове Ассеманиева евангелия сущ. **архидиаконъ** (единственное употребление в старославянских рукописях). Существительное без элемента **архи-** – **диаконъ** – встречается 3 раза. Укоренившимся в старославянском языке словом со значением ‘дьякон’ является гречизм в форме **диакъ** (36 употреблений [З. С. 189]), в то время как слова **архидиаконъ** и **диаконъ** служат переводом соответственно *ἀρχιδιάκονος* и *διάκονος* (т. е. имеется прямое соответствие греческому оригиналу) при упоминании конкретного лица, вместе с именем собственным (ср.: глагола *къ немуꙋ епискоупъ . диаконе филеа* – Супр 224,16, *диакона филеа* – Супр 224,14, *теофила диакона* – Ас 141а 11). Тем не менее, судя по производным (и, видимо, мотивированным сущ. **диаконъ**) словам **диакониса** и **диаконство**, вариант корневой морфемы **диакон-** так же был “укоренен в языке”.

Итак, при морфемном членении в старославянском языке представляется целесообразным следовать принципам метода сопоставления, начиная анализ с выявления актуальных (на уровне старославянского языка) семантических связей этимологически однокоренных слов, тщательно исследуя семантику каждой старославянской лексемы. Далее устанавливаются не отношения мотивации, а отношения производности, с выходом, при необходимости, за пределы круга слов, включенных в словник Словаря 1994. В случае привлечения к анализу языкового материала более поздних рукописей, результат сегментирования старославянских лексем должен рассматриваться как морфемное членение, проведенное с большей или меньшей степенью вероятности – в зависимости от степеней надежности и объема привлекаемых дополнительных источников. При морфемном членении слов нового “культурного” слоя следует, видимо, учитывать степень “укорененности” в языке слов с тождественными элементами. Установление отношений мотивации может быть вторым этапом анализа, причем ограниченным теми участками лексической системы, которые допускают такой анализ на базе установленных отношений производности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лопатин В.В.* Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М., 1997. С. 27 и сл.
2. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
4. *Aitzetmüller R.* Das Hexaemeron des Exarchen Joannes // *Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti*. Т. VII. Graz, 1975.
5. *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. С. 31.
6. *Улуханов И.С.* Основы построения исторического словообразования русского языка // *Русистика сегодня*. 1994. № 1.
7. *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 219–247.
8. *Цейтлин Р.М.* Възстановяване на незасвидетелствувани старобългарски думи (способи и методи) // *Български език*. 1986. № 2. С. 114.
9. *Ефимова В.С.* О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадъективных наречий) // *Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы* (в печати).

10. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике III. М., 1963. С. 81–83.
11. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
12. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986. С. 10 и сл.
13. Zubatý J. Slavische Etymologien // Archiv für slavische Philologie. 1894. Bd. 16. Hft. 3/4. S. 418.
14. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. II. Morphologie. P. I. Flexion nominale. Paris, 1958.
15. Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986–1987.
17. Słowski F. Słownik prasłowiański. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. Wrocław, 1974.
18. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974 –.
19. Mátl A. Abstraktní význam u vejštarších vrstev slovanských substantiv (kmenů souhláskových) // Studie a práce linguisticke. T. I. Praha, 1954.
20. Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии. V (1) // Этимология 1991–1993. М., 1994. С. 148.
21. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. М., 1989.
22. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974.
23. Попруженко М.Г. Козма Пресвитер. Болгарский писатель X века // Български старини. Кн. XII. София, 1936. С. 53.
24. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XI. Континуанты **rad-* (к **red-*) // Этимология 1980. М., 1982. С. 36–41.
25. Bláhová E. Die Bedeutung des griechisch-altkirchenslavischen Index für die Erforschung des altkirchenslavischen Wortschatzes // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. 38. Wien, 1992. S. 303–304.
26. Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha, 1968 –.
27. Герд А.С. Морфемика в ее отношении к лексикологии // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 8.
28. Улуканов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания 1992. № 5.
29. Ефимова В.С. О некоторых тенденциях развития литературного языка произведениях Иоанна Экзарха Болгарского // Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 24–26 мая 1994 г. М., 1994. С. 25.
30. Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
31. Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.
32. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.

© 1999 г. М.А. ВАСИЛЬЕВ

КАНУН КРЕЩЕНИЯ РУСИ: "ПРОВОДЫ – ПОХОРОНЫ" КИЕВСКИХ КУМИРОВ ПЕРУНА И ВОЛОСА

Нам уже доводилось подробно останавливаться на вопросе о "проводах – похоронах" кумира Перуна накануне массового крещения киевлян, сведения о чем содержатся в статье под 988 г. "Повести временных лет" [1. С. 80] (далее – ПВЛ), в связи с рассмотрением более общей проблемы – "первой религиозной реформы" князя Владимира Святославича [2]. Общая идея ритуально-магических действий, произведенных в Киеве с воплощавшим верховного официального общерусского "бога богов" первых лет великого княжения Владимира Перуна идолом, состояла в изгнании, удалении, выпроваживании этого понимаемого накануне принятия Русью новой религии уже как опасный, "нечистый" и ставший нежелательным "поганского" объекта (и, соответственно, олицетворявших им сил) из области жизни в пространство смерти, в "иной" мир, на "тот" свет. Это были проведенные на основе языческой обрядности "проводы – похороны" Перуна, акт, в определенной мере подготовивший умы в первую очередь населения столицы Древнерусского государства к последовавшему затем массовому крещению.

Для "изгнания – уничтожения" Перуна были использованы несколько способов. Центральным являлся "перенос" кумира славянского громовика с суши, земли в воду, реку (со Старокиевской горы в Ручай (Почайну) – Днепр) с последующим заранее спланированным выдворением за Днепровские пороги. В представлениях древних славян, индоевропейских народов вообще, вода была связана со смертью, с миром мертвых, "тем" светом, т.е. началом, противоположным и противостоящим жизни, олицетворявшейся в данной оппозиционной паре земель, суши. В качестве способов, сопутствовавших основному, можно рассматривать: битье идола массивными палками (жезльем) специально приставленными двенадцатью "мужами"; ритуальное оплакивание кумира киевлянами (подробнее см. [2. С. 45–53]). Сегодня к данному ряду сакральных "проводных" действий можно добавить еще одно, ранее оставлявшееся нами без пояснений.

После взятия Корсуни и личного крещения Владимир "приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту (курсив наш. – М.В.) и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльем" [1. С. 80]. Привязывание Перунова кумира к хвосту лошади при сволокивании его со Старокиевской горы с позиций рационального мышления выглядит необъяснимо и даже абсурдно: таща, пусть и под гору, большой, тяжелый, весьма вероятно, дубовый (дуб – специально сакральное

Васильев Михаил Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

дерево индоевропейского (> славянского) повелителя грома и молний) идол, конь попросту мог потерять хвост, вырванный едва ли не с корнем. Но если подойти к летописной информации не с точки зрения "здорового смысла", а с учетом общего сакрально-магического контекста манипуляций с киевским кумиром Перуна, то можно попытаться найти ключ к пониманию данного обстоятельства.

Целесообразно напомнить, что конский хвост представляет собой *пучок волос*. Потому обратимся, опираясь на славянский материал, к связанной с волосами сакрально-магической семантике.

В народных воззрениях волосы являлись средоточием жизненных сил человека. Поэтому, с одной стороны, они символизировали множество, богатство, изобилие и счастье [3. С. 420]. Однако оборотной стороной этих представлений являлось то, что волосы могли выступать как источник *болезней, несчастья, смерти*, быть сопряжены с *нечистой силой*, т.е. с персонажами "того" света. Название волос вообще было связано с наименованием Волоса/Велеса, бога многоликого, но функционально сопряженного в том числе с миром мертвых, "иным" миром [4. С. 52 и след.].

У славянских народов запрещалось расчесывание женщинами волос в неурочные, ограниченные запретами дни, "чтобы волки не резали стадо", "чтобы не кусали змей" (сербы), "чтобы смерть не пришла к мужьям" (Македония). Подобное запретное расчесывание вело к возникновению болезни, называемой "волос" (Черниговщина) [3. С. 420]. В сочетании с магическими действиями, с помощью волос можно было навести болезнь, порчу [3. С. 422]. Распущенные и непокрытые волосы считались характерным признаком женских персонажей нечистой силы: русалок, вил, ведьм и т.п. [3. С. 423]; диалектное *волосатик* означало 'нечистый дух, черт' [4. С. 53].

Полагали, что существует некое животное "волос", забирающееся под кожу людям и животным и причиняющее болезнь "волос, волость, волости". Та же болезнь "волос" приписывалась особому червю "волосцу", иначе называвшемуся "змеевик", что объяснимо мифологическим параллелизмом червей змеям. Волос, утеранный лошадью, мог сделаться "волоснем", который будто бы больно кусал до смерти [4. С. 53].

В Восточной Герцеговине в погребальном обряде в знак траура отрезали коням хвосты и гривы и помещали их на могилу [3. С. 423].

В рассматриваемом контексте следует, далее, помнить, что "представляется возможным... реконструировать бога грозы индоевропейской мифологии – *Per(k)upo-s в виде война-змееборца на K[оне] (или на боевой колеснице, запряженной конями)", что находит продолжение во многих индоевропейских мифологических традициях, в том числе славянской [4. С. 81–85, 139]. При этом "в условном языке, бытующем в Белоруссии, конь назывался *волот*, лошадь – *волотина*, жеребенок – *волоток*, *волотенок*" [4. С. 63], при параллелизме теонима Волос/Велес и форм Волот/Велет [4. С. 63, 72 и др.].

Таким образом, внешне загадочное привязывание киевского кумира Перуна к конскому хвосту во время его "проводов – похорон" находит свое объяснение через сакральную семантику волос как связанных с миром смерти, "тем" светом, органически вписываясь в ряд совершенных с ним, "проводных" акций. Сохранение в ПВЛ рассмотренной выразительнейшей детали, кроме того, является, на наш взгляд, лишним подтверждением высокой степени аутентичности отразившегося в летописи повествования о "первой религиозной реформе" Владимира.

Прежде чем непосредственно перейти к следующей обозначенной в заголовке публикации теме, коснемся вопроса о структуре киевского пантеона князя Владимира. В статье ПВЛ под 980 г. говорится: "И нача княжити Володимерь в Киевѣ единѣ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы..." [1. С. 56].

Нельзя не обратить внимание на мифологически логичную структурированность пантеона, последовательно отразившуюся в порядке перечисления в летописи входивших в него божеств.

Бог Солнца Хорс-Даждьбог (обоснование солярной природы Хорса и Даждьбога и анализ причин появления у восточных славян двух теонимов для обозначения бога Солнца см. [5. С. 133–139]) и функционально сопряженный с атмосферой Стрибог (в "Слове о полку Игореве" ветры названы "Стрибожьими внуками" [6]) соотносимы с "верхним" миром.

Безусловно славянская богиня Мокошь, "Мать-Сыра-Земля" (см. [7]), принадлежит миру "срединному", земному.

Исходя из того, что в ПВЛ иранское по происхождению божество Семаргл названо после Стрибога и перед Мокошью, а также из реконструкции его внешнего облика как гигантской хищной птицы и одной из функций в иранской (и арийской) мифологии как "связника" между мифологическими мирами (см. [5. С. 139–148]), можно предполагать, что во Владимировом пантеоне Семаргл выступал в качестве посредника между "верхней" и "средней" мифологическими зонами.

В целом киевский пантеон, считаем, являл собой *сакрально-мифологическую картину макрокосма*, именно этот принцип был положен в основу формирования его структуры. Данная картина овеществлялась в идолах указанных богов и зрительно представлялась массовому наблюдателю. И над всем этим сакральным макрокосмом, зоны которого маркировали соответствующие божества, над ним и над этими богами возвышался в качестве верховного господина княжеско-дружинный, а в годы проведения князем Владимиром "первой религиозной реформы" и официальный общегосударственный "бог богов" – Перун. Тем самым политико-религиозное верховенство Перуна (подробнее см. [2. С. 38–45]) подкреплялось его первенством сакрально-мифологическим.

Что касается вопроса о том, отразила ли структура Владимирова пантеона (исключая Перуна ввиду его особого места в нем) уже сложившуюся у южнорусского населения религиозно-мифологическую систему; была ли она "плодом творчества" великого князя и его ближайшего окружения; создало ли ее "целое сословие жрецов", как считал Б.А. Рыбаков [8. С. 442], и т.д., то любые ответы, полагаем, будут заведомо спекулятивны в силу состояния источников.

Но выявляемая в киевском пантеоне сакрально-мифологическая картина макрокосма, на наш взгляд, отличается неполнотой, незавершенностью – в ней отсутствует бог – маркер "нижнего" мира. Таковым должен был бы быть Велес/Волос, теснейшим образом сопряженный с миром мертвых и хтоническим началом. Отсутствие Велеса/Волоса неоднократно привлекало внимание исследователей, вызывая у них недоумение, и получало весьма разнообразные интерпретации.

Ф.Е. Корш выразил следующее мнение: "Возможно, что летописец перечислил не всех богов, которых изображения стояли при Владимире на этом холме. Так, напр., неужели там не было кумира Велеса? Казалось бы, как на посвященном богам холме, так и в летописном известии о нем, он должен был занимать второе место после Перуна" [9]. Е.В. Аничков писал, что Велес не назван среди Владимировых богов потому, что являлся божеством "несомненно более широкого распространения, чем боги Владимира" [10]. Б.Д. Греков полагал, что Волоса в пантеоне нет "конечно, потому, что ему и не надлежало быть тут. Он стоял в другом месте, на рынке, на Подоле, у самой реки Почайны" как бог купцов, купеческое божество [11]. (Мысль о том, что Волосов кумир месторасполагался на Подоле, первым, кажется, высказал, гипотетически, Н. Закревский, обосновав ее следующим образом: относительно улицы Волоской или Волошской он писал, что "она находилась в той части Киево-Подола, которая в 1650 г. называлась Епископскою или *Бископскою*... Не вела ли она в древности к капищу Волоса, от коего и получила своё название?" [12]) Выдвинув свое предположение о причинах возникновения киевского пантеона и принципах его организации (стремление упорядочить язычество и противопоставить языческую систему все возрастающему влиянию христианства), Б.А. Рыбаков писал: "Возможно, что и невключение в пантеон Волоса – бога, почитаемого разнузданными карнавалами, звериными масками и буйными русалиями, ...связано со стремлением

придать пантеону более приличный, достойный вид, устраняя из него все то, что слишком контрастировало с православным церковным благолепием и внешней благопристойностью греческой веры" [8. С. 446] (там же см. [13]). Ю.В. Кривошеев увидел в Велесе божество словен новгородских, попавшее в Киев в результате похода Олега 882 г.; «как бог присоединенного племени Велес был поставлен в Киеве "ниже" (полянского. – М.В.) Перуна», на Подоле [14]. По мнению А.П. Новосельцева, забвение в пантеоне столь важного языческого божества, как Волос, объяснялось тем, что "этот бог был покровителем воинов-купцов, совершавших далекие заморские походы еще при отце и деде Владимира, который от таких походов отказался и явно их не поощрял. Его внешняя политика была связана исключительно с окраинными землями государства..." [15]. А.Г. Кузьмин выразил мнение, согласно которому отсутствие Велеса в пантеоне могло быть связано с каким-то конфликтом в Киеве: не исключено, что торгово-ремесленный Подол остался на стороне Ярополка в его борьбе с Владимиром за великокняжеский престол [16]. А. Карпов объяснял отсутствие Велеса тем, что он являлся божеством "нижнего" мира, богом богатства и земледелия. «Поэтому ему не было места рядом с "высшими", небесными божествами на "Перуновом холме". Он и оказался внизу», на Подоле [17].

По нашему мнению, объяснение отсутствия Велеса/Волоса в киевском пантеоне князя Владимира лежит в первую очередь не в социально-политической, а в религиозно-мифологической плоскости.

Согласно реконструированному Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым "основному", или грозовому, мифу славянской (< индоевропейской) мифологии, Перун и Велес теснейшим образом в нем связаны между собой, выступая в качестве главных участников: бог грозы Перун, обитающий на небе, на вершине горы, преследует своего змеевидного врага, Велеса, живущего внизу, на земле; причина их распри – похищение Велесом скота, людей, а в некоторых вариантах – жены громовержца (одним из имен которой было Мокошь); после победы бога грозы над змеем-Велесом появляется вода, идет дождь, приносящий плодородие, а змей скрывается в земных водах [4. С. 5 и след.; 18].

Таким образом, Перун и Велес в славянской мифологии (и их прообразы-первоосновы в мифологии индоевропейской) были, с одной стороны, постоянными и непримиримыми противниками. Но, с другой стороны, они, как главные участники "основного" мифа, являлись богами неотрывно взаимосвязанными, равно великими, обладающими верховной природой (ср. договор Руси с греками 971 г. [1. С. 52]). *В силу этих обстоятельств одно божество просто не могло быть подчинено другому, так как это "взрывало" бы самые основы славянской мифологической системы, разрушало бы одну из ее ключевых архетипических составляющих.* И коль скоро структура Владимирова пантеона не носила случайного характера, вполне закономерно то, что Велес/Волос не мог в него войти, оказываясь тем самым в "подданстве" у Перуна; то, что Волосов идол стоял в Киеве, но вне рамок созданного великим князем на Старокиевской горе капища.

Типологически весьма сходная (вплоть до частичных функциональных совпадений) ситуация наблюдалась в мифологии другой ветви индоевропейцев – индоариев (и древних арийских племен Передней Азии). У них имелись два оппозиционных, но неразрывно взаимосвязанных важнейших божества: Митра (бог дружелюбный, благожелательный, который всегда с людьми, с живыми; ему принадлежал день, он отождествлялся с Солнцем) и Варуна (бог карающий, связанный с миром мертвых, водой; ему принадлежала ночь). В источниках очень часто они фигурируют как нерасчленимое парное божество – Митра-Варуна. "Их сосуществование, – писал Ж. Дюмезиль, – было основано на полном и прочном различии, таком, однако, что наличие одного члена требовало присутствия другого"; их взаимосвязь отражала тот тип отношений, "который не допускает того, чтобы один из членов парных понятий, поддерживаемых этой оппозицией, мог раствориться в другом" [19. С. 40]. И далее: "Оба бога вместе с представляемыми ими понятиями и действиями равно необходимы

для жизни человека и космоса" [19. С. 42]. Данные характеристики фундаментальной взаимосвязи Митры и Варуны во многом применимы к паре Перун – Велес/Волос.

Верность хода наших рассуждений, считаем, подтверждается и следующим фактом, в историографии, как то следует из приведенного выше обзора научной литературы относительно идола Велеса, сомнений не вызывавшем. Согласно одному из древнейших дошедших списков Жития Владимира (список 1494 г.), возвратившийся из Корсуни великий князь "в Киевъ вшед, повелѣ испроврещи и избѣ кумиры, овы исьсъщи, а иныя ижжещи, а Волоса идола, его же именоваху скотѣя бога, велѣ в Почаину реку вѣрещи"; далее следует рассказ о ниспровержении киевского кумира Перуна, кратко передающий соответствующее повествование ПВЛ [20] (см. также [21; 22]).

Выше мы говорили, что центральным в обрядово-магических "проводах – похоронах" киевского идола славянского громовика, а вместе с ним и самого данного бога, являлся перевод его с земли, суши – из пространства жизни в реку, воду – в пространство смерти, на "тот" свет. Эта и ряд иных сложных многоуровневых "проводных" акций, согласно "Повести временных лет", были применены только к нему; все другие кумиры Владимирова пантеона и, надо думать, Киева вообще по приказу великого князя были просто низвергнуты, иссечены и сожжены. Данное обстоятельство дополнительно указывало как на верховное положение Перуна в пантеоне, так и на его особую роль общегосударственного "бога богов" в период языческого реформирования Владимира. Во многом аналогичные "проводные" действия были проделаны с новгородским Перуном, чей кумир в начале княжения Владимира был поставлен в "северной столице" руками Добрыни (подробнее см. [2]).

Как свидетельствует Житие Владимира, имевшийся в Киеве идол Волоса также не был "просто" уничтожен, подобно иным. Он был "изгнан – похоронен" через перевод из пространства жизни на "тот" свет, в воду (и не исключено, что "проводные" манипуляции с ним тоже носили достаточно сложный характер). Понять эту ситуацию, как и ситуацию невключения Велеса/Волоса в киевский пантеон, можно, считаем, только через обосновываемый тезис о равновеликости и равноценности языческих богов Перуна и Велеса/Волоса в структуре восточнославянской мифологии. "Проводы – похороны" Волоса, так же, как и в ситуации с Перуном, по всей видимости, должны были до известной степени расчистить идеологическую почву для принятия новой религии, христианства жителями столицы Древней Руси, еще язычниками, подготовить их вскоре за тем последовавшее крещение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1.
2. Васильев М.А. Великий князь Владимир Святославич: от языческой реформы к крещению Руси // Славяноведение. 1994. № 2.
3. Толстой Н.И., Усачева В.В. Волосы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.
- 3а. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. Гл. III.
4. Иванов Вяс.Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
5. Васильев М.А. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. Ежегодник, 1987. М., 1989.
6. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1982. С. 376.
7. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1992. Вып. 19. С. 131–134.
8. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
9. Корш Ф.Е. Владимировы боги. Исторический очерк. Харьков, 1908. С. 2.
10. Аничков Е.В. Язычество древней Руси. СПб., 1914. С. 313.
11. Греков Б.Д. Киевская Русь. Л., 1953. С. 387.
12. Закревский Н. Описание Киева. М., 1868. Т. 1. С. 217.

13. Волошина Т.А., Астапов С.Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996. С. 141–142.
14. Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. Л., 1988. С. 15.
15. Новосельцев А.П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 109.
16. Кузьмин А.Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 12.
17. Карпов А. Владимир Святой. М., 1997. С. 112.
18. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1992. Т. 2. С. 450.
19. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
20. Срезневский В.И. Память и похвала князю Владимиру и его житие по сп. 1494 г. // Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1897. Т. I. № 6. С. 10.
21. Срезневский В.И. Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX-го века. СПб., 1893. С. 107 (= Приложение к LXXII тому "Записок импер. Академии наук", № 5).
22. Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1963. Вып. 37. С. 68.

© 1999 г. К.Т. МЕДВЕДЕВА

ВЕНСКИЙ МИР И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СОСЛОВНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ 1608 ГОДА

В начале XVII в. в странах Центральной Европы, входивших в состав владений Габсбургов, на базе централизации начинает формироваться абсолютизм. Неотъемлемой частью этого длительного, сложного процесса оставалось противостояние центральной власти и сословий. Противоречия возникали из-за религиозной, финансовой, централизаторской и национальной политики Габсбургов, ущемлявшей сословия в их древних свободах и привилегиях. Подобная политика правящей династии встречала активное сопротивление сословий Австрии, Чехии, Венгрии и входивших в них земель: от парламентской борьбы до открытых вооруженных выступлений. В XVI в. мирное противостояние Габсбургам было более характерно для Венгрии – постоянные войны с турками не оставляли венграм сил для открытого неповиновения центральной власти. Кроме того, венгерское общество видело в Габсбургах защитников от турок. Поэтому, если возникали трения, венгерские сословия в этот период ограничивались составлением жалоб и петиций, адресованных королям. Австрийские и чешские сословия, не удовлетворенные итогами переговоров с Габсбургами, не раз в течение XVI в. поднимали восстания. Так, в 1522 г. произошло одно из крупнейших сословных восстаний в Австрии, а в 1546–1547 гг. – в Чехии. Однако, несмотря на наличие общих интересов, сословия этих стран в XVI в. действовали порознь, и лишь в начале XVII в. под влиянием обстоятельств, о которых будет сказано ниже, среди них распространяются идеи о возможности совместной борьбы против центральной власти за сохранение своих прав.

Эти идеи были воплощены: в 1608 г. создается австро-венгеро-моравская Конфедерация сословий. Присуществовал сословный союз с некоторыми изменениями в составе недолго – всего 12 лет (с 1608–1620 гг.)¹. Однако значение Конфедерации в истории стран "Дунайской монархии" [1] велико. Деятельность Конфедерации на некоторое время приостановила централизаторскую и контрреформационную политику Вены и способствовала сохранению национальной самобытности Чехии и Венгрии. Кроме того, сословный союз положил начало сближению земель, входивших в состав центральноевропейских владений Габсбургов, что до некоторой степени определило непредвиденно долгое существование этого политического объединения. Но что касается самой Конфедерации, то ее судьба оказалась предрешена заранее: союз достаточно быстро распался, что было вполне закономерно. Одну из важных причин этого, на мой взгляд, следует искать в истоках Конфедерации – в отсутствии

Медведева Каталин Татьяна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ В Конфедерации 1608 г. принимали участие сословия Австрии, Венгрии и маркграфства Моравии – составной части королевства Чехии. Собственно чешские сословия присоединились к союзу в 1618–1620 гг.

единой концепции сосуществования у идеологов Конфедерации, в разобщенности союзников. Это прослеживается по текстам документов, ставших базой для сословного союза. В первую очередь в этой связи следует обратить внимание на так называемый Венский мир и условия его создания, потому что собственно Венский мир положил начало сотрудничеству сословий Австрии, Венгрии и Моравии.

Инициатива создания Конфедерации принадлежала венгерским сословиям и именно события в Венгрии дали толчок для начала переговоров сословий стран, входящих в монархию Габсбургов. Меры императора Рудольфа II в Венгрии во время Пятнадцатилетней войны с Турцией (1591–1606) спровоцировали восстание под руководством венгерского магната Иштвана Бочкай (1604–1606). Рудольф II, вынужденный сражаться на два фронта, терпел поражения как от турок, так и от венгров. Однако идти на мирные переговоры со своими противниками император не хотел. Он надеялся на скорый перелом в ходе войны с турками и решил продолжать ее до победы. А вести переговоры о мире с мятежными подданными-протестантами император считал ниже своего достоинства, тем более, что в этом Рудольфа II поддерживали Папа и испанский король [2]. Но в 1606 г. приближенные императора, трезво оценивающие ситуацию, вынудили Рудольфа II начать переговоры с Бочкай. Результатом взаимного соглашения стал Венский мир.

Значение Венского мира было велико не только для Венгрии, но и для остальных земель монархии Габсбургов. Выполняя основное условие Венского мира, Рудольф II сразу же начал переговоры о заключении мирного соглашения с Османской империей (Житватороцкий мир был подписан в ноябре 1606 г.). В результате на территории Венгрии временно затихли кровопролитные турецкие войны. Венский мир также способствовал сохранению и расширению венгерских религиозных и сословных свобод и определил концепцию политического развития государства на ближайший век. А сословия Чешского королевства и Австрии увидели в этом договоре шанс получить для себя подобные свободы в ближайшем будущем.

Процесс заключения Венского мира проходил очень сложно и затянулся почти на год. Переговоры начались еще в ноябре 1605 г., а завершились в августе 1606 г. Это было связано не только с тем, что Рудольф II и Бочкай не могли договориться по многим вопросам, но и с тем, что сами мятежные венгры долгое время не могли выработать единой позиции при ведении переговоров. Венский мир стал компромиссом не только между венгерскими сословиями и императором, но и между самими венграми – и в этом была уязвимость соглашения. Желание Рудольфа II не подписывать с восставшими венгерскими сословиями мир было поддержано частью самих венгров. Продолжения войны с императором требовали сословия парциума и комитатов (областей), расположенных к востоку от Тиссы, которые не хотели возвращения Королевской Венгрии Рудольфу II. Так же воинственно были настроены и воевавшие на стороне Бочкай хайдуки, но не по политическим соображениям, а потому, что война и грабежи были для них единственным источником существования. Казнями и пожалованиями Бочкай удалось добиться повиновения недовольных. Но в ходе переговоров противоречия в стане венгров вспыхивали еще не раз: Бочкай упрекали в излишней уступчивости императору [3].

Однако основные споры по содержанию текста мирного договора и о будущем Венгрии развернулись между двумя главными идеологами венгерских сословий – И. Бочкай, избранном к тому времени князем Трансильвании и Венгрии, и Иштваном Иллешхази, будущим надором Венгерского королевства. Именно в их спорах родилась новая политическая концепция развития Венгрии, которая в основных чертах была занесена в текст Венского мирного соглашения. Иллешхази был сторонником очень популярной в Венгрии идеи воссоединения Королевской Венгрии и Трансильвании. Она появилась еще в XVI в., но и в начале XVII в. ее разделяла большая часть политической элиты. Сторонники этой идеи видели в объединении Венгрии и Трансильвании возможность защититься от турецкой агрессии и шанс успешно противостоять Габсбургам [4. 377, 383 old.].

Бочкаи выдвинул абсолютно новую конструкцию взаимоотношений Венгрии и Трансильвании. Он считал, что пока Венгрия находится в "руках более сильной нации, т.е. немцев ... необходимо и полезно сохранить в Трансильвании венгерское княжество, так как это им (венграм – М.К.) будет во благо и спасение" [4. 378, 383 old.]. Когда же Венгрия попадет в руки венгерского короля, Трансильвания воссоединится с королевством. А до тех пор Венгрия и Трансильвания должны быть союзниками. Только такой путь, по мнению Бочкаи, мог спасти Венгрию от потери национальной самобытности. Поэтому для Бочкаи было очень важно внести в текст Венского мирного договора пункт о сохранении Трансильванией своего статуса и после его смерти. Полгода потребовалось Бочкаи для того, чтобы убедить венгерское Государственное собрание принять именно его план. Так в третьем варианте текста мирного соглашения появились параграфы об обособленном положении Трансильванского княжества [4. 383 old.]. Однако широкое признание концепция Бочкаи получила в Венгрии лишь к началу 20-х годов XVII в.

Второй проблемой, вызвавшей разногласия между Бочкаи и Иллешази, стал вопрос о хайдуках. В XVI в. и начале XVII в. официальная позиция в отношении хайдуков была крайне отрицательной. Венгерские Государственные собрания принимали законы против хайдуков. Они рассматривались властями как беглые крестьяне и бандиты. Вводился запрет на покровительство хайдукам и укрывательство их. Позиция Бочкаи по отношению к хайдукам была абсолютно отличной: хайдуки составляли основу его войска, и он был многим им обязан. Он считал, что хайдуцкие войска могут принести Венгрии большую пользу. Поэтому тем хайдукам, которые воевали на его стороне против Рудольфа II, Бочкаи пожаловал коллективное дворянство и создал для них особые привилегированные поселения [4. 384 old.]. Как и в случае с определением статуса Трансильвании, победила точка зрения Бочкаи, хотя его поддерживали немногие. Однако спустя некоторое время преемники Бочкаи на трансильванском престоле (особенно князя Габор Бетлен и Дьердь I Ракоци) признали его правоту и продолжили его политику в отношении хайдуков. Таким образом, несмотря на то, что проекты Бочкаи (о положении Трансильвании, об анаблировании и пожалованиях хайдукам и т.д.) были приняты за основу при составлении венграми условий Венского мира, довольно большая часть венгерского общества не была с ними согласна. Отсутствие единого мнения среди венгров относительно условий Венского договора ослабляло сам мир и делало его незащищенным перед лицом Рудольфа II.

Габсбурги, знавшие о разногласиях среди венгерских сословий, пытались использовать это в своих целях: они затягивали переговоры, отзывали послов, меняли условия текста договора. К прекращению переговоров с венгерскими сословиями Рудольфа II подталкивали папа и испанский король. Папский нунций в Праге угрожал императору, что в случае подписания мира с венграми на условиях Бочкаи он уедет навсегда из Праги. Папа и Филипп II требовали продолжения войны с Бочкаи и обещали Рудольфу II прислать деньги на ее ведение и войско [5]. Однако помощь так и не поступила, и эрцгерцог Матиас по поручению императора приступил к обсуждению окончательного текста мирного соглашения.

В сентябре 1606 г. Венский мир был все-таки подписан и ратифицирован обеими сторонами. Заключение Венского мира стало важным событием для всех земель государства Габсбургов. При его подписании присутствовали представители сословий Чешского королевства и Австрии, хотя их этот мир не касался непосредственно. Карл Лихтенштейн, Эрнст Молард, Зигфрид Прайнер – активные участники будущей сословной Конфедерации – входили в состав делегации эрцгерцога Матиаса. Вероятно, в Венском мире их заинтересовали те статьи, в которых затрагивались актуальные и для них проблемы.

Венский мир состоит из 20 основных статей [6]. Документ написан параллельно на венгерском и латинском языках. Все его статьи можно условно разделить на три части. Первая касается исключительно дел Венгрии и носит частный характер

(например, разрешение частных споров между магнатами). Вторая часть более общая, она затрагивает проблемы, интересующие сословия всех частей "Дунайской монархии" (религиозные и сословные свободы). Третья относится непосредственно к Бочкаи, его статусу, доходам и положению его будущих детей – наследников.

Обратимся к наиболее важным и интересным для нас статьям. Важнейшим требованием венгерских сословий во время их противостояния Габсбургам было предоставление религиозной свободы для протестантов. Именно это требование нашло отражение в первой статье Венского мира. Согласно этой статье, религиозная свобода предоставлялась магнатам, дворянам, свободным королевским городам. Казалось бы, венгерские сословия добились того, к чему так долго стремились. Однако та же первая статья содержала одну очень важную оговорку: предоставленная сословиям религиозная свобода не должна идти в ущерб католичеству. Она оставляла за католиками право оспаривать любые действия протестантов, как оскорбляющие католицизм. Этот пункт с самого начала вызывал большую настороженность у протестантов: они боялись, что эта оговорка повлечет за собой их преследование католиками. Поэтому несколькими днями позже эрцгерцогу Матиасу пришлось выступить с заявлением о том, что первая статья Венского мира не направлена против протестантов [7. Р. 773]. Но, как показало время, опасения венгерских протестантов были оправданы: в 20–40-е годы XVII в. этот пункт первой статьи Венского мира успешно использовался Габсбургами для проведения контрреформационных мер. Кроме того, имущество католической церкви в Венгрии сохранялось в неприкосновенности, и ни одно из ее прав не было изменено и отменено. Наконец, в стране оставались иезуиты (их изгнания долгое время добивались протестанты), им лишь запрещалось приобретать в Венгрии недвижимость.

Таким образом, могущество и доминирующая роль католической церкви в Венгрии не были подорваны Венским миром. А оговорка о нанесении ущерба католичеству вообще ставила под сомнение свободу вероисповедания. Однако даже то, чего смогли добиться в первой статье Венского мира венгерские сословия, было значительным шагом вперед.

Проблема свободы вероисповедания и места католической церкви была также актуальна для чешских и австрийских земель, где в это время активно проводилась контрреформация.

Следующий важный вопрос, разрешаемый Венским миром – возвращение к сословному самоуправлению, значительно пострадавшему в ходе централизаторской политики Габсбургов. Так, почти 50 лет в королевстве оставалась вакантной должность надора – главы сословий. Поэтому выборы надора были очень важны для венгерских сословий. В Венском мире декларировалось, что надора изберут на ближайшем Государственном собрании [6. Р. 962. № 3]. Выборы состоялись, однако это произошло несколько позже – в ноябре 1608 г. Надором стал уже упоминавшийся И. Иллешпази.

Похожая ситуация сложилась в Чешском королевстве. И там попирались политические свободы сословий, в первую очередь их право участвовать в управлении государством. Поэтому не случайно в программе преобразований чешских сословий, в так называемых "двадцати пяти пунктах", предъявленных Рудольфу II в мае 1608 г., на одном из первых мест стояло требование замещения должности бургграфа – она являлась вакантной 12 лет [7. Р. 775]. Таким образом, третья статья венского мира была очень близка Чехии.

Интересы сословий соседних земель совпадали и по вопросу о представителе короля в стране. Рудольф II, постоянно проживавший в Праге, очень редко приезжал в Венгрию и Австрию, дела этих стран были запущены. Поэтому Рудольф II передал ведение Венгрией и Австрией в руки эрцгерцога Матиаса. Но несмотря на это, Рудольф II постоянно вмешивался в управление этими землями. Он отменял распоряжения Матиаса, издавал противоречивые указы, и из-за этого никакие дела Венгрии и Австрии решить было почти невозможно. И венгерские, и австрийские

сословия были недовольны таким положением дел, в течение многих лет они безуспешно требовали от императора пересмотреть его позицию. Но лишь в Венском договоре эта проблема, наконец, была решена. Венский мир определил права и сферы влияния представителя короля в Венгрии и регламентировал взаимоотношения всех трех сторон: монарха, его представителя и сословий [6. Р. 968. № 3]. Австрийские сословия увидели в тексте Венского договора свой шанс на урегулирование проблемы управления в будущем.

Таким образом, Венский мир предоставил сословиям Венгрии то, чего они добивались: религиозные и сословные свободы (пусть даже в ограниченном виде), упорядочение государственного управления, участие в нем венгерских сословий, немедленные переговоры с Османской империей о прекращении войны. Сословия Чешского королевства (а именно: Чехии, Моравии, Лужиц, Силезии), Австрии и Штирии, оценив всю важность Венского мира для Венгрии, "Дунайской монархии" в целом и для своих земель в частности, выступили его защитниками и гарантами перед лицом Рудольфа II. Это положило начало сотрудничеству сословий в пределах центральноевропейских владений Австрийских Габсбургов. После ратификации Венского мира между сословиями состоялись первые серьезные переговоры. В сентябре 1606 г. венгерские сословия подписали гарантии для сословий Чешского королевства, Нижней и Верхней Австрии и сословий, относящихся к Штирии по соблюдению Венского мира [6. Р. 793].

В этих грамотах говорилось о том, что венгерские сословия будут соблюдать "во всех частях... без нарушений ... соглашение, заключенное с Его Величеством" [6. Р. 793]. Это условие было очень важным для остальных сословий "Дунайской монархии", так как и Рудольф II, и сословия Австрии и Чешского королевства боялись, что Венгрия, противостоявшая Габсбургам, может перейти под патронат Турции. В этом случае государство могло быть вновь ввергнуто в длительные войны, потому что между Османской империей, с одной стороны, и Австрией и Чехией, с другой стороны, исчезал буфер, роль которого долгое время играла Венгрия. Следовательно, в случае перехода венгров под власть Высокой Порты на пути турок для завоевания Габсбургских земель уже не будет никаких преград. Венгры также клялись "соблюдать доброе соседство и взаимную любовь ... на вечные времена" с сословиями соседних королевств и провинций [6. Р. 793]. Эти гарантии были шагом для налаживания отношений в первую очередь с сословиями земель Чешской короны, так как в годы восстания Бочкай хайдуки не раз совершали разбойные набеги на Чешское королевство [8]. Бочкай не имел возможности во время войны с Рудольфом II полностью обеспечивать своих хайдуков продуктами питания и фуражом. Венгерские земли были разорены в ходе многолетних войн с турками и императором, поэтому хайдуки добывали все необходимое для себя в богатых чешских землях. А это, в свою очередь, не способствовало установлению дружеских отношений между чешскими и венгерскими сословиями. Сам же Бочкай как предводитель хайдуков пользовался особой нелюбовью среди чехов.

Несколькими днями позже – 26 сентября 1606 г. – подобные гарантии для венгров подписали сословия земель Чешского королевства [6. Р. 795]. Документ, направленный венгерскому Государственному собранию и австрийским ландтагам, отдельно подписали сословия Чехии, Силезии, Моравии и Лужиц. В этой связи стоит сказать несколько слов о структуре земель Чешской короны. В состав Чешского королевства входили собственно Чехия, Моравия, Силезия, Нижние и Верхние Лужицы. Доминирующее положение в королевстве занимали чешские земли, хотя официально все земли были равны между собой. Земли Чешской короны на своих ландтагах могли определять собственную позицию по важнейшим вопросам внутренней политики государства (например, выборы короля). Они могли самостоятельно строить свои отношения с центральной властью. Так, в 1579 г. Моравия и Рудольф II заключили земельный договор, согласно которому сословия маркграфства в случае нарушения королем конституции имели право на сопротивление монарху [9]. В остальных частях

Чешского королевства этот договор не имел силы. В истории Чешского королевства бывали случаи, когда сословия земель занимали абсолютно различные позиции по отношению к центральной власти. И события 1606–1608 гг. служат тому ярким примером.

В гарантиях, подписанных сословиями земель Чешской короны, говорилось о том, что они будут сохранять Венский мир по всем его статьям и не оскорблять венгров как соседей. Однако уже в этот момент определилась позиция чешских сословий: они давали гарантии венграм, только получив на то согласие Рудольфа II. Они шли на союз с сословиями других земель "Дунайской монархии", но тем не менее не отказывались от поддержки Рудольфа II и не переходили во враждебный ему лагерь.

Отдельно следует отметить гарантии, данные чешскими сословиями персонально князю Бочкаи [б. Р. 795]. Этот факт является знаменательным: чешские сословия никогда не признавали и не поддерживали Бочкаи и отказывались лично с ним вступать в переговоры, предпочитая обращаться к венгерским сословиям вообще. Но, видимо, желание заключить и сохранить Венский мир для чешских сословий значило очень многое, если они пошли на предоставление гарантий Бочкаи.

Таким образом, в конце 1606 г. сословия всех земель Габсбургской монархии участвовали в переговорах и в заключении союза по охране Венского мира.

Смерть Бочкаи прервала начавшиеся переговоры между сословиями. Лишь через год, в декабре 1607 г., они возобновились. Кроме того, в них появился новый участник – эрцгерцог Матиас. Для эрцгерцога 1606 г. стал своего рода Рубиконом: сделанный им выбор – союз с сословиями монархии, направленный против Рудольфа II, – заметно повлиял на ход развития государства. Заключение Венского мира, во многом благодаря стараниям Матиаса, смерть Бочкаи, восстание хайдуков явились началом ряда событий, приведших к так называемому "противостоянию братьев", которое закончилось отстранением Рудольфа II от власти и воцарением Матиаса.

Эрцгерцог Матиас – третий сын императора Максимилиана II – согласно завещанию своего отца не получал во владение никаких территорий. Честолюбие и стремление к власти толкали его на различные политические авантюры (наместничество в Нидерландах, борьба за польскую корону), пока, наконец, в 1595 г. он не получил от Рудольфа II в ведение дела Австрии и Венгрии. Умный и энергичный Матиас довольно быстро завоевал симпатии австрийских сословий. Его успешные действия в Нижней Австрии при подавлении крестьянского восстания 1595–1597 гг. принесли эрцгерцогу огромную популярность среди дворянства и городов. Относительная религиозная толерантность Матиаса обеспечила ему поддержку протестантских сословий Австрии. Таким образом, за несколько лет правления эрцгерцога в Нижней и Верхней Австрии он смог создать свою партию, содействие которой ему помогло в борьбе с Рудольфом II.

Эрцгерцогу удалось найти себе союзников даже среди венгерских сословий. Крупнейшие магнаты задунайских комитатов, недовольные возвышением Бочкаи и его притязаниями на венгерскую корону, поддержали эрцгерцога. Активное участие Матиаса в заключении Венского мира, отстаивание интересов венгерских сословий перед Рудольфом II прибавили эрцгерцогу союзников среди венгров. Поэтому уже в 1606 г. два крупнейших венгерских магната – И. Иллешхази и Д. Турцо – вели переговоры с эрцгерцогом о возможности его избрания венгерским королем [11].

Осознав свою силу и заметив возрастающую неспособность Рудольфа II управлять государством, эрцгерцог Матиас стал добиваться венгерской и чешской корон, а также признания его власти в австрийских землях. Сначала Матиас пытался претендовать на власть легитимным путем: 21 марта 1606 г. он заключил с эрцгерцогами договор, согласно которому его выбирали главой семьи Габсбургов вместо Рудольфа II. Кроме того, эрцгерцоги предлагали потребовать от императора отречения от престола в пользу Матиаса и рекомендовали чешскому Сейму и венгерскому Государственному собранию на ближайших заседаниях решить вопрос об избрании Матиаса своим королем.

Однако вскоре эрцгерцоги испугались последствий своего открытого выступления против Рудольфа II и отреклись от Матиаса. Эрцгерцог Матиас, потерпев неудачу в своей относительно легитимной попытке получить власть, стал искать иной путь к престолу. Общность интересов Матиаса и сословий, недовольных политикой Рудольфа II, послужила причиной их сближения.

Возобновившиеся в конце 1607 г. переговоры между сословиями Чешского королевства, Австрии и Венгрии в первую очередь затрагивали проблему выполнения императором условий Венского мира. Рудольф II нарушил их почти сразу, поставив под вопрос сохранение мира в стране: он объявил все пожалования хайдукам, сделанные Бочкаи, недействительными. Это немедленно вызвало восстание хайдуков. Хайдуки не только начали военные действия против императора, но и объявили об избрании венгерского национального короля, что, в свою очередь являлось нарушением условий Венского мира (по Венскому миру венгерские сословия признавали Рудольфа II своим единственным законным королем). Кроме того, хайдуки возобновили свои грабительские набеги на чешские земли. Мир, достигнутый в стране с таким трудом, оказался под угрозой. В этих условиях эрцгерцог Матиас решил действовать независимо от Рудольфа II. Он созвал венгерское Государственное собрание в Пожони, назначив его открытие на 11 января 1608 г., для чего пригласил в конце декабря 1607 г. представителей австрийских сословий в Вену. Последние должны были определить свое отношение к событиям, происходящим в Венгрии; решить, кого из братьев – Рудольфа или Матиаса – они поддерживают. Сословия Нижней и Верхней Австрии произвели предварительные консультации "о всеобщем благополучии" и решили, что "нельзя сделать ничего лучше, кроме как поехать в Пожонь" для переговоров с венгерскими сословиями [7. Р. 786–787]. Во время этих переговоров австрийские сословия подписали грамоту верности эрцгерцогу Матиасу в том, что в будущем станут помогать ему против его врагов. Вожди верхнеавстрийских сословий – Рихард Чернембл, Вольф Вильгельм фон Фолькеншторф, Зигмунд Людвиг фон Полхайм и другие – вместе с Матиасом отправились в Пожонь. В венгерских и австрийских архивах сохранилась обширная переписка между австрийскими и венгерскими сословиями, на основании которых мы можем воссоздать ход этих трудных переговоров.

После совместных заседаний венгерских и верхнеавстрийских сословий в январе 1608 г. был заключен договор о создании в ближайшем будущем союза между сословиями. Свое желание заключить Конфедерацию с венгерскими сословиями австрийцы объясняли тем, что нарушение условий Венского мира грозит всеобщими бедами: "Бросив Королевство Венгрию, соседняя Австрия окажется ввергнутой в многочисленные, тяжелейшие войны" [7. Р. 787]. "Ради общей свободы" австрийские сословия клялись соблюдать и защищать Венский мир. Можно предположить, что фраза "ради общей свободы" может заключать в себе двоякий смысл: с одной стороны, это свобода от турок, с другой – сословные свободы.

Рудольф II, узнав о начавшихся переговорах, еще жестче повел свою антисословную политику в Австрии и Венгрии: опять отложил выборы надора в Венгрии, произвел замены среди высшего клира, назначив на ключевые епископские должности своих сторонников, все государственные деятели, поддерживавшие Матиаса, были смещены со своих должностей. Последней каплей, переполнившей чашу терпения сословий, стали попытки короля возобновить войну с Турцией. Результатом необдуманных действий Рудольфа II явилось юридическое оформление Конфедерации венгерских, австрийских и моравских сословий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Szűcs J. Vázlat Europa 3 történeti végőjáról. Budapest, 1983. 108–109 old.
2. Angyal Z. Rudolf II. ungarische Regierung. Budapest, 1916. S. 112.
3. Az Austria követet jelentése. ELTE. Heveneri gyűlt. T. 55. 3049/h.
4. Homan B., Székfű G. Magyar történet (reprint). Maecenas; Budapest, 1900. T. 3.
5. Lencz G. Der Aufstand Bocskays u. der Wiener Friede. Debrecen, 1917. S. 43.
6. Corpus Juris Hungarici, Magyar Törvenytár 1000–1895. XX. köt. (1526–1608). Budapest, 1899.
7. Katona St. Historia Critica Regnum Hungariae, tomus IX, ordine XXVIII. Budae, 1794.
8. Bénda K. Absolutismus und die ständischer Widerstand in Ungarn am Anfang des 17. Jh. München, 1974. 98 old.
9. Huber A. Geschichte Österreich. Praga; Wien, 1895. S. 498.
10. Stiv F. Abhandlungen, Vorträge und Reden. Leipzig, 1900. S. 113; Novak B. Rudolf II a jeho pad. Praga, 1935.
11. A félső – magyarorsági réndek 1607. Februar 11–12 – i Kassai részgyűlese. MOE. XII. 755. 1.

© 1999 г. *Б. ЛОМАДЖИСТРО*

ПОНЯТИЯ "ЯЗЫКА" И "ПРАВОВЕРИЯ" В ПОНИМАНИИ МАТФЕЯ КАРАМАНА

В истории так называемой "глаголической литературы" имя Матфея Карамана, епископа Задарского [1], упоминается по двум причинам: во-первых, в связи с его деятельностью, направленной на признание и защиту глаголического духовенства Иллирии, и, во-вторых, в силу его новой редакции иллирического Требника, так называемого *Missale Romanum*.

В 1737 г. Священной Конгрегацией за Евангелизацию народов – Пропагандой Фиде – Караману было поручено исправить некоторые неточности Требника, изданного Рафаилем Леваковичем в 1631 г., и, кроме того, дополнить его переводами литургических служб, посвящённых новым святым Римско-католической церкви. Через четыре года, в 1741 г., вышло в свет новое издание, но оно, к сожалению, не получило положительной оценки ни у современников, ни у ученых-славистов поздних времён. Лишь недавно некоторые исследователи начали подходить к этой проблеме с новой, более объективной позиции.

Карамана обвиняли прежде всего в том, что будто в издании епископа Задарского, не знавшего церковно-славянского языка, русификация достигла наивысшего уровня. Такое обвинение было выдвинуто в адрес Карамана сразу же после публикации Требника его соотечественником Стефаном Ружичем (об острой полемике между ними см.: [2]). Ружич утверждал, что Караман изменил язык Требника так, что многие понятия стали еретическими. На самом же деле такие суждения не имели никакого основания, более того – они были обусловлены желанием оппонентов Карамана превратить разговорный, в частности, хорватский язык в священный язык, т.е. язык Библии. Тем не менее, такое обвинение, с одной стороны, дискредитировало деятельность Карамана среди его современников, а с другой – по всей вероятности, подготовило почву для формирования отрицательного мнения, согласно которому чрезмерное употребление восточно-славянских элементов в языке Требника предопределило окончательный упадок глаголической литературы.

Такое мнение, высказанное Ягичем [3. S. 50–51], стало общепринятым и осталось таким до наших дней¹. Так, слависты, как правило, считают, что издатели богослужебных книг – Рафаиль Левакович, Иван Паштрич² и Матфей Караман, а также редакторы Пропананды Фиде из числа рутенов-униатов, несут ответствен-

Ломаджистро Барбара – ассистент кафедры славянских языков и литератур Университета г. Урбино (Италия).

¹ Исторический анализ исследований, посвящённых вышеуказанной проблеме, см.: [2].

² О жизни и деятельности Рафаиля Леваковича и Ивана Паштрича см.: [3. S. 47–50], специально об издательской работе Паштрича см.: [4].

ность за изменения в хорватской редакции вышеуказанных книг³. Судя по языковым особенностям этих изданий, критики причину их "русификации" видели в незнании редакторами церковно-славянского языка.

В современных трудах, в частности, в исследованиях Ванды Бабиц, посвящённых языковому анализу богослужебных глаголических книг, изданных в XVII–XVIII в., понятие "русификация" заменяется более обширным понятием "восточная славянизация" [7]. Следует отметить, что до этого некоторые слависты предполагали, что ответственность за эти изменения несли редакторы-рутены [8]. В современных исследованиях понятие "рутензация", т.е. "восточная славянизация" употребляется чаще, нежели "русификация". Речь идёт о признании важной роли рутенских униатов в "экуменической" политике Пропаганды Фиде. Иначе говоря, мотивы филологического выбора издателей-глаголитов объясняются политическими причинами, а не некомпетентностью редакторов, как это предполагалось ранее.

К сожалению, до последнего времени теоретическим трудам вышеуказанных деятелей не уделялось должного внимания. Об этом свидетельствует то, что их труды, находящиеся в различных европейских архивах, до сих пор не изданы. Признавая их исключительную важность для более полного и объективного осмысления принципов редактирования глаголитов, мы попытались проанализировать один из этих трудов, хранящийся в архиве Пропаганды Фиде (Archivio della Congregazione Propaganda Fide. Fond Bosnia Miscellanea VII). Речь идёт об обширном докладе (592 листа), написанном Матфеем Караманом на итальянском языке и направленном Папе Римскому Бенедикту XIV с целью защититься от обвинений Стефана Ружича. Название доклада следующее: "Сущность славянского литературного языка и необходимость его сохранения в священных книгах. Размышления, представленные Святейшему нашему Его Преосвященству Папе Бенедикту XIV Матфеем Караманом, архиепископом Задарским, в ответ на критические замечания священника Стефана Ружича, по поводу славянского перевода Римского Требника, опубликованного в Риме в 1741 году", ("Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne' libri sacri. Considerazioni che si umiliano alla santità di nostro signore papa Benedetto XIV da Matteo Caraman, arcivescovo di Zara sopra l'annotazione del sacerdote Stefano Rosa in ordine alla versione slava del Messale Romano stampato in Roma l'anno 1741").

Доклад состоит из двух частей: в первой рассматривается сущность церковно-славянского языка, определяется его своеобразие; во второй части опровергаются критические замечания Ружича. В результате анализа вышеуказанного доклада мы пришли к следующим выводам: 1) Караман имел чёткое представление о языке, предназначенном для употребления в священных книгах; 2) позиция Карамана вписывается в чётко определённое богословием понятие "священность языка", выработанное христианской культурой в течение веков; 3) существенную роль в признании священности языка в богословии играет церковная традиция, которая, в свою очередь, диктует строгие правила каждому редактору-переводчику священных книг. Поэтому Караман не мог предпринимать действия, которые бы не соответствовали традиции церкви, а в его эпоху традиция способствовала той нормативности церковно-славянского языка, которая была кодифицирована в грамматике Мелетия Смотрицкого [9].

³ В миссионерской политике Пропаганды Фиде балканские православные народы занимали особое место. С целью их сближения с Католической церковью, Пропагандой была выработана целая программа опубликования богослужебных и разных душеполезных книг, в которой выбор языка имел особую значимость. В частности, согласно решениям Тридентского Собора (1545–1563), в богослужебных книгах должен был быть сохранён церковно-славянский язык, известный в балканской среде как "иллирийский". Литературная редакция вышеуказанных книг была поручена образованным представителям иллирийского духовенства, употреблявшего глаголицу в священных книгах; в нашем изложении их и будем условно называть "глаголическими". Дальнейший контроль изданных Пропагандой богослужебных книг был поручен украинским священникам униатам, обозначаемым в латинских исторических источниках той эпохи термином "tuteni"; ниже и мы будем называть их "рутенами". Латинский термин "Rutenia" обозначал территорию, охватывающую современную Украину и Белоруссию, хотя сами рутены употребляли термин "Русь", а русские – "Юго-Западная Русь" (см.: [5; 6]).

Вышеуказанный доклад Карамана, а также другие его труды позволяют определить функции, придаваемые епископом Задарским священному языку и глаголической литературе, и увязать их со "священной филологией", принявшей системную форму в учениях отцов церкви. Развитие "священной филологии" в славянской среде также тесно связано с учением отцов церкви. Тем не менее, этот феномен не всегда оценивался правильно. В частности, многие недоразумения возникали в связи с проблемой языка глаголитов, который часто неправильно идентифицировали с разговорным хорватским языком. Следует отметить и то, что Пропаганда Фиде считала язык глаголитов всеобще-славянско-православным языком и, следовательно, наилучшим для сближения всего православного славянства. Тем не менее, исследователи славянской культуры не очень чётко выражали своё мнение по этой проблеме, в частности, не указывали, в чём заключалась специфика этого "всеобщего языка".

Кроме того, в современном славяноведении не очень чётко определяется различие между "богослужебным" и "священным" языками: первый – это язык, на котором проводится богослужение, а второй – язык Библии [10]. Несмотря на то, что Й. Танदारич в своё время косвенно указал на такое различие [11], его замечанию не было уделено должного внимания. Этот методологический недостаток особенно наглядно прослеживается при анализе деятельности глаголитов Пропаганды Фиде.

Со своей стороны, на основе анализа неопубликованных трудов Карамана мы можем заключить, что, вопреки старым предрассудкам и новым националистическим тенденциям, епископ Задарский глубоко понимал сущность священного языка и, не будучи филологом в современном понимании этого термина, адекватно оценивал различные языковые явления: священный язык, т.е. иллирийский литературный язык (*lingua litterale illirica*) и разговорный иллирийский (*illirica parlante*).

В первой части доклада Караман пытался доказать, что священный литературный язык это нормативный язык, основанный на критериях, которые должны соответствовать священным таинствам. Речь идёт не о нормативном языке светской литературы или языке богослужебных проповедей (в этих случаях Караман без всякого сомнения считал целесообразным употребление разговорного языка), а о языке, который базируется на принципах древнехристианского учения о священном языке.

Во второй части доклада Караман объяснял мотивы конкретного языкового выбора, сделанного в его издании Требника. По сравнению с первой частью здесь более очевидно его стремление, с одной стороны, остаться верным традиции, считая священный язык неизменным а, с другой – показать, как вышеуказанная традиция идентифицировалась с нормализацией церковно-славянского языка, происшедшей в "Рутении", т.е. на Украине и в Белоруссии.

Древнехристианское учение о священном языке, опираясь на идею, высказанную в Евангелии от Матфея – "доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдёт из закона" (Мф. 5 : 18) утверждало неизменность священного языка. Евангелист, таким образом, ставил его вне времени. Исходя из этого, такой язык не только не должен был смешиваться с литературным языком, но, более того, его употреблением в богослужении должна была гарантироваться его стойкая неизменность. В свете этой концепции Караман считал язык Требника основополагающим условием осуществления кирилло-мефодиевской утопии об одной моноязычной церкви для всех славянских народов.

Как известно, формирование литературного славянского языка осуществлялось Кириллом и Мефодием с целью перевода Священного Писания. Необходимость иметь соответствующий язык для перевода священных книг на протяжении многих веков заботила славян. Известно также, что многие пуританские движения XIII–XIV и XVI–XVII вв. придерживались доктрины о сверхязыке, которая базировалась на семиотизации знака⁴.

⁴ В связи с концепцией о сверхязыке и следовательно, семиотизации знака см.: [12; 13. С. 186–190, 217–226].

Некоторые учёные считают, что тесная связь между филологией и церковью является спецификой восточно-славянской культуры, иначе говоря, православного славянства (*Slavia Orthodoxa*). По нашему мнению, эта связь характерна и для западного (*Slavia Romana*), в частности, глаголического славянства. Деятельность редакторов Пропagанды Фиде – от Кашича до Карамана – вписывается в концепцию, согласно которой грамматика является азом и ижицей всякого человеческого познания. Вследствие этого мы считаем необходимым проследить путь, по которому традиционное для патристике учение о связи между Логосом и грамматикой с помощью филологического движения рутенов XVI–XVII вв. дошло до глаголитов. Это движение старалось не только доказать священность славянского языка, но и его равенство с классическими языками, т.е. с греческим и латинским.

Глаголиты приняли эту теорию, поскольку они боялись – и не без основания, – что латинский язык вытеснит славянский в богослужении западного католического славянства. Стандартизация церковно-славянского языка, основные принципы которой сформулировал Мелетий Смотрицкий, ставила целью пересадить грамматические категории классических языков на славянскую почву [14]. Анализ доклада Карамана показывает, что он определял сущность славянского литературного языка в соответствии с этой теорией [15]. Но он шел ещё дальше, стараясь обосновать, что соотношение церковно-славянского и разговорного иллирийского языков аналогично соотношению латинского и итальянского языков, т.е. он исключал возможность того, что разговорный язык может стать языком Священного Писания.

Позиция Карамана объясняется не тем, что он неправильно оценивал значимость разговорного языка, как указывают многие слависты, а тем, что он не мог не учитывать решений Тридентского Собора о языке Священного Писания. Как отмечалось, в его эпоху господствовала точка зрения, согласно которой церковно-славянский язык был языком христианского культа и языком культуры. Из этого вытекает необходимость иметь орфографический и грамматический стандарт, определённый вышеуказанной доктриной о сверхязыке.

Металингвистическая доктрина Смотрицкого обозначала самую строгую и единообразную стандартизацию церковно-славянского языка. Эту же цель преследовали вышеуказанные издания, подготовленные глаголитами. Как правило, такая крайняя точка зрения считалась проявлением кризиса церковно-славянского языка, предшествовавшего канонизации разговорных языков. По нашему же мнению, подобная трактовка отрицательно повлияла на оценку последнего этапа "священной филологии". К тому же она не соответствовала реальности. Несмотря на то, что глаголизм, восстановленный Пропagандой Фиде в XVII в., считался могильщиком национальной традиции, на самом деле он происходил от кирилло-мефодиевской литературной традиции. Нормативное же вмешательство глаголитов Пропagанды Фиде основывалось именно на этой традиции, что неоднократно подчёркивал сам Караман. Это вмешательство не было искусственным, поскольку кризис лингвистической системы ощущался внутри самой системы. Иначе, говоря словами Б.А. Успенского, дело заключалось в "субъективном феномене". "Объективный же феномен" [13. С. 184] находился в своеобразном историческом контексте, в частности, в миссионерской деятельности Пропagанды Фиде через призму рутенской нормализации.

Вышеуказанные реформаторские движения имеют два основных параметра: с одной стороны, текстологический подход – так называемое *исправление книг*, унаследованное от второго южно-славянского влияния, а с другой – грамматическое направление, определённое Н.И. Толстым как "славяно-латинское" [16]. Это требовало кодификации правил и установления соответствующего лексического фонда. Соприкосновение этих двух традиций происходило в балканской среде, где две религиозные конфессии – православная и католическая – стремились к сближению и одновременно к противостоянию протестантизму.

В заключение отметим: анализ рукописи доклада Карамана свидетельствует о том, что епископ Задарский как всесторонне образованный, тонкий филолог был убеждён

в необходимости стандартизации церковно-славянского языка (не следует забывать, что отношение Карамана к Смотрицкому было обусловлено и тем, что Смотрицкий окончательно был принят в лоно католической церкви). Караман поддерживал основные принципы, изложенные в лингвистической дискуссии рутенов, что позже позволило ему обосновать необходимость сохранения священного языка в священных книгах. У южных славянских народов своеобразие этого языка заключалось в том, что тексты на нем записывались глаголицей, что а priori гарантировало их священность. По моему мнению, сознавая древность и единство понятия "священного языка", Караман предлагал принять не иностранную норму, а старался восстановить первоначальную. Путь к этой цели он видел в следовании достижениям рутенской "священной филологии".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Japundžić M.* Matteo Caraman (1700–1771), arcivescovo di Zara. Excerpta e dissertatione ad lauream, Roma 1961.
2. *Graciotti S.* Il problema della lingua letteraria croata e la polemica tra Karaman e Rosa // Ricerche slavistiche. 1965. № 13. P. 120–162.
3. *Jagić V.* Hrvatska glagolska književnost // *Vodnik B.* Povijest hrvatske književnosti, 1. Od humanizma do potkraj XVIII. stoljecva. Zagreb. 1913. S. 3–64.
4. *Golub I.* Rad Ivana Paštrića na izdavanju glagoljskih liturgijskih knjiga // Slovo. 1971. № 21. P. 377–387.
5. *Brogi Bercoff G.* Sentimento "nazionale" e coscienza "letteraria" nella cultura delle terre rutene // Europa Orientalis. 1984. № 3. P. 211–218.
6. *Pugh S.M.* The Ruthenian Language of Meletij Smotryc'kyj: Phonology // Harvard Ukrainian Studies. 9. 1985. P. 53–60.
7. *Babič V.* Vzhodnoslovanizacija hrvaških glagolskih liturgičnih knjig v 17. in 18. stoletju // Jezik in Slovstvo. 1996–97. № 42. št. 2–3, P. 55–72.
8. *Sgambati E.* Il ruolo dei ruteni nelle edizioni seicentesche dei libri liturgici glagolitico-croati // Barocco in Italia e nei paesi slavi del Sud, a cura di V. Branca e S. Graciotti. Firenze. 1993. P. 431–451.
9. *Смотрицкий М.* Грамматика Славенския правильное Синтагма. Евье. 1619.
10. *Lomagistro B.* La questione della lingua sacra nella cristianizzazione della Slavia. 1–2 // Studi sull'Oriente Cristiano. 2. 1998. P. 41–65; 3. 1998. P. 70–102.
11. *Tandarić J.* Staroslavenski jezik hrvatskih glagoljaša // Prilozi. Zbornik radova VIII. međunarodnog slavističkog kongresa: održanog u Zagrebu i Ljubljani 3–9.IX.1978. Zagreb. 1978. S. 115–124.
12. *Mathiesen R.* The Church slavonic language question: an overview (IX–XX centuries) // Aspects of the slavic language question, R. Picchio and H. Goldblatt ed. New Haven. 1984. P. 58.
13. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.) München. 1987.
14. *Frick D.* Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Language Question // Harvard Ukrainian Studies. 9. 1985. P. 25–52.
15. *Lomagistro B.* Lingua e ortodossia nel pensiero di Matteo Karaman // Contributi italiani al XII congresso internazionale degli slavisti (Cracovia 26 Agosto – 3 Settembre 1998). Napoli. 1998. P. 430 и сл.
16. *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М. 1963. С. 259–262.

© 1999 г. И.О. КАЗАКОВА

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОНОМАСТИКОЙ В ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ XVII–XVIII ВЕКОВ

В 1878 г. в Белграде вышел в свет изданный юристом и библиофилом В. Богишичем сборник "Народные песни из старых приморских записей" [1].

Главным отличием этой коллекции песен от классического собрания Вука Караджича и прочих изданных во второй половине XIX в. сборников фольклорных текстов была ее архаичность: ее источником послужили несколько рукописей XVII – начала XVIII в., содержащих старые песни (всего 130), среди которых наибольшую ценность представляют написанные пятнадцатистопным стихом "бугарштицы" (76 песен). Эта архаичная форма народной поэзии, в основном бытовавшая на ограниченной территории Адриатического побережья, полностью исчезла ко второй половине XVIII в. Сохранившиеся и опубликованные записи спасли от забвения "мертвые" песни, вернув их в общую сокровищницу славянского фольклора.

Сюжетная основа песен сборника – подлинная история народов сербохорватского лингвотерриториального ареала и соседних балканских народов, главным образом – борьба с иноземными завоевателями и взаимоотношения отдельных героев и целых этносов. Это делает их ценным источником сведений по национальной истории, этнографии, географии, а также по ономастике – связанной со всем этим комплексом гуманитарных наук лингвистической дисциплине.

Фольклорная ономастика как частный раздел ономастики достойна самого пристального и глубокого изучения. Обращаясь к подлинному и архаическому материалу, она дает ценные факты для языкознания – в частности, для изучения истории языка; в то же время она вносит весомый вклад в фольклористику, "расшифровывая" скрытую в именах речевую, энциклопедическую и языковую информацию, не всегда доступную при обычном прочтении фольклорного текста.

Интерес к фольклорным именам и в русской, и в югославской науке зарождается уже во второй половине XIX в. Характерно, что ранние работы по данной проблематике принадлежат не только филологам-языковедам, но также фольклористам, этнографам, археологам, историкам, искусствоведам (это обстоятельство отчасти объясняется междисциплинарным характером ономастики как науки). В России именам фольклорных персонажей посвящают свои статьи В.Ф. Миллер, А.И. Соболевский, А.В. Марков, Ф.И. Буслаев; географические названия в фольклоре исследуются М.Г. Халанским, А.Ф. Гильфердингом, П.Н. Милюковым. В Югославии в разные годы к фольклорному ономастическому материалу обращаются: В. Ягич, С. Новакович, И. Руварац, Н. Нодило, Т. Маретич, С. Банович, Д. Костич, С. Матич, М. Будимир, Р. Бошкович, Д. Берич, Н. Банашевич, М. Павлович, В. Михайлович и др.

Фольклорная ономастика (и ономастика в целом) оказывается вплетенной в ткань этнографических, исторических, мифологических и прочих изысканий, привлекаясь в качестве вспомогательного материала. Следствием такой маргинальной, второстепенной роли этой дисциплины и частого обращения к ее материалу нефилологов является, в частности, отсутствие специальных исследований и в эпоху становления науки (XIX в.), и в последние десятилетия – время расцвета ономастической науки в славянских странах. Так, в отечественной лингвистике едва ли не единственной монографией в этой области стало исследование Т.Н. Кондратьевой "Собственные имена в русском эпосе" (Казань, 1967), а в югославской лингвистике (несмотря на теоретическую разработанность ономастической тематики) монографий по фольклорной ономастике не появилось. Фольклорной оноимии в Югославии посвящены лишь единичные, рассредоточенные по лингвистическим и нелингвистическим изданиям статьи. Чаще всего они касаются отдельных ономастических единиц и содержат экстралингвистические данные об именуемом объекте – сводятся к попыткам установления реальных исторических прототипов персонажей (антропонимы) или соотнесения с реальными географическими объектами (топонимы): подобный подход, безусловно, также связан с установившейся в Югославии "традицией" утилитарного использования фактов ономастики представителями смежных наук. Югославскими лингвистами роль фольклорного текста как богатого источника ономастического материала до сих пор не вполне оценена. Насколько нам известно, сборник Богишича не является исключением в этом смысле – до настоящего времени он не стал объектом серьезных исследований, как того требует богатство и разнообразие его ономастического материала. Ономастикон приморских народных песен ждет серьезного монографического описания; настоящая статья может послужить скромным вкладом в дело его изучения и содержит изложение некоторых наблюдений над особенностями номинации отдельных объектов фольклорного ономастического пространства.

Некоторые особенности номинации микрообъектов в фольклорном тексте: приморская микротопонимия

С точки зрения содержания песни сборника делятся на две большие группы.

Первую, наиболее многочисленную, составляют песни "общенародного" характера, рассказывающие о событиях национальной истории. Предмет их повествования совпадает или близок эпическим событиям "песен старых времен" классического собрания Вука (Косовская битва, эпоха правления сербских деспотов, борьба сербского народа с турками). Герои этого цикла – тоже "общие", известные и любимые повсеместно национальные герои Марко Кралевич, Милош Обилич, братья Юговичи, Якшичи, а также ставшие своими герои-"иноземцы" Янко Сибинянин, Секула, Михайло Свилович и др.

Вторую группу составляют песни "местного значения", повествующие о локальных событиях и героях, неизвестных за пределами той местности, в которой сами песни были записаны, и в которой происходят описываемые в них события. Предметом их повествования является в основном борьба приморских жителей с турками в конце XVII в. в Боке Которской и некоторые другие события этого "некогда прославленного соколиного гнезда" [1. С. 35]. "Незначительные", казалось бы, с точки зрения содержания и объема локальные песни для нашего исследования представляют больший интерес, чем песни первой группы, повествующие о событиях общенационального масштаба.

Записанные в период своего увядания "бугарштицы" сборника, как отмечает сам В. Богишич [1. С. 61], отличаются некая вялость, блеклость, невыразительность, особенно ощутимая при их сопоставлении с десятистопными песнями вуковской коллекции с той же сюжетной основой. Среди них локальные песни – самые живые,

яркие, т.к. они "произошли из тогдашней местной жизни" [1. С. 62]. Действительно, трудно не заметить, что цикл локальных песен (и десяти-, и пятнадцатистопных) выгодно отличается от песен общеисторического содержания своей жизненной силой, какой-то стереоскопичностью – их просто интереснее читать. Не в последнюю очередь локальные песни обязаны своей яркостью и выразительностью содержащимся в них топонимам и (в большей степени) микротопонимам; последние практически отсутствуют в гораздо большем по объему корпусе песен общего содержания, в то время как в локальных песнях они довольно многочисленны: военные действия "местного значения", ставшие основным содержанием локального цикла, разворачиваются на фоне реального приморского пейзажа (Которский залив и прилегающая территория).

Изложение событий в песне часто сводится к описанию военных операций (на море или на приморской территории) с их одновременной локализацией, "привязкой" к конкретному (микро)топониму. По сути дела, микротопонимия играет в песнях весьма важную роль: именно она, "привязывая" сюжет к локальной топографии, придает им особый колорит и индивидуальность, делает неповторимыми – перастскими, которскими, скрадинскими или дубровницкими.

С точки зрения объекта номинации микротопонимия локального цикла песен можно подразделить на следующие группы:

1) ойконимы (собственные имена поселений) (ономастические термины используются здесь и далее в соответствии с данными словаря Н.В. Подольской [2]):

Варош (предместье г. Нови, более населенное, чем сам Нови [1]) (локализация микротопонимов, приводимая в статье, в основном почерпнута из приложенного издателем словаря):

Да отиду млади Пераштани, Да јуриш даду на Топлу и Варош (66/66–67) (И отправятся молодые перастцы / Штурмовать Топлу и Варош) (при переводе на русский язык цитат из народных песен чаще всего использовался словарь Матицы сербской [3]):

Пенчићи (западная часть г. Пераста [1]):

Пушти мени удрит на оне мале Пенчиће (63/32) (Дозволь мне взять те малые Пенчичи);

Плоче од Дубровника (восточное предместье г. Дубровника [1]):

Од толек се дигнуо ка лијепу Дубровнику, Здраво дође Јакобе на Плоче од Дубровника (80/86–87) (Оттуда он отправился к прекрасному Дубровнику, / Невредимым прибыл Якоб на Плочи дубровницкие);

Топла (местечко близ г. Нови в Боке Которской [1]):

Отидоше и Топлу узеше (66/69) (Отправились они и взяли Топлу);

2) хоронимы (названия территории, природно-ландшафтной области, местности):

Жрнавица/Жрновица (небольшая область к востоку от г. Дубровника, у самого моря [1]):

Близу града Дубровника л' јепа жупа Жрновица (79/22) (Близ города Дубровника прекрасная местность Жрновица); И у жупи Жрнавици задовољне гладне воде (80/31) (И в той местности Жрнавице – обильные прохладные воды); последний микротопоним может быть отнесен и к названиям первой группы – ойконимам;

Зупци (область в Герцеговине к югу от Требиня – безводная карстовая возвышенность [4]):

Сви се бјеху сакупили на те Зупце камените (65/147) (Собрались все на тех каменистых Зубцах);

Лука (административная область в западном Хуме, на нижней Неретве; в ней расположены гг. Вратар и Нови; упоминается в средневековых хрониках [4]):

На Луку неш ударити, немој им се поплашити (63/38) (На Луку нападеш ты, не бойся их);

из контекста нельзя заключить, однако, какой вид географического объекта скрывается за этим топонимом. Исходя из его прозрачной семантики, можно предложить на этот счет и другую версию. Словарь Матицы сербской [3] приводит следующие значения слова "лука" – 1) морской залив; 2) гавань, порт; в соответствии с этим в песне может также подразумеваться местечко на берегу моря или залив; в пользу последней версии говорит то, что на карте Боки Которской расположено много мелких заливов и бухт, в составных названиях которых представлена эта лексема:

Тијесна Лука, Добра Лука, Лука Жањица; в этом случае микропоним следует отнести к следующей группе:

3) литонимы (собственные имена естественных прибрежных объектов);

Бока од Котора (Бока Которска, Которский залив [1]):

Други порат зајми ми л' јепу Боку од Котора (57/7) (Другой порт займи – прекрасную Боку Которску);

И јунаци од крајине од Боке Котора града (65/169) (И молодцы из Боки, из Котора-града);

Вериге (узкое место в Которском заливе, образованное подступившими с обеих сторон скалами; легенда рассказывает, что в этом месте когда-то натягивали цепи (вериги), чтобы преградить дорогу неприятельским судам [5]; хотя цепей (вериг) давно нет, название сохранилось [1]):

Побјегоше Паштровићи млади,

Низ Вериге низ то сиње море (62/65) (Побежали молодые паштровичи / К Веригам, к тому синю морю);

Тере пође на Вериге равне (70/38) (Да отправился он к ровным Веригам);

лиман Драча (нелокализованный географический объект):

Тега пута добоше у лиману Драча града (75/9) (В тот раз подошли они к лиману у Драча-града);

понта од Кумбура (Кумбур – местечко на берегу моря в Которском заливе; понта – острый выступ горы, далеко вдающийся в море; мыс, коса; ср. венец. *ponta*, итал. *ripia* [1]):

Ако сташе на понти кумбура (66/73) (Если встали они на мысе Кумбура);

Када бјеху дошли према понти од Кумбура (71/69) (Когда подошли они к мысу Кумбура);

Остри камен / Оштри (нелокализованный географический объект; издатель не сообщает о нем никаких сведений):

Кад изашли бијаху према Остроу камену (73/31) (Когда вышли они к Остроу Камню);

Иза Оштра једра изједрише (66/30) (Из-за Острога (Камня) вышли они под парусами);

понта од Свете Неђеље (судя по контексту, находится вблизи г. Пераста; см. црква Свете Неђеље):

А за понтом од Свете Неђеље

Погубише дванаест Паштровића (62/74–75) (А за мысом Святой Недели /

Погубили они двенадцать паштровичей);

вала од Шебеника (зд. морской залив (ср. итал. *valle*) [1]; другое значение – долина):

Први порат зајми ми ти валу од Шебеника (57/6) (Первый порт займи – залив Шибеника);

4) экклезионимы (названия церквей):

црква Свете Неђеље (судя по контексту, находится вблизи г. Пераста – там же, где и "понта од Свете Неђеље"; как видно, название церкви распространилось на близлежащий географический объект вследствие иррадиации (распространения географического имени объекта на другие, обычно близлежащие объекты);

И они их стигоше за црквом Свете Неђеље (62/72–73) (И они настигли их за церковью Святой Недели);

црква светог Николе (судя по контексту, находится в г. Перасте):

Мртав јунак пануо пред цркву света Николе (61/64) (Мертвый молодец пал пред церковью Святого Николы);

Од' те са мном у светог Никола (72/28) (Пойдемте со мною в Святого Николу);

црква свете Петке (судя по контексту, находится в г. Нови):

Захераше Новљане на до цркве свете Петке (65/111) (Погнали они новлян аж до церкви Святой Пятницы);

госпа од Шкрпјела / Скрпјела (церквушка, расположенная на островке в Боке Которской вблизи г. Пераста; в ней находится знаменитая на всю округу "чудесная" икона богородицы [1]):

И фушту доведоше а у госпе од Шкрпјела (71/103) (И подвели они ладью к богородице Шкрпела);

Поведоше је пут мјеста Пераста,

Поведоше госпи од Скрпјела,

Која бјеше наша помотњица (73/96–98) (Повели ее (ладью) ко граду Перасту, / Повели к богородице Скрпела, / Что была помощницею нашей);

5) урбанонимы (ойкодомонимы) (собственные имена внутригородских объектов (названия зданий):

кула Абашина (судя по контексту, здание, расположенное в г. Нови):

Који јунаци чувају тврду кулу Абашину,

Граду покрај мора (65/199–200) (Одни охраняли крепкую башню Абашину. / Что на берегу моря);

кула Топчи-Башића (здание, расположенное в г. Нови)

Него ти их дозивљу из куле Топчи-Башића (65/133) (А те их окликают из башни Топчи-Башича);

кула / магаза Пајовића:

Остав' те нам рибе за диздара,

У бијелу кулу Пајовића (72/76) (Оставьте нам рыбы для коменданта (крепости) / В белой башне Пајовича);

Остав' те нам мало рибе у магазу Пајовића (71/81) (Оставьте нам немного рыбы на складе Пајовича);

б) гидронимы:

дубљи поток / дубља потока:

Сташе Власи бјежати уз три перашка потока...

Који пође уз дубљи поток, мало бјежа, брзо изгибе (67/88, 90) (Пустились влахи бежать вверх по трем перастским рекам... / Кто пошел по Глубокому Потоку, немного пробежал, скоро сгинул);

Који бјежаху уз дубљу потоку (68/101) (Кто пошел по Глубокому Потоку)

Нетрудно заметить, что большинство микропонимов обозначают объекты несамостоятельные, вторичные по отношению к макрообъектам (предместье, пригород макрообъекта (ойконим); прибрежный объект, названный по близлежащему макрообъекту, чаще всего поселению (литоним). В первом случае эта зависимость, вторичность чаще всего не выражена эксплицитно в самом имени (но: Плоче од Дубровника), во втором случае микропоним является вторичным, производным от топонима. Подобная зависимость микропонима от топонима формально проявляется в образовании большого количества генитивных имен-словосочетаний по топонимной формуле "апеллятив / оним (чаще всего географический термин, обозначающий элемент рельефа) (+ предлог "од") + макропоним в р.п.": Плоче од Дубровника, Бока од Котора, понта од Кумбура, понта од Свете Неђеље, вала од Шебеника, лиман Драча. Сюда же примыкают образованные от антропонимов названия зданий (посессивные топонимы – по обладателю) и от агнионимов – названия церквей (по святому-покровителю).

Большая часть береговой микропонимии локальных приморских песен является деапеллятивной (образована от апеллятивов непосредственно или с помощью плюрализации – ср. *pluralia tantum* Вериге, Запци, Пенчићи, Плоче). С точки зрения мотива номинации она включает:

1) имена, мотивированные географией почвы, возникшие вследствие ономизации (или частичной онимизации) географических терминов: Остри камен, дубљи поток (в этимологическом словаре П. Скока [6] находим несколько имен, образованных в результате онимизации этого географического термина – Карапоток, Пашин Поток и др.), лиман Драча, понта од Кумбура, понта од Свете Неђеље, Лука, вала од Шебеника, а также метафорические – исконное Зупци и заимствованное Бока (< бока, бука – "дверь, ворота" < итал. *bocca* < лат. *bucca*);

2) имена, мотивированные апеллятивной лексикой, обозначающей искусственные сооружения (Варош < варош (городок, пригород, предместье); П. Скок приводит и другие топонимы, имеющие в качестве исходной основы апеллятив с аналогичной семантикой – Подград и т.п.) и другие "рукотворные" объекты материального мира (Вериге < вериге, Плоче < плоча (плита; не исключено, однако, что микропоним Плоче отражает особенности рельефа данной местности, и в этом случае должен быть отнесен к первой группе), Жрнавица < жрвањ (жернов) (Слово "Жрнавица" употребляется только в песнях; возможно, из-за нескольких находящихся там мель-

ниц [1]) (последние три имени метонимические, образовавшиеся в результате смысловой ассоциации по смежности).

В обоих случаях номинация происходит вследствие того, что апеллатив (будь то географический термин или лексема, обозначающая созданный человеком объект) приобретает узкую, локальную закрепленность за определенным объектом, максимально конкретизируется, перестает обозначать любой подобный объект и очень сближается с топонимом или становится им. Чаще всего в основе микротопонима стоит географический термин (I группа). В югославской микротопонимии (возможно, в связи с разнообразием форм рельефа и разветвленностью народной географической номенклатуры) обнаруживаем большое количество подобных географических терминов в топонимической функции или занимающих промежуточное положение, когда трудно однозначно отнести лексему либо к *potina prorgia*, либо к *potina appellative*.

Пограничный статус микротопонимов (апеллатив – оним) объясняет регулярные колебания в их орфографическом оформлении в текстах песен (это можно проследить благодаря тому, что составитель сборника полностью сохранил оригинальную орфографию):

Вериге / вериге: Никола се упути пут Веригах сиња мора (69/34) (Никола отправился к Веригам, к синю морю) / Пак стадоше бжежати Паштровићи низ вериге (61/66) (Как пустились бежать паштровичи к Веригам);

Плоче / плоче: И л' јепо ми дочекаше на Плочам од Дубровника (79/52) (И хорошо меня приняли на Плочах дубровничких) / А слугу је пашу послао на плоче од Дубровника (79/48) (А слугу отправил он на Плочи дубровничкие);

Бока / бока: Сва армада уљезе у Боку Котора града (65/48) (Вся армада вошла в Боку Котора-града) / Да не поћи с јунацима од боке Котора града (65/73) (Что отправится с молодцами из Боки Которской).

Та грань между географическим термином–апеллативом и онимом, на которой часто "живет" микротопоним, настолько условна, что в записи собирателя и (в дальнейшем) в издании текстов песен он часто орфографически оформляется как апеллатив, продолжая при этом восприниматься, "ощущаться" как оним, имя единичного объекта. Отчасти этому способствует его параллельное употребление с "полноценными" онимами:

Сташе Власи бжежати уз три перашка потока...
Који пође уз дубљи поток, мало бжежа, брзо изгибе;
Који Пушицом уз брдо попне се, он погибе,

Уморени јунак;

Који Лајковом к Леденицам одмакну се од Пераста... (67/88–93) (Пустились влахи бежать вверх по трем перастским рекам... / Кто пошел по Глубокому Поток, немного пробежал, скоро сгинул; / Кто Пушицею в гору поднялся, тот сгинул, / Утомленный молодец; / Кто Лайковом к Леденицам ушел от Пераста...);

Краљ польачки паде сред Земуна,

А мошковски паде у Јагоду,

Звезца краљу на циганску бару (116/75–77) (Король польский ворвался в Земун, / А московский нагрязнул на Ягоду, / Король Звезца – на Цыганское Болото).

Географические термины с легкостью становятся названиями в результате естественного процесса номинации – в этом смысле показателен пример, приведенный издателем в словарной статье к слову "игало" (< греч. *aigialos*; морской берег) (Кад виђеше Паштровићи млади, / Поскакаше по крајем игала (62/72–73) (Как увидели молодые паштровичи, / Попрыгали на берег морской): "Насколько нам известно, это слово в двух местах превратилось в имя: на о-ве Лопуд близ Дубровника и вблизи г. Ноги" [1].

Ненормированность микротопонимов объясняет их богатую вариативность на всех языковых уровнях: фонетическом (Жрнавица / Жрновица; Кумбур / Комбур; Остри камен / Оштри; госпа од Шкрпјела / од Скрпјела); морфологическом (дубљи поток / дубља потока), синтаксическом (бока Котора / бока од Котора / бока Котора града; понта Кумбура / понта од Кумбура; Остри камен / Оштри), а также включение разной

лексики в состав микротопонимических формул – Вериге Костањичке (Вериги Костайницкије) / Вериге тијесне (Вериги тесне) / Вериге равне (Вериги равне) / Вериге сиња мора (Вериги сиња мора), кула Пајовића (башња Пайовича) / магаза Пајовића (склад Пайовича) и пр.

Предложенный разбор топонимической лексики, содержащейся в архаическом югославянском фольклоре, не может претендовать на полноту ввиду обширности предмета (всего настоящий сборник насчитывает около 200 топонимов) и носит предварительный, пробный характер; тем не менее, он демонстрирует несомненную ценность рассмотренного ономастического материала и перспективность данного исследования. Следующим шагом, предпринятым в этом направлении, может стать лексикографическое описание, которого заслуживает ономастикон сборника В. Богишича, и которое охватило бы все категории фольклорных ономастических единиц, дав им исчерпывающие толкования.

Необходимость составления такого словаря диктуется и общей неудовлетворительной лексикографической ситуацией в славянской фольклорной ономастике. Подобный словарь, безусловно, обогатил бы целый ряд дисциплин славянской филологии – ономастику, фольклористику и лексикографию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богишић В.* Народне пјесме из старијих, највише приморских записа, Београд, 1878.
2. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии, М., 1988.
3. Речник српскохрватскога књижевног језика. Матица српска, Нови Сад. 1967–1976. I–VI.
4. Enciklopedija Jugoslavije. Leksikografski zavod FNRJ, Zagreb, 1962. Knj. 5; 1971. Knj. 8.
5. *Караџић В.С.* Српски рјечник (1852), Београд, 1986. Књ. 1.
6. *Škok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, Zagreb, 1971–1974. I–IV.

Л.А. БЕЛЯЕВ, Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии М., 1994. 458 С. (= Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 6). 2-е, стереотипное изд. М., 1995.

Монография руководителя сектора археологии Москвы Института археологии РАН Л.А. Беляева посвящена теме мало разработанной, но весьма важной для изучения истории столицы России. В ней подводятся итоги археологических исследований средневековых московских монастырей, результаты раскопок 1970–1980-х годов сопоставлены с архивными материалами об аналогичных работах более раннего времени. В указанный же период побудительной причиной организации раскопочных сезонов в том или ином монастыре служила, как правило, необходимость получения исходных данных для выяснения строительной истории и воссоздания первоначального облика отдельных памятников древнерусского зодчества или даже архитектурных комплексов в целом. А поскольку реставрация велась широким фронтом, и требования к научной обоснованности проектной документации были тогда весьма высоки, архитектурно-археологические исследования постоянно давали много новой и интересной информации.

Археологические раскопки выявили большой вещественный материал (с достаточной полнотой отраженный в подобранных Л.А. Беляевым иллюстрациях). Он во многом дополняет прежде имевшиеся данные, заметно расширяет источниковую базу для исследований. Кроме того добытая археологами информация дает возможность во многих случаях проверить сведения, содержащиеся в письменных источниках, уточняет и дополняет их. Таким образом, при разработке данной тематики теперь удастся намного полнее использовать современную методику комплексного источниковедения. Прекрасным примером этого как раз и служит рецензируемая монография.

Предметом рассмотрения в первой главе

книги является сначала сама специфика монастыря как особого феномена в христианском мире эпохи средневековья, в том числе и на Руси. Особенно активное влияние монастыри оказывали на ход политического и художественного развития страны на русском Северо-Востоке. Как подчеркивает автор монографии, "уже на ранних этапах существования Московского княжения определенным симбиоз, или по крайней мере тенденции к нему, между княжеской властью и возникающими монастырями может быть прослежен" (С. 8–9). Поэтому очень важно проследить историю обителей в Москве с момента их возникновения.

В отечественной науке эта тематика представлена многочисленными трудами исследователей XIX и XX вв. Л.А. Беляев дает в данной связи историографический обзор, характеризуя сложившиеся за два столетия направления в изучении русских монастырей. Плодотворными справедливо признаются обе представленные здесь главные традиции – написание монографических очерков и проведение архитектурно-археологических исследований. Известно, что именно широкое привлечение данных археологии, интенсивно пополняющихся с середины XX в., стимулировало применение историками, специалистами по русскому средневековью, всей совокупности методических приемов, присущей междисциплинарным исследованиям нового типа. Выработанные В.Л. Яниным [1] принципы одновременной работы со всеми наличными источниками, причем с источниками разных видов, не могли не принести самые обнадеживающие результаты и при воссоздании истории московских монастырей.

Детально рассмотрены Л.А. Беляевым современные проблемы изучения монастырей как особых археологических объектов,

как имеющих свою специфику цельных памятников материальной культуры. Им сформулированы первоочередные цели и задачи, стоящие перед исследователем монастырских древностей. Хронологические рамки изучаемой проблемы возникновения и развития древнейших монастырей Москвы охватывают в основном период с конца XIII до начала XV в. Однако из-за недостатка данных, относящихся конкретно к указанному периоду, для воссоздания исторических реалий методом ретроспекции нередко используются и материалы более позднего времени – до XVII в. включительно, но обязательно оказывающиеся в той же единой стратиграфической шкале.

Вторая глава целиком посвящена московскому Богоявленскому монастырю. Последний хотя и расположен вне границ Кремля, но возник на территории одной из древнейших частей посада, заселение которой относится еще к домонгольскому времени. Лишь к концу 30-х годов XVI в. он оказался под защитой второй линии каменных фортификаций – стен Китай-города. Строительная история архитектурного ансамбля монастыря хорошо прослеживается, по данным письменных источников и натурных исследований, с конца XVII в.

Археологические раскопки, начатые с 1980-х годов (первоначально их вел Н.П. Пахомов, позднее их возглавил Л.А. Беляев), планомерно осуществлялись внутри собора Богоявления. Выявленные напластования культурного слоя датируются XIII–XVII вв. В них отчетливо читаются этапы последовательного развития застройки на данном участке. Сначала шло обычное хозяйственное освоение территории городского посада (первая треть XIII в.). Затем здесь возникло кладбище, судя по всему, по соседству с деревянной церковью (вторая половина XIII в. – первая треть XIV в.). Позднее этот первоначальный храм был заменен белокаменным, к которому со временем добавили кирпичную широкую трапезную. Вокруг новых построек постепенно образовался еще один некрополь, функционировавший достаточно долго.

По легендарным данным, попавшим в Копийную книгу начала XVII в., закладка каменного собора в московском Богоявленском монастыре состоялась при Иване Калите, княжившем в 1325–1340 гг. Л.А. Беляев сначала следовал той же традиционной версии. Однако выявление аналогий планировочному решению, элементам внешнего архитектурного декора и сопутствующему керамическому материалу заставили автора книги пересмотреть датировку исследуемого

памятника раннемосковского зодчества и отнести его возведение к концу XIV – первой четверти XV в. Пристройка к храму кирпичной трапезной палаты произведена на рубеже XV–XVI вв.

В 1684 г. в Богоявленском монастыре случился сильный пожар, нанесший невосполнимый урон соборному храму. К 1693–1696 гг. относится возведение ныне существующего собора в стиле "нарышкинского барокко".

Возникновение самого Богоявленского монастыря автор книги считает возможным отнести к концу XIII в., солидаризируясь тем самым с устоявшейся церковно-исторической традицией. Все здания в обители, включая и соборный храм, должны были быть тогда деревянными. Весьма вероятным представляется Л.А. Беляеву и ктиторство по отношению к новооснованной обители московского тысяцкого Протасия, родоначальника видного боярского рода Вельяминовых. Протасий, как свидетельствуют письменные источники, играл важную роль в развитии храмового строительства в Москве: именно он, выполняя последнюю волю митрополита Петра (скончавшегося 21 декабря 1326 г.), завершил в 1327 г. возведение кремлевского Успенского собора, а также ведал в 1329 г. работами по сооружению при нем придела Поклонения веригам апостола Петра [2]. Но участие тысяцкого, как важнейшего княжеского сановника, в церковных делах, разумеется, не могло ограничиваться только этим. В частности, есть основания полагать, что как раз при поддержке Протасия обрел в Московском княжестве официальное покровительство и популярность культ святых страстотерпцев Михаила и Федора [3]. Протасьевичи-Вельяминовы сохраняли тесные связи с Богоявленским монастырем и в дальнейшем, вплоть до XVII в. Они делали в обитель богатые вклады, создали в нем свой семейный некрополь.

Результаты археологических исследований Данилова монастыря суммированы в третьей главе книги. Даниловская местность входила в зону раннего славянского заселения Подмосковья. Здесь выявлены следы селища, бывшего обитаемым уже с конца X в. Принимая выводы В.А. Кучкина, основанные на скрупулезном анализе самых ранних свидетельств письменных источников [4], Л.А. Беляев соглашается с датировкой основания Данилова монастыря и учреждения там архимандритии времен княжения в Москве Даниила Александровича, а точнее рубежом XIII–XIV вв. С основанием в 1330 г. кремлевской Спаса на Бору обители,

туда была переведена архимандрития, а в Даниловской местности наступило время оскудения и упадка. Иван Грозный возобновил древний монастырь на его исконном месте. По царскому повелению там был выстроен каменный собор, освященный в 1561 г.

Раскопки позволили проследить отдельные этапы строительной истории нынешнего главного монастырского храма – во имя Отцов Семи Вселенских Соборов, прежде представлявшей исследователям в искаженном свете. Оказалось, что постройка середины XVI в. просуществовала только до 1729 г., когда ее разобрали за ветхостью. Но уже на следующий год был готов новый соборный храм, куда перенесли престол из старого. Удалось выяснить и судьбу древнейшего монастырского престола – преподобного Даниила Столпника. Вплоть до первой половины XVI в. он оставался в деревянной церкви, отмечавшей историческое ядро запустевшей обители, затем был перенесен в соседнее село Даниловское, в тамошний новоотстроенный деревянный храм, где находился до начала XVIII в.

Четвертая глава монографии содержит очерк истории московского Высоко-Петровского монастыря с его архитектурными памятниками. Текст опирается преимущественно на данные письменных источников, но с привлечением археологических материалов. Самое раннее упоминание монастыря связано с поездкой его настоятеля, архимандрита Иоанна, в Константинополь летом 1379 г. Вряд ли обитель возникла задолго до этого. Л.А. Беляев не допускает возможности ее основания ранее третьей четверти XIV в. (С. 174, 175). Ведь данные археологии ясно свидетельствуют, что сама эта местность до того времени не была заселена.

Поскольку все здания в монастыре до последних десятилетий XV в. были из дерева, пожары могли в одночасье уничтожить их. Именно такой случай имел место, судя по летописному сообщению, в 1493 г. Следы этого пожара четко читаются в культурном слое. Первая каменная постройка обители – собор во имя Петра Митрополита – возведен в середине 10-х годов XVI в. итальянским архитектором Алевизом Новым. Освящение его состоялось 23 августа 1517 г. (этот храм, как установил в ходе натурных исследований известный архитектор-реставратор Б.П. Дедушенко, не был перестроен в конце XVII в. и сохранил донныне свой основной объем).

Остальная застройка монастыря еще долго оставалась исключительно деревян-

ной. С 70-х годов XVII в. начинается период процветания и расширения обители, обусловленный особым вниманием к ней семьи Нарышкиных, из которой происходила царица Наталия Кирилловна. В 1680–1690-х годах здесь возводится ряд каменных церковных и жилых зданий, а также монументальная ограда.

В заключительной, пятой главе, речь идет сразу о нескольких древних московских обителях, возникновение которых в XIV в. либо прямо документируется надежными источниками, либо может быть установлено по косвенным данным. Это следующие монастыри: Спасский на Бору; Успенский на Крутицах; Симонов; Чудов; Алексеевский (позднее Зачатьевский, близ Остоженки); Спасо-Андроников; Афанасьевский; Сретенский на Кучковом поле; Рождественский (Рождества Богородицы); Вознесенский; Никольский.

История всех этих монастырей рисуется в общих чертах. Л.А. Беляеву больше приходится указывать на объекты, нуждающиеся в появлении на них археолога. То же самое относится и к тем древним монастырям в Москве и ее окрестностях, для которых невозможно даже бегло набросать сколь-нибудь целостную картину их исторических судеб. Рецензируемая монография показывает, насколько перспективными являются раскопки монастырских комплексов в плане обретения учеными недостающей им информации.

Выверенность методики и строгость аргументации присуща построениям автора книги. Незбежная гипотетичность многих выводов хорошо осознается и своевременно оговаривается им. Его высказывания по дискуссионным вопросам как правило весьма корректны. Правда некоторые из них могут быть оспорены. В качестве примера приведем категоричное отрицание Л.А. Беляевым наличия у рода московских тысяцких Вельяминовых корней ранее, чем в конце XIII – начале XIV в. (С. 238. Прим. 104). Конечно автор книги волен считать необидительными историковедческие штудии целого ряда исследователей, пришедших к иным выводам относительно родственных связей Протасевичей-Вельяминовых с ростово-суздальскими тысяцкими XII–XIII вв. [5] (см. также [6]). Но всякое отрицание чужих мнений, без необходимого детального разбора выдвинутых исследователями-предшественниками аргументов текстологического, ономастического, искусствоведческого, археологического, генеалогического и общесторического характера, выглядит, к сожалению, голословным.

Встречаются в монографии и отдельные мелкие неточности. Так, Л.А. Беляев упоминает Петропавловский собор в Можайске как памятник, сохранивший на фасадах резной пояс – характерный элемент внешнего декора памятников раннемосковского зодчества (С. 69). В данной связи уместно вспомнить, что названный храм построен в 1849 г. и представляет собой всего лишь воспроизведение стоявшего ранее на том же месте храма-предшественника во имя Николая Чудотворца, с сохранением прежнего плана и объемного решения, а также со вторичным использованием белокаменных фундаментов и деталей архитектурного декора [7]. Поэтом правильнее именовать его Старо-Никольским, как это и принято в новейшей литературе.

Однако отдельные спорные моменты, вроде отмеченных выше, ни в коей мере не снижают общее самое благоприятное впечатление от фундаментальной работы Л.А. Беляева, по-новому представившей роль раскопок монастырских комплексов для решения общих проблем археологии средневековой Москвы во всем их сложном контексте.

© 1999 г. А.А. Молчанов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.
2. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 59, 60, 75; Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1995. С. 200, 204; Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 212. Полное собрание русских летописей. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. Т. VIII. С. 172; Полное собрание русских летописей. Продолжение летописного списка, именуемого Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1897. Т. XI. С. 31; Полное собрание русских летописей. Симеоновская летопись. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 91; Полное собрание русских летописей. Московский летописный свод конца XV века. М.–Л., 1949. Т. XXV. С. 169.
3. Молчанов А.А. Культ святых мучеников черниговских Михаила и Федора в средневековой Москве. К вопросу о времени и путях проникновения // Святый князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історичної конференції (Чернігів, 1–3 жовтня 1996 р.). Чернігів, 1996. С. 23–26.
4. Кучкин В.А. О дате основания Московского Данилова монастыря // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 164–166.
5. Бочков В.Н. "Легенды" о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 73–78; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 124–138; Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории росто-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977. С. 124–138; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 157, 201, прим. 2; Кобрин В.В. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 39; Молчанов А.А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (Ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г. Тез. докл. М., 1990. С. 79–83.
6. Браун Ф. Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1902. Т. VII. Кн. 1. С. 360–365; Воронцов-Вельяминов Б.А. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 167–170; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 118, прим. 56, 202; Мурьянов М.Ф. Золотой пояс Шимона // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 188–197; Седова М.В. Скандинавские древности Суздаля и его округа // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10–14 сентября 1997 г. Тез. докл. М.–Петрозаводск, 1997. С. 179, 180.
7. Кавельмахер В.В., Молчанов А.А. Новые исследования памятников раннемосковского зодчества в Волоколамске, Можайске и Коломне // Материалы творческого отчета треста "Мособлстройреставрация". М., 1984. С. 74–77; Молчанов А.А. Работы в Можайском кремле // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 73; Молчанов А.А. Раскопки в Можайском кремле // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 70, 71; Памятники архитектуры Московской области. Каталог. М., 1975. Т. II. С. 9.

М. ПЛЮХАНОВА. Сюжеты и символы Московского царства.
СПб., 1995. 335 С.

Книга М.Б. Плюхановой посвящена религиозно-историческому самоосознанию эпохи Московского царства. Автор последовательно рассматривает важнейшую оппозицию – история и культура. Она показывает, как на стыке сакрального и светского функционировала эта оппозиция, как соединялись воедино церковная и летописная словесность при создании образа Святой Руси, как срастались идеи страны-государства и церкви, а отдельные устойчивые мотивы с сакральным значением органически входили в исторические повествования. На обширном материале прослеживается, как складывалась парадигма христианского властителя и каким образом представляли древнерусские книжники природу этого царства, опираясь на идею переноса царской мощи из цветущего и сильного государства на пустынную территорию.

Ценность работы М.Б. Плюхановой состоит в том, что автор рассматривает историческое самоосознание, зафиксированное в текстах, и никоим образом не домысливает его, выявляет его параметры в том виде, в каком они существовали в письменном и устном слове. В этом видится удача исследовательницы, не пытающейся "набрасывать" на свой материал сетку значений, свойственных другим эпохам. М.Б. Плюханова совершенно верно предполагает, что интерпретировать данный материал, основываясь только на прямые высказывания политического толка, только на непосредственные реакции книжников на историю, невозможно. Очевидно, что самоосознание этого типа декларировалось и в других текстах, прямо с историей не соотносящихся, но тем не менее именно они глубинным образом связаны с организующими идеями эпохи, на что ранее практически не обращалось внимания. Автор исследует Русский Хронограф, Никоновскую летопись, Степенную книгу, службы русским святым, прославленным в эпоху митрополита Макария, службы и сказания на церковные праздники, Московский великокняжеский свод, в котором, например, усматривает фрагменты, могущие показаться случайными, но которые, на самом деле, определяют весь смысл его композиции. Не меньшее значение имеет и анализ Житий.

В своем исследовании М.Б. Плюханова не остается только на уровне культуры высокой, профессиональной и переходит на уровень фольклора, рассматривая духовные стихи о святых, исторические песни о взятии Казани, что позволяет ей проследить "глубину и характер усвоения устной традиции сюжетов и символов, послуживших для создания Московского царства" (С. 14).

Через тексты М.Б. Плюханова обращается к основным точкам сакральной культуры, к иконе и храму. Она показывает процесс складывания почитания богородичных икон (Владимирской, Смоленской), функцию чудес от икон, анализирует иконографические особенности икон Иоанна Предтечи, находит удачные аналогии композиции таких памятников, как Степенная книга, с архитектурой Покровского собора: «Покровский собор и "Степенная книга" – идеальные изображения Московского царства как царства-града Иерусалима, скопления святости, святых и святынь» (С. 47). М.Б. Плюханова обращается и к храму Покрова на Нерли, к Смоленскому Успенскому собору. Не выпадают из поля ее зрения и церковные праздники, ср. исследование праздника Спаса 1 августа (С. 124–132).

С нашей точки зрения, автору удалось охарактеризовать избранный ею объект благодаря тому, что она решилась перейти на язык изучаемой ею эпохи. Об основных характеристиках этого языка в книге нет подробных теоретических рассуждений. Сказано ровно столько, сколько нужно для того, чтобы немедленно перейти к конкретному анализу. Остановимся подробнее на отмеченных исследовательницей элементах языка культуры, на котором писалась история Московского царства.

Автор выделяет такие его элементы как: образец, имя, символ, сюжет, справедливо замечая, что "слово, имя, мотив, ситуация имеют постоянное ценностное значение, независимое от контекста" (С. 179). Она также не раз говорит о том, что отнюдь не все из этих элементов равноправны, что часть из них выражена достаточно слабо, но тем не менее заслуживает пристального внимания.

М.Б. Плюханова утверждает, что построение новой исторической концепции

происходило по образцам, и источником образцов служило Священное Писание и Церковное предание, в первую очередь – Книга пророка Даниила с толкованиями. Создателям представлений о Московском царстве не требовалось находить новые способы его описания – они уже были в их распоряжении. Новая концепция набирала значения *per analogiam* в контексте множества прообразов. Так, в действие вступает прием префигурации, хорошо известный древнерусским книжникам. Он столь интенсивно поддерживал идею Московского царства, что все, что было до него, представляется лишь ступенями на пути к нему. Так как большинство прообразов принадлежало сакральному контексту, то и описываемый через них объект также набирал сакральные значения. Механизм этот прекрасно показан в рецензируемой книге. Поскольку прообразы эти были отложены по оси времени, то выстраивалась своеобразная вертикаль, высшей точкой которой являлось Московское царство. Соответственно, порождались причудливые генеалогические связи, утверждавшие его величие; выстраивались формулы, подтверждавшие связи Московского царства по вертикали с иными великими царствами исторического прошлого, подобные формуле Москва – третий Рим. В этих формулах сохранялись подлинные исторические значения. Не только победы, но и поражения участвовали в организации подобных вертикалей, не утрачивая при этом символических значений величия Московского царства.

Примечательно, что в работе показано, как происходит построение пары: образ – первообраз и как образ, ближайший к первообразу, стоит значительно выше, чем последующие. Кроме того, важно заметить, что не ушел от внимания автора и такой процесс, как писание по образцу, ср. чудесное спасение Москвы и Царьграда ризой Богородицы, позднее – иконой и видением Богородицы; видение Андрея Юродивого и Василия Блаженного; римское происхождение Меркурия Смоленского, деяния которого предстают параллельными деяниям Меркурия Кесарийского; возникают и такие пары как Дмитрий Донской и Димитрий Солунский, Константин и Владимир, Казань и Иерусалим.

Не меньшее значение в конструировании идеи Московского царства имело отношение к имени, которое непременно обозначало некую идею – мысль о том, что каждое слово может стать именем, была близка древнерусским книжникам. В первую очередь в работе речь идет об имени

царство, которым отныне именовалась Русь, Русия или Русская земля. Это имя было ключевым во всех рассуждениях о русской истории. В нем заключалось отношение к великорусскому государству XV–XVII вв. Оно распростирало свои значения в глубь веков. "Наименовались царством, московское государство получило многообразные формы, богатый язык для самоопределения, оно нашло опору в важнейших традициях христианской словесности, как церковной, так и исторической, и даже устной" (С. 8). Категория имени работает и в мифологизации деятелей русской истории, например, Андрея Боголюбского, которому приписывается установление праздника Покрова и, конечно, первого христианского владетеля, царя Константина. Через имя, как показывает автор, был канонизирован Константин Муромский, хотя изображается он как новый Владимир Святой. Так вступают в действие одновременно и имя, и образец.

М.Б. Плюханова, осознавая символический характер языка культуры, соотношение вещественного знака и идеи, многоступенчатость символических построений древнерусских книжников, показывает как, не теряя своих первичных значений, символ словно бы расширялся и принимал в себя и комплекс значений, связанных с русской историей, с темой власти. В работе выделяется ряд религиозных символов, которые распространили свою власть над историей: Покров Богородицы; крест, обретенный Константином и Еленой; усеченная глава Иоанна Предтечи. "Неизбежные и необходимые деяния – осознание и тем самым создание своей государственности, самоосознание в истории – совершались на Руси прежде всего через символы и в символах", – пишет автор (С. 12). Следует заметить, что аналогичный процесс расширения значений происходил и на уровне сюжета и мотива. Намечено в работе также обратное направление движения символических значений, исследуя которое автор остроумно показывает результаты мифологизации или обрешивания символов и символических сюжетов. Представляя "жизнь" символа, его динамику, а также стремление книжников дополнить его значения и переработать их, как в случае с крестом Константина, автор детально прослеживает характерное для православной культуры отталкивание от материальной конкретности и тенденцию к метафизичности на примерах развития покровского культа, сыгравшего важнейшую роль в оформлении исторического самоосознания, при анализе семантики креста

Константина. М.Б. Плеханова открывает пути слияния в единый символический образ Богородицы, церкви и Русской земли. Глубокое понимание сущности православной символики позволяет автору раскрыть отношения между миром реальности и миром идей, ср. анализ мотива усечения главы Иоанна Предтечи или исследование значения реликвий в русской жизни XVII в.

Не только вечные символы, но и устойчивые сюжеты, вырастающие на них, хорошо известные в древнерусской литературе и имеющие глубокий мифологический подтекст, оказались пригодными для развития исторической концепции и работали на создание исторической идеи. Эти сюжеты, или только мотивы, кумулировали значения символов, выступая "концентратом опыта символической деятельности" (С. 91), необязательно только христианской культуры, но и языческой, что прекрасно показано при анализе символа: крест Константина. Среди сюжетов автором выделены следующие: принесение жертвы в основание царства; хождение с отрубленной головой в руке; овладение царственным градом ради воцарения; змеборчество; брак властителя с премудростью. Рассматривая подобные сюжеты и мотивы, М.Б. Плеханова обращается к житийной литературе, к "Повести о начале Москвы", которые исследует в общекультурном контексте, выявляя комплекс значений жертвоприношения со всеми их колебаниями и искажениями. Не меньшее

значение приобретает важная для становления концепции Московского царства идея его грядущей победы (Жития Меркурия Смоленского, получившего роль предтечи Московского царства, - Михаила Черниговского, Константина Муромского).

М.Б. Плеханова, не отрываясь от конкретных исследований, демонстрирует пути формирования эсхатологической и мессианской традиций в русской культуре; огромное значение придает категории времени в сложении идеи Московского царства. Очень интересно в этом отношении проведено сравнение символов креста и усеченной главы. Исследовательница не раз возвращается к противопоставлению универсального и частного, вечного и временного, таких семантических категорий как погибель/ победа, ср. тонкий анализ "Сказания о Мамаевом побоище" в этом аспекте.

В заключение попытаемся повторить путь М.Б. Плехановой и скажем о ней ее же словами, написанными, естественно, по другому поводу: ее характеризуют готовность и способность "воспринимать религиозный образ или мотив в его отвлеченно-символическом сложном смысле, столь понятном средневековому сознанию" (С. 84). Благодаря работе М.Б. Плехановой религиозные образы и мотивы, сращенные с идеей Московского царства, станут понятными и современному читателю и исследователю.

© 1999 г. Софронова Л.А.

Славяноведение, № 2

А.С. МЫЛЬНИКОВ. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в. СПб., 1996. 314 С.

Автор этой книги известен своими многочисленными исследованиями, посвященными проблеме, которую нельзя назвать новой, но, которая не слишком часто привлекала внимание как советских, так и западных ученых, а именно проблеме развития "этнонационального" самосознания славянских народов, каковое нашло отражение прежде всего в историографических произведениях конца XVI – начала XVIII в. Автор справедливо отмечает, что речь идет об одном из пластов славянской культуры,

имеющем отношение к различным областям науки: истории, или, скорее, предыстории славистики, мифологии, истории мировоззрения, этнологии и – добавлю от себя – литературе, поскольку многие проанализированные историографические произведения относятся к западнославянскому ареалу, где была распространена риторико-литературная концепция историографии, характерная для ренессансной европейской культуры. Таким образом, именно этот междисциплинарный характер, возможно, и

способствовал тому, что изучением этой части славянской культуры в целом небрегли. Нужно также сказать, что речь здесь не идет об особо "злободневном" вопросе, т.е., здесь не обнаруживаются деталей, скрытых от истории, таких, например, как те, которые "классическая" славянская филология упорно пытается обнаружить, чтобы реконструировать начальные фазы истории славян и их языков, для чего есть лишь крайне скудные и ненадежные документальные свидетельства. Здесь идет речь о том, чтобы реконструировать и уточнить "только лишь" историю идей. Кроме того, тексты, которые приходится читать, — очень многочисленны, длинные, часто, скажем прямо, смертельно скучны, однообразны, написаны большей частью полатыни.

После этого вступления уместно дать описание самой книги, которая безусловно, самая полная, зрелая, объективная и представляющая наибольшую научную ценность работа из всех вышедших до сих пор исследований, посвященных данной или аналогичной теме. Хотелось бы только указать здесь на такие классические работы, как "Slovesnost' Slovanu" (1928) Ф. Вольмана (не только датированную, но и идеологически "маркированную" панславизмом периода после первой мировой войны) или "Djepisectvi evropskeho Vychodu" (1946) Т. Мацурека, или фундаментальную "Sarmacja" Т. Улевича (1950), книгу Масланки "Slowianskie mity historyczne" и И.Н. Голенищева-Кутузова "Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв." (1963). Несмотря на всю важность перечисленных работ, в отношении интересующей нас проблемы они устарели: историографические проблемы и мифы рассматриваются в них либо применительно к определенному ареалу и определенному периоду, либо как часть более общего исследования, и поэтому не получают должного внимания. Кроме того, как справедливо отмечает Мыльников, значительное внимание было уделено возникновению современной научной историографии начиная с эпохи Просвещения, в то время как по отношению к донаучной историографии царило полное безразличие, доходящее до презрения. Мы не можем более останавливаться на этой проблеме. В книге Мыльникова имеется обширная библиография, которой может воспользоваться любой, кого заинтересует данная тема.

Самое заглавие книги свидетельствует о том, что автор намерен представить полную картину функционирования некоторых

фундаментальных мифологем, лежащих в основе историографических произведений как западнославянских, так и восточнославянских авторов и имеющих параллели (а иногда и прототипы) в предшествующей западноевропейской традиции, как немецкой, так и итальянской. Среди самых известных имен упомянем: в Италии — Э.С. Пикколомини и Ф. Бьондо, Ф. Буонакорси, П. Джовио и А. Гуаньино, П. Понтано и Ц. Бароний; в Германии — А. Кранцц, Й. Дециус, В. Пирхеймер, Й. Карион, С. Мюнстер, Й. Зедлер и Й. Буддеус, а также многие другие; в Польше — Я. Длугош, М. Меховита, М. Кромер, М. Стрыйковский, Й. Сарницкий, Ст. Ордзеховский, Ш. Старовольский; в Чехии — Далимил, В. Гаек, Дубравийс, Пулкава, Б. Бальбин; в Далмации — В. Прибоевич, М. Орбини, Ю. Крижанич и многие другие. Самой новаторской и интересной частью книги, возможно, является основательное и углубленное изучение восточнославянского материала, тесно и на протяжении долгого времени связанного с предшествующими ему, аналогичными (или хотя бы параллельными) западными свидетельствами. Это особенно важно для тех, кто интересуется этим вопросом, живя на Западе и, следовательно, имея меньше возможностей доступа к древним украинским и русским изданиям и рукописям, а также менее знакомых с летописями и поздней восточнославянской историографией XVII и XVIII вв., которая зачастую трудна для понимания и, безусловно, менее изучена по сравнению со средневековыми хрониками.

Как видно из вышесказанного, обширнейший материал, представленный в книге, изучен Мыльниковым с разных сторон, причем особое внимание уделяется, во-первых, взаимосвязям и пересечениям различных культурно-географических ареалов, во-вторых, стадильным соотношениям, иными словами, хронологическим и культурным расхождениям, вызванным различиями в темпах культурного развития как между разными славянскими ареалами, так и между славянским и западным миром в целом. Последовательное использование этого подхода оказывается особенно плодотворным в первой части книги, где рассматривается разнообразие функций и значений двух основных для всего славянского мира мифов: о библейском происхождении собственного племени и о "привилегии Александра". С глубоким знанием и тонким пониманием предмета автор приводит в качестве примера постоянно присутствующую диалектику между неопределенной, аб-

страктной тенденцией к утверждению общего яфетического происхождения (и, соответственно, этнического, языкового и культурного единства) славян и политической или "национальной" (а также династической) идеологизацией различных персонажей и связанных с ними мифов с целью выделить то, что Мыльников называет "этногенезом второго уровня", т.е. отдельных народов: чехов, поляков, украинцев, русских, "вендов" (ободритов, лужичан, поморян, полабов и т.д.), затем также словаков, словенцев, хорватов и т.д. Этой второй теме, в частности мифам о Лехе, Чехе и Русе, посвящена вторая часть книги. Если, в первой части книги показано, как миф о Мосохе и Рифате постепенно начинает использоваться для полемики об объединении или отделении русских от украинцев, для подчеркивания принадлежности последних как к Московии, так и к Речи Посполитой; то подобным же образом миф о Лехе и Чехе может использоваться в зависимости от обстоятельств для подчеркивания династического единства между Богемией и Польшей или зависимости первой от второй, но может быть и попросту интерпретирован в своем социологическом аспекте, поскольку первоначальное значение слова "лех" в чешском язгке — "мелкий дворянин".

Особенно интересным мне показался раздел, посвященный диалектике географического, этнического, генеалогического и политико-государственного представлений о "нации" в России второй половины XVII и начала XVIII в. Так, к примеру, Ордин-Нащокин пытался использовать рассуждения о единстве всех славянских племен для того, чтобы убедить польских послов в приемлемости русской кандидатуры на трон Речи Посполитой (1667), в то время как в полемике между Ф. Томасом и Г.Ф. Штибером о единстве и различиях (славянских и германских) Мекленбурга, относящейся к 1717 г., ясно обнаруживаются первые намеки на современную дифференциацию между нацией, языком, классом и государственно-политическим образованием. Удивительно мнение Мыльникова, согласно которому "не генеалогические сюжеты, а вопросы славянской этнической общности составили квинтэссенцию спора" (С. 132), возникшего между двумя немецкими учеными по случаю бракосочетания Карла Леопольда Мекленбургского с Екатериной Ивановной, внучкой Петра Первого. Мне показалось бы странным, если бы за этим спором не скрывались как раз-таки сильнейшие династические и политические мотивы, в тот исторический момент, когда вследствие петровских

реформ в России происходили колоссальные социальные и политические потрясения, когда партия с Алексеем Петровичем и его сторонниками еще не была завершена, когда напряженность в отношениях между знатными и династическими русскими семействами была еще очень высока, когда могло быть важно продемонстрировать, что население Гольштейна в значительной своей части было славянским или, наоборот, германским по происхождению. Мыльников проводит не совсем убедительную параллель с Сарницким, который в XVI в. пытался установить диалектическое равновесие между "унитаристскими" славянскими стремлениями этнического характера и возрастающим территориально-династическим (в многоэтничной Речи Посполитой *Obojga Narodow*) "национальным патриотизмом". Сарницкий (по-своему справедливо) обратил внимание на сходство между германской ситуацией (этническое объединение, подразделяемое на различные более мелкие местные объединения) и славянской: в обоих случаях присутствовало четкое осознание изначального языкового и этнического единства одновременно с сильными импульсами к утверждению политической или династической власти одного государства (или региона) в период формирования великих европейских монархий (XVI в.). Разумеется, нужно подчеркнуть, что проблема, поставленная Сарницким, Ордин-Нащокиным и Томасом-Штибером, имела общий корень (т.е. связь между "панславянским" этническим принципом и "узкими" принципами — польским, русским, чешским и др.), но мне представляется абсолютно иной социально-политическая реальность, в рамках которой ставится проблема: в XVIII в. она должна рассматриваться как иная по функции и в сущности политическая. Я считаю, что данную проблему следует углубить и уточнить, причем с учетом различной стадийности развития, о которой Мыльников говорит в начале своей книги как об одном из теоретических принципов, на которых он основывается.

Что касается Сарницкого и поставленной им проблемы о связи между общим "этническим" славянским чувством и "патриотическим" польским сознанием (со всеми его гранями: государственной, династической...), возможно, стоило бы остановиться на двух аспектах: во-первых, на примечательном совпадении, которое уже в XVI в. демонстрируют некоторые модели германской мысли (а именно, параллель между общим тевтонизмом и несколькими немецкими "патриотизмами" — и "славизмом" и

несколькими "патриотизмами" славянских народов и/или государств); во-вторых, на том факте, что протестантское вероисповедание Сарницкого, по-видимому, не влияло на выбор в качестве культурного ориентира германских моделей (в то время как, к примеру, Прибоевич и Орбини сознательно ориентировались на итальянские модели, как в силу доминирующей важности итальянской культуры в Далмации, так и в силу общности католического вероисповедания). Таким образом, я согласна с Мыльниковым, когда он утверждает, что различные мифологемы (в частности, считающиеся наиболее важными, такие как идея славянского единства, идея библейского или классического происхождения народов и героев или идея о распространенности и высоком качестве оружия древних славян) функционировали независимо от вероисповедания и присутствовали в аналогичных формах у протестантов, католиков и православных. Тем не менее, не всегда можно абстрагироваться от вероисповедания, как потому, что в определенных случаях оно могло оказать серьезное влияние на выбор тематики и на культурные ориентиры авторов, так и потому, что сами эти темы и мифологические персонажи могут по-разному функционировать в различной религиозной среде.

Возможно, именно этот аспект книги Мыльникова вызывает наибольшие сомнения. В огромной (и интереснейшей) массе материала, который он рассматривает, описывает и анализирует в сопоставлении, происходит некоторое уравнивание единичных фрагментов, составляющих общую картину.

Возьмем случай с Дмитрием Ростовским. Мыльников (С. 34) ссылается на страницу "Летописца", где митрополит утверждает, что русские (и славяне в целом) происходят от Иафета и, принимая во внимание различные интерпретации историков, отказывается однозначно ответить, идет ли речь о непосредственном происхождении от Мосоха или же от внуков Рифата, Форгамы и т.д.: как заключает Туптало, важно, что мы приходим от Иафета (и следовательно, не от Сима или Хама). Все это, разумеется, правильно. Тем не менее, страничка, которую митрополит Ростовский посвятил данному вопросу, вырванная таким образом из контекста, дает неправильное представление о самом летописце и об историкографических интересах его автора. Как полагаю, было доказано в другом месте [1], "Хроника" Туптало имела абсолютно иной характер, цель и идеологический фон, чем

историкографические работы, рассматриваемые Мыльниковым. Митрополита Ростовского явно интересовала церковная история, в то время как этническо-национальные и государственные мифологии были умышленно проигнорированы им: он ставил перед собой задачу предложить русской аудитории (в особенности низшему духовенству), невежественной и испытывающей угрозу со стороны "ересей" (старообрядчество), руководство по истории церкви и христианства, по духовному толкованию и аллегорической экзегезе для нужд гомилетической практики. Не случайно поэтому, что его модели были те же, что и у церковных писателей (итальянских и фламандских) и что миф о Иафете и Мосохе занимает всего одну неполную страницу в томе объемом 700 страниц. Нам совершенно ясно, что Мыльников стремится лишь представить все (будь то много или мало), что славянские писатели (западные, южные и восточные) написали об этих мифах, и мы, конечно, не осуждаем его за этот законный выбор. Тем не менее, нельзя не отметить, что данный подход, при котором все источники ставятся в один ряд без соответствующей интерпретации, в некоторой степени обедняет проделанную работу.

Аналогично не имеет особого смысла отмечать, как это делает Мыльников (С. 35), что Дмитрий Ростовский "в отличие от Каменевича-Рвовского и Манкнева попытался применить критический подход". Дело в том, что у этих трех историков существенно отличаются методы, мышление и историкографические подходы, и именно эти различия необходимо глубоко проанализировать. Тем более, что Дмитрий Ростовский вовсе не использует критический подход; его конечная цель — дидактическая, религиозная, моралистическая, а не рационалистическая и научная: проблема мифологем попросту не интересовала его, как не интересовала она Цезаря Барония. Как бы то ни было, с более общей точки зрения Дмитрий Ростовский представляется очень интересным писателем, поскольку его работы являются одним из интереснейших примеров интерпретационного своеобразия у восточных славян в сравнении с источниками и образцами западной церковной учености XVII в. Это типичный случай, когда можно сказать: восточные славяне скопировали все, но сделали это таким образом, что в итоге получилось нечто абсолютно оригинальное и автономное. Впрочем, с данной дилеммой сталкивается каждый, кто приступает к серьезному изучению какого бы то ни было

литературного памятника, написанного в русском ареале (или в украинском, поскольку мы говорим об украинце Туптало).

Таким образом, проблема гораздо сложнее, чем может показаться при чтении некоторых частей книги Мыльникова. Чтобы охватить столь большой материал и столь обширные культурные и хронологические пространства, неизбежно пришлось опираться не только на собственные разыскания, но и на данные, почерпнутые из предшествующих исследований. И это немаловажная проблема, поскольку многие представления о славянской историографии данного периода ныне устарели, и хотя многие недостаточно изучены или поэтому трудно составить о них окончательное и точное представление.

Подобные недостатки чувствуются, по нашему скромному мнению, в отношении Цезаря Барония и В.Н. Татищева. Как уже отмечалось, мы согласны с тем, что мифологемы, о которых идет речь в книге, функционировали *также* независимо от конфессиональной принадлежности. Однако нельзя сказать, что это происходило само собой, автоматически, и что так было всегда. Действительно, как для Бельского, так и для Орбини и для Барония был фундаментальным тот факт, что все славяне были христианами, но речь идет, тем не менее, о трех абсолютно разных интерпретациях одного и того же исторического явления. Орбини использовал славянское язычество в той же мере, что и христианство, для прославления "славянской нации" как столь же древней и прославленной, как и древние греки и римляне, в то время как для Бельского доминирующей являлась анналистическая традиция, связанная с моделью универсальных хроник (особенно германских), опирающейся на христианский провиденциализм. Что касается Барония, я с радостью констатирую, что наблюдения Мыльникова согласны с тем, что мне пришлось писать несколько лет назад [2], т.е. что речь идет о новом историографическом типе и новом подходе, в определенных аспектах более открытом и уважительном по отношению к славянскому православному христианству (С. 120–123). Однако я бы не стала однозначно определять подход таких персонажей, как Бароний, как "толерантный" (С. 121). Тот факт, что Бароний признает этническое родство москвитов с "русскими" (т.е. рутенами) и очерчивает огромные границы "роксоланов" от Черного моря до Волги, до Урала, до Ледовитого океана, до Ливонии, Литвы и Польши, не свидетельствует, по-

моему, о применении принципов религиозной толерантности. Речь идет все о тех же политических вопросах, и идея восточнославянского единства имела для Барония не научное значение, а церковно-политическое. Более того, он не раз критикует этнические мифологемы, относящиеся к славянам XVI–XVII вв., именно потому, что они способствовали созданию "национальных" образований, которые противоречили универсалистским целям католической церкви и ее настойчивой политике "возвращения" православных славянских народов: но речь идет не о толерантности (т.е. о взаимном признании и уважении), а о возвращении заблудших овец в единственно истинную вселенскую церковь, т.е. в Святую Матерь Римскую Католическую Церковь, единственную хранительницу единственной Истины, а эта Истина, как мы хорошо знаем, не терпела никаких существенных отличий и, конечно же, не питала уважения к еретикам и схизматикам.

Что касается Татищева, то он, безусловно, является представителем нового, рационалистического (в понимании немецкой рационалистической традиции, неточно называемой "Fruhaufklarung", к которой принадлежал Г.В. Лейбниц, тоже историк Германии, а не только философ!) типа историографии, чья новизна становится очевидной, если принять во внимание, что в петровские времена в качестве учебника в России еще использовался "Синописис", приписываемый Иннокентию Гизелю, и что даже Манкиев был очень далек от того, чтобы преодолеть мифологемы XVII в. Как отмечает Мыльников (С. 35), Татищев демонстрирует скептицизм и сомнения в отношении некоторых библейских генеалогий, и в силу этого оказывается гораздо более современным, чем его непосредственные предшественники. Соглашаясь с этим суждением, которое соответствует общей склонности советской науки к хвалебности и помпезности, когда речь заходит о первом современном историке России (которым и был Татищев) и о М.В. Ломоносове, позволю себе, тем не менее, сослаться на пару моих предшествующих работ ([3]; упомянутые статьи, вместе с другими статьями на аналогичные темы, теперь доступны в польском переводе в книге [4]) для напоминания о том, что, когда ему было удобно, Татищев тоже не стеснялся выкладывать самые нелепые легенды о древности и величии славян, вроде легенды об амазонках или о некоем скифском (русском?) князе Анахарсисе, который будто бы учился в древних Афинах: конечно, в

этой новой мифологеме есть некоторый прогресс, поскольку превозносятся уже не только военные, но и (прежде всего) культурные ценности, и поскольку мы сталкиваемся с фактом новой оценки классической культуры; тем не менее, это не похоже на разрушение нелепых мифов, нацеленных на прославление славян (или русских), и значит, здесь не все в порядке с критическим духом. Но тут мы слишком отвлекаемся, пора подвести итог.

Нужно воздать должное Мыльникову в том, что он, среди прочего, сумел мастерски и с блеском использовать самые разные элементы и аспекты, к тому же столь многочисленные, что распорядиться ими — задача не из легких. Затем мне представляется весьма ценным умение автора постепенно анализировать взаимные влияния друг на друга историографов разных стран, вечное повторение из книги в книгу некоторых форм различных мифологем, важность некоторых итальянских моделей и одновременно отличие последних от их славянских "филиаций", типологические аналогии и расхождения в разных историко-культурных ареалах и реальностях, стадийность развития самих мифологем (и здесь хотелось бы подчеркнуть спокойствие, с которым автор воспринимает факт запоздалого русского участия в разработке западных тем, как славянских, так и европейских). Одним словом, мы имеем дело с замечательным плодом лучшей научной традиции русско-советской школы, но с внешней открытостью, и не только по отношению к западнославянскому миру, но и по отношению к западной Европе, что стало возможным в первую очередь благодаря широкому спектру историографических интересов Мыльникова: во-первых, чешская и, возможно, польская культура, но также и культура славянских меньшинств в Германии и южных славян; и естественно, как было сказано, восточнославянская культура, которая впервые рассматривается в столь органической связи с западными историографическими памятниками XVI и XVII вв., славянскими и европейскими. Возможно, этой огромной открытости по отношению к разным культурам способствовал также и климат, создавшийся в последние 10 лет в России: действительно, Мыльников занимается этими вопросами уже в течение тридцати лет, и, конечно же, собранный и изученный им материал был известен ему и в разгар "советской эры", тем не менее, можно предположить, что конечный продукт появился на свет в том числе благодаря общему культурному

обмену, который, хотя бы и неосознанно, произошел в последнее десятилетие.

В связи с этим культурным обменом, не можем не отметить, что он так и не позволил автору до конца преодолеть традиционную неполноту библиографической информации о том, что пишется за пределами славянского (и в особенности русского) мира, и о чем, возможно, русским ученым следовало бы постараться узнать немножко больше, потому что иной раз оно того стоит! Сошлюсь, во-первых, на одну любопытную и забавную, но, прежде всего, симптоматичную деталь. Мыльникову знакома статья о русском переводе Мавро Орбини, написанная десять лет назад Джузеппе Делль Агатай, известным итальянским славистом (мужчиной). Понятен и (увы!) нормален тот факт, что он цитирует статью в русской редакции журнала "Советское славяноведение", поскольку ему неизвестна вышедшая ранее итальянская версия, а также другие статьи Делль Агаты на эту тему. Следует заметить, однако (только лишь ради библиографической точности), что речь идет не о какой-то госпоже, итальянской исследовательнице по имени "Делль А.Д.", как (кириллицей) пишет Мыльников в библиографии на с. 93, а об итальянском ученом по фамилии Делль Агата и по имени Джузеппе.

Отметим, что в Италии и за ее пределами появились и другие исследования, посвященные теме представляемой книги (в частности Орбини с компанией), т.е. "героико-мифологической" историографии, эволюции "этническо-национальных" и территориальных (библейских, классических, эпических) мифов в историографии XVI и XVII вв., а также Дмитрию Туптало и Татищеву, — речь идет как об исследованиях, опубликованных в широко известных журналах, так и о сборниках международных славистических конгрессов. Автор этих исследований — пишущая эти строки. Долгие годы я стремилась углубить свои познания в данном вопросе, и — признаюсь — мне не попадались работы Мыльникова, точно так же, как и для него остались неизвестными мои работы, вероятно, главным образом потому, что они написаны не по-русски. Я хочу подчеркнуть не то, что тот или иной ученый упомянут или не упомянут, хотя бы потому, что каждый видит одни и те же феномены и вопросы со своей точки зрения и обнаруживает в них разные аспекты. Важно было бы попытаться найти такие решения, чтобы эти взаимные "незнакомства" могли быть преодолены, чтобы наладить плодотворное общение между учеными (довольно

редкими), которые занимаются этими вопросами, чем-то маргинальными по сравнению с более излюбленными темами. И все же эти вопросы – я уверена – важны для понимания основных аспектов культуры славянских стран в их эволюции. В заключение могу лишь еще раз повторить, что мы должны быть очень благодарны Мыльнику, сделавшему это огромное усилие ради обобщения всех сведений, касающихся недостаточно изученного вопроса, предлагая, между прочим, огромное количество указаний и отправных точек для новых исследований.

© 1999 г. Дж. Броджи Беркофф

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brogi Bercoff G. The Letopisec of Dimitrij Tuptalo, the Metropolitan of Rostov, in the Context of Western European Culture // Ricerche slavistiche. T. 39–40. 1992–1993. № 1. P. 293–364 (Contributi italiani al XI Congresso Internazionale degli slavisti (Bratislava, 1993)).

2. Brogi Bercoff G. The History of Christian Rus' in the Annales ecclesiastici of Cesar Baronius // Harvard Ukrainian Studies. XII–XIII. 1988–1989. P. 551–575; Brogi Bercoff G. The Cyrillo-Methodian Tradition and the Rus'ian Christianity in the Catholic Counterreformation // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to the Kiev and Moscow. Thesaloniki 1992. P. 521–534.
3. Brogi Bercoff G. V.N. Tatiščev: l'innovation et la tradition // Europa orientalis. 1986. T. V. P. 373–420 (Dall'opus oratorium alla ricerca documentaria: la storiografia polacca, ucraina e russa fra il XVI e il XVIII secolo); Brogi Bercoff G. Rhetorical reworking and ideological Background in the Istorija rossijskaja of V.N. Tatiščev // Europa orientalis. 1988. T. VII. P. 339–360 (Contributi italiani al X Congresso Internazionale degli Slavisti (Sofia, 1988)).
4. Brogi Bercoff G. Królewstwo Slowian. Myśl polityczna i historyczna pisarzy XV–XVIII wieku / Pod red. A. Nowickeiej-Jezowej. WL. Warszawa, 1998.

© 1999 г. Пер. П.В. Петрухина

Славяноведение, № 2

Л.В. ЗАБОРОВСКИЙ. *Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования.* М., 1998. Ч. 1: Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. 374, С.

В последние годы коллектив сотрудников Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН уделил самое пристальное внимание изучению важнейших проблем межрелигиозных отношений в интересующем нас ареале, начиная от распространения здесь христианства вплоть до раннего Нового времени [1–3] (отмечаю только работы, увидевшие свет). Одним из новейших результатов соответствующей работы стал рецензируемый труд – начало оригинального многочастного исследования, приуроченного к 2000-летию христианства и подготавливаемого благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Надо всячески приветствовать этот замысел, поскольку после достаточно удачных (хо-

тя и находившихся на не слишком высоком уровне археологии того времени) усилий российских публикаторов из разных городов империи во второй половине XIX – начале XX в. по введению в оборот источников по конфессиональной жизни в Восточной Европе XVI–XVIII вв., ни советской, ни в современной историографии нашей страны и ближнего зарубежья не было и нет специальных изданий подобного типа. Хорошо известны ценнейшие многотомные ватиканские публикации такого рода, но в них нашли отражение по преимуществу взгляды курии, католиков и униатов, а не православных, на развитие религиозной ситуации в регионе.

В первой части работы собраны документы по теме, относящиеся к периоду

гетманства Б.М. Хмельницкого, в основном к 1648–1656 гг.: от начала освободительной войны на Украине до русско-польских виленских мирных переговоров конца 1656 г. включительно, когда произошел резкий поворот во внешней политике царского правительства, отчасти изменивший позиции сторон в конфессиональной сфере (материал касается не только Украины, но и Великого княжества Литовского). Принятые хронологические рамки вполне оправданы. Это действительно был один из важных этапов истории, сыгравший во многих смыслах переломную роль в эволюции данной части континента. В частности, Л.В. Заборовский с полным основанием констатирует, что в те годы "тематика урегулирования религиозных отношений и споров в Восточной и частью Центральной Европе заняла, может быть впервые в истории, одно из главных мест в политике как задача государственная и межгосударственная. Итогом происходивших тогда на разных уровнях обсуждений стали крупные комплексы источников, отложившиеся в российских и иных архивах" (С. 16). Приведенные в труде 113 документов (фактически гораздо больше, так как часть их – многосоставные), конечно, далеко не все сохранившиеся по данной проблеме в разных фондах, а лишь представляющиеся автору наиболее важными и информативными в разных отношениях. Внимательное их штудирование подтверждает обоснованность сделанного отбора. Учитывая активную поисковую деятельность украинских коллег в их отечественных и польских хранилищах, Л.В. Заборовский с основанием счел целесообразным опереться по преимуществу на многочисленные собрания РГАДА, привлекая также некоторые львовские и киевские архивные материалы.

Время деятельности Б.М. Хмельницкого (с 1648 г.) – один из периодов, неизменно, вплоть до наших дней, привлекавший самое пристальное внимание исследователей и археографов, чьи усилия всегда вызывали широкий общественный резонанс. Количество изданий источников по проблематике весьма значительно, поэтому современному публикатору не приходится рассчитывать на крупные открытия на этой ниве. В рецензируемый труд поэтому включено немало уже известных документов. Но и переиздание их вполне оправданно, поскольку они разбросаны по многочисленным сборникам, среди источников самого разного содержания.

Кроме того, автор обращает внимание на

одно очень важное обстоятельство: немалое число ошибок (не типографских) при воспроизведении текстов в прежних публикациях. Необходимо согласиться со сделанными им на основе богатого опыта собственной работы выводом: "...Задача аутентичного воспроизведения текстов периода Хмельниччины (не сомневаюсь, что и более поздних – также), в том числе издававшихся раньше, является одной из актуальных для современных археографов" (С. 17). Иногда дело оказывается не в неточностях, а в устоявшейся традиции повторения из книжки в книжку одних и тех же вариантов документов, далеко не всегда лучшего качества. Два небольших, но важных примера. Выясняется, что даже знаменитая запись о Переяславской раде 18 января 1654 г. (С. 167–168) дается обычно не в первоначальном, а в несколько препарированном в статейном списке посольства В.В. Бутурлина виде. Л.В. Заборовский восстановил оригинальный текст письма, подготовленного для участников Земского собора в июне 1653 г. (С. 151–153), четко отделив его от аналогичного октябрьского документа того же года (во избежание дальнейшей путаницы полезно было бы опубликовать июньское письмо полностью).

Вместе с тем автору удалось выявить целый ряд очень ценных новых источников, причем разного типа: воеводские и т.п. отписки, расспросные речи, вестовые отписки приезжих в Москве, включая доставляемые ими копии документов отдельных видных деятелей Великого княжества Литовского; информация и отписки русских послов на Украине и в Польше, записи их бесед там с разными лицами; материалы дипломатических переговоров, переписка 1655 г. о деятельности высших православных иерархов гетманства и др.

Не вдаваясь в подробную содержательную оценку приведенного в работе документального материала, выделим все же несколько крупных комплексов. Немалая часть источников освещает позицию украинской православной церкви, причем с разных точек зрения: в официальных и тайных отношениях с властями Речи Посполитой, отчасти в контактах с руководством гетманства, в переговорах и взаимоотношениях с царским правительством и его представителями (с 1654 г.). Отсутствует "практика", т.е. деятельность церкви по обеспечению своих интересов на местах, но эта тема требует активного привлечения украинских архивов и сверх того неплохо представлена в старых публикациях. Очень

основательно выглядит часть документации, касающаяся религиозной политики гетманской администрации на разных этапах в переговорах с властями Речи Посполитой и с московским двором. Основные параметры позиций указанных контрагентов, в том числе в их двусторонних контактах, обрисовываются в издаваемых текстах достаточно полно. По-прежнему остаются неясными, скажем, роль патриарха Никона, вообще пути выработки курса московского двора (в том числе в сфере религии) и влияние отдельных групп и личностей в правящем слое; больше хотелось бы знать о деятельности в данной сфере главных фигур политической сцены Речи Посполитой (некоторый материал по этим вопросам имеется). Но все это задачи дальнейших штудий. В труде содержатся ценные данные о межконфессиональной ситуации в Великом княжестве Литовском, особенно в Белоруссии, как до русско-польской войны, так и после ее начала, о позиции представителей разных сословий. Имеются важные свидетельства о настроениях в широких кругах украинского общества, хотя поиск таких источников следует продолжить и расширить. Намечены религиозные аспекты русско-польско-украинского урегулирования в 1656 г., в том числе проекта избрания царя или его сына на престол Речи Посполитой, и др.

Книгу открывает содержательное вступление, в котором, среди прочего, дается краткая, но емкая характеристика ситуации в Речи Посполитой в первой половине XVII в. Автор вступления исходит при этом из представляющегося достаточно обоснованным постулата о том, что прочность нового (с 1569 г.) государственного образования во многом зависела от реальной интеграции в него Украины, с учетом интересов, в том числе религиозных, ее жителей. Л.В. Заборовский констатирует, что именно тогда имелись реальные шансы на достижение указанной цели, и определяет причины неудач соответствующих попыток. В отличие от прежних представлений, он полагает, что такие возможности (теперь – при посредничестве царского правительства) сохранялись позже, вплоть до лета 1653 г. (посольство Б.А. Репнина к Яну II Казмиру). Отмечаются также новые проблемы, возникшие в межрелигиозных отношениях в регионе с началом русско-польской войны, вплоть до ее временного прекращения в 1656 г.

Важные функции выполняют в работе подробные примечания – не только те, что им обычно присущи, а и гораздо более

широкие. В ряде случаев они превращаются в маленькие исследовательские этюды. Заметное место уделяется в них обрисовке конкретной исторической ситуации, в которой возникали документы, характеристике (при необходимости) политических курсов России, гетманства, Речи Посполитой, вызвавших появление того или иного источника. В таком качестве примечания, в сущности, примыкают к вступлению, продолжая нередко аналитическую линию применительно ко времени после 1648 г. Автор уделяет здесь особое внимание сюжетам, вызывающим споры в историографии либо недостаточно изученным, предлагая собственные оригинальные решения. Таковы, например, комплексы примечаний, посвященные посольству Б.А. Репнина в Речь Посполитую в 1653 г., переговорам между русскими и украинскими представителями 1654 г., виленской дипломатической дуэли 1656 г. с ее предысторией и ближайшими последствиями и др.

Очень полезны приложенные к книге высокочлассные указатели, хотя они не лишены технических огрехов. В списке авторов сохранились ошибочные отсылки на с. 364, 365, 367 (имеются в виду с. 341, 342, 344). В именованном указателе по недоразумению остались св. Василий, также с неверными отсылками, и Селивестр, у Василе Лупу указано только начало княжения, а у Сигизмунда II вообще "пропали" годы правления. С. Ланцкороньский – каштелян галицкий, упоминание Б. Радзивилла – на с. 222–223, у Хмеловского неправильная "добавка", надо: еп. Перемышльский 1652–1664. В географическом указателе следует исправить: Гадяцкий, Перемышльский и др. Эти примеры дают повод коснуться одного, вызывающего явную досаду момента: в книге вообще немало технических опечаток. Очевидно, при подготовке оригинал-макета автор в спешке не получил возможности провести завершающую корректуру текста. Отсюда, не говоря уж о мелких ошибках, такие "ляпы" как на с. 65, 69, 72, 75, 101, 102, 105, 106, 153 и др., а последние страницы примечаний кишат нелепыми ошибками! Это еще одно доказательство того, что пора вернуть такой скромный, но необходимый элемент издательской культуры, как список опечаток.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что исследователи и вообще читатели получили ценный труд. Будем ждать продолжения, надеясь, что и чисто техническая сторона окажется там на должной высоте.

1. Всесоюзная конференция "Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси" (Сборник тезисов). М., 1987.
2. Славяне и их соседи (Сборник). М., 1991.

Вып. 3: Католицизм и православие в средние века.

3. Брестская уния и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. М., 1996. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины.

Славяноведение, № 2

М. ФРЕЙДЕНБЕРГ. Очерки истории балканского еврейства. Я – историк. Тель-Авив, 1998. 122 С.

Новая книга израильского историка (бывшего заведующего кафедрой древнего мира и средних веков Калининского университета) состоит из двух частей. Первую часть составляют двадцать очерков, опубликованных в течение последних пяти лет в израильской русскоязычной периодике. Вторая часть представляет собой автобиографический очерк, в котором автор описывает свою жизнь и полувекую научную деятельность историка-балканиста, автора многочисленных работ, в том числе монографии "Дубровник и Османская империя".

Последние семь лет М. Фрейденберг занимается изучением истории балканского еврейства; в 1996 г. издательство "Гешарим" выпустило в свет его монографию "Евреи на Балканах на исходе Средневековья".

Рецензируемые очерки, в какой-то мере подводящие итог нескольким годам работы автора, характеризуются достаточно популярной формой изложения и некоторой электичностью, что, впрочем, вполне соответствует избранной форме.

Автор не ограничивается только еврейской тематикой. По "географическому" признаку очерки можно разделить на несколько групп, каждая из которых посвящена истории евреев в той или иной стране, и почти каждая начинается с краткого рассказа об этой стране. Особое внимание уделяет автор проблемам современной истории государств бывшей Югославии, поскольку очерки создавались в период войны на Балканах, нашедшей свое отражение на страницах книги.

Однако большая часть очерков посвящена истории балканских евреев, и здесь

нельзя не отметить, сколь широк диапазон затронутых автором вопросов. Это и история евреев-романиотов, обитавших в Греции в период Средневековья, которые, начиная с XV в., были постепенно ассимилированы бежавшими с Пиренейского полуострова сефардами; и связанная с этими последними проблема изгнания евреев из Испании, к которой в последнее время, в связи с пятивековым "юбилеем" этого печального события, обращено пристальное внимание историков; и многоцветная панорама жизни еврейского населения Сербии и Словении, Боснии и Хорватии на протяжении нескольких столетий. На землях Словении еврейско-ашкеназы появились достаточно рано, расцвет еврейской жизни на ее территории относится к XIV в., но уже к началу XVI в. евреи были изгнаны отсюда австрийским императором. В Хорватию евреи, напротив, приходят лишь в начале XVI в. – это вновь были бежавшие из Испании сефарды. В Новое время евреи расселяются уже по всему Балканскому полуострову, ставшему ареной многолетнего противостояния Габсбургской и Османской империй.

Отдельные очерки посвящены наиболее заметным еврейским центрам на Балканах, таким, как Салоники и Дубровник. М. Фрейденберг обращает особое внимание на общественную и частную жизнь еврейского населения, пытаясь, где это возможно, нарисовать максимально подробную картину его повседневных занятий. На страницах книги находится место и наиболее заметным отдельным представителям балканского еврейства, столь, например, различным, как рабби Исраэль Иссерлейн бен Петахья из Марбурга (Марибора), автор респонсов, слу-

жащих ценным источником при реконструкции повседневной жизни словенских евреев XV в., или венецианский сефард Даниэль Родрига, инициатор реконструкции сплитского порта в XVI в.

Как известно, большая часть балканского еврейства не пережила второй мировой войны, и в настоящее время лишь крайне немногочисленные еврейские общины

остались на этих землях, которые некогда принадлежали к крупнейшим центрам еврейской диаспоры. Безусловно, выход в свет первой книги на русском языке, в которой сделана попытка охватить весь спектр тысячелетней еврейской истории Балкан, — важное событие как для отечественной иудаики, так и для балканистики.

© 1999 г. А. Федорчук

К юбилею А.Г. Широковой

В ноябре 1998 г. российские слависты отметили важное научное событие – юбилей выдающегося ученого, создателя отечественной школы богемистов – Александры Григорьевны Широковой. Радостно сознавать, что А.Г. Широкова встречает эту рубежную дату своей жизни в добром здравии, полная творческих сил, неисчерпаемой энергии, пытливого любознательности, молодого научного и человеческого задора. Все это не может не вызывать восхищения у ее коллег и многочисленных учеников.

Вся жизнь юбиляра тесно связана с Московским государственным университетом, его кафедрой славянской филологии. На формирование научного облика А.Г. Широковой, выбор ею жизненного пути оказали большое влияние ее учителя – А.М. Селищев и Р.И. Аванесов.

Поступив на работу в МГУ в 1943 г., А.Г. Широкова прошла путь от преподавателя кафедры до профессора и многолетнего заведующего кафедрой. Здесь же она защитила кандидатскую диссертацию о восточнославянских земплинских говорах (1944), а в 1966 г. – докторскую диссертацию о многократных глаголах в чешском языке. За большую научно-педагогическую деятельность в стенах Московского университета А.Г. Широкова была награждена в 1980 г. орденом Дружбы народов.

Исключительно велики заслуги юбиляра в деле изучения и популяризации достижений чешской культуры (ср. хотя бы подготовленный ею сборник трудов чехословацкой лингвистики), в подготовке кадров славистов и в первую очередь богемистов. За огромные заслуги в развитии богемистики А.Г. Широковой в 1979 г. была присуждена ученая степень почетного доктора Карлова университета, а также серебряная медаль и почетный диплом. Узлы многолетней дружбы и научного сотрудничества соединили А.Г. Широкову с рядом видных представителей чешской науки, например, Б. Гавранком, Я. Беличем, А. Едличкой, Вл. Барнетом, П. Адамцем, П. Сгаллом и многими другими.

Нельзя не отметить широту научных интересов юбиляра: в поле ее зрения находятся как теоретико-методологические вопросы языкознания, так и конкретные исследовательские проблемы аспектологии, прагматики, социолингвистики, истории литературных языков, сопоставительного изучения славянских языков и т.д. А.Г. Широкова – тонкий и оригинальный исследователь, обладающий большой эрудицией и масштабным мышлением. Все это снискало ей заслуженный авторитет в научных кругах. Ее многочисленные публикации, широко востребованные лингвистической общественностью как в России, так и за рубежом, существенно обогащают современную науку. Немалую роль в этом играет то обстоятельство, что внимание ученого, как правило, привлекают контрастные явления, наиболее отчетливо отражающие специфику чешского языка, а также сопоставляемых с ним языков. Существенно и то, что А.Г. Широкова не боится затрагивать сложнейшие вопросы, являющиеся предметом научной полемики. Напомним в этой связи хотя бы ее статью "Из истории развития литературного чешского языка" (Вопросы языкознания. 1954. № 5), ставшую одним из импульсов развернувшейся впоследствии в Чехословакии лингвистической

дискуссии по важнейшим аспектам современной коммуникации на чешском языке.

А.Г. Широкова поддерживает активные и плодотворные контакты с Институтом славяноведения РАН, выступая в роли автора и ответственного редактора многих коллективных трудов, выполнявшихся в стенах Института. Большой научный резонанс получил, в частности, труд "Исследования по чешскому языку" (1963), созданный по инициативе юбиляра. Одной из задач этого труда была координация усилий богемистов из различных регионов Советского Союза на решение актуальных научных проблем. Важным было участие А.Г. Широковой и в других, более поздних коллективных трудах, посвященных изучению эпохи национального Возрождения, функционированию славянских литературных языков и т.д. В настоящее время она принимает участие в работе над международным проектом "Сопоставительное изучение инновационных процессов в славянских языках".

По инициативе и при самом деятельном участии А.Г. Широковой (как автора и как ответственного редактора – совместно с проф. Вл. Грабье) в рамках международного научного сотрудничества между Московским и Карловым университетами был создан коллективный труд "Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками" (М., 1984), явившийся важной вехой в развитии современной славистики, особенно сопоставительной. Версия этого труда годом позже вышла в Праге на чешском языке. В 1998 г. при авторском участии и под редакцией А.Г. Широковой вышел коллективный труд "Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков", для которого юбиляром была написана большая статья – "Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков".

Особое место в деятельности А.Г. Широковой занимает создание учебно-педагогической литературы, имеющей самостоятельное научное значение. Упомянем в этой связи учебник "Чешский язык" (М., 1961). В соавторстве с другими учеными ею были написаны "Чешский язык: Учебник для I и II курсов" (соавторы: П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская); "Учебник чешского языка: Для III–IV курсов" (соавторы: П. Адамец, Й. Влчек, Т.И. Константинова, Е.Р. Роговская). В 1990 г. в соавторстве с В.Ф. Васильевой и А. Едличкой был создан учебник "Чешский язык". Во всех этих публикациях А.Г. Широкова является не только автором основных разделов, но и ответственным редактором. Вряд ли будет преувеличением сказать, что данные учебники вошли в золотой фонд отечественной богемистики и славистики, они постоянно используются в практике преподавания.

Говоря о творческом пути А.Г. Широковой, следует особо выделить ее заслуги в деле воспитания и подготовки студентов и аспирантов. В этом особенно выразительно проявились такие характерные качества ее личности, как огромная энергия, строгость и требовательность не только к своим ученикам, но в первую очередь к себе самой, личное обаяние и исключительный темперамент, увлеченность своим делом, активность жизненной позиции.

Все мы, прошедшие школу обучения у Александры Григорьевны Широковой, полны к ней чувств глубокой благодарности, искренней признательности, оставаясь вместе с тем вечными должниками своего замечательного учителя.

© 1999 г. Г. Нецименко

ЛЕВ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЗАБОРОВСКИЙ

(1930–1998)

4 ноября скоропостижно скончался Лев Валентинович Заборовский.

Научные способности Л.В. Заборовского проявились уже на студенческой скамье – его дипломная работа по истории русского города XVII в. получила высокую оценку и была опубликована. Но путь его в науку оказался нелегким: он не сразу стал сотрудником научно-исследовательского института, но и потом много лет был вынужден заниматься полезной, но лично его совсем не интересовавшей работой по подготовке многотомного издания документов советской внешней политики.

Темой, которой посвятил свою жизнь в науке Л.В. Заборовский, стала история кризиса Речи Посполитой в середине XVII в., кризиса, который начался восстанием Богдана Хмельницкого в 1648 г. и достиг своей кульминации во время так называемого "Потопа" (1655). Изучение этой темы предъявляло высокие требования к исследователю (необходимо было ориентироваться в сложных, необыкновенно быстро менявшихся социально-политических и международных условиях), уметь читать "между строк" дипломатическую переписку на многих европейских языках, тем более к исследователю, не обладавшему изначально славистической подготовкой. Л.В. Заборовский, усвоивший от своего учителя, известного знатока источников XVII в. Л.В. Устюгова, убеждение, что писать о чем-либо можно лишь обладая доскональным знанием предмета, сумел быть на высоте этих требований. Он долго и тщательно готовил свои работы, не публиковал их, не овладев всем материалом источников, не разобрав тщательно всю имеющуюся литературу. Поэтому он опубликовал всего две книги ("Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе". М., 1981 и "Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656)". М., 1994), но выход каждой из них было событием, и после издания первой ни у кого не было сомнений, что ее автор – крупный специалист по истории Восточной Европы Раннего Нового времени.

Лев Валентинович не только прекрасно умел находить новые важные источники в море архивного материала, но и обладал редким умением подготовить их образцовые издания. Ряд публикаций документов XVII в., осуществленных им, благодаря тщательной передаче текста и необыкновенно подробным и не менее тщательно выполненным комментариям, максимально облегчают исследователям работу с этими источниками. В конце жизни у Льва Валентиновича возник замысел издания монументальной публикации документов, в которой с исчерпывающей полнотой была бы освещена история религиозных конфликтов, потрясавших Речь Посполитую в середине – второй половине XVII в. Совсем недавно увидел свет первый том этой публикации "Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого".

Лев Валентинович был наделен блестящими организаторскими способностями, редким умением налаживать контакты с самыми разными людьми, и эти способности он щедро ис-

пользовал в интересах своего коллектива – сотрудников сектора, а затем отдела средних веков. Они ярко проявились во время его многолетней работы ученым секретарем сектора средних веков Института славяноведения и балканистики, в значительной мере именно благодаря ему, несмотря на все объективные трудности, постоянно проводились научные конференции "Славяне и их соседи" и издавались труды научной серии под тем же названием. Это – его неоценимый вклад в развитие славистической медиэвистики.

Лев Валентинович Заборовский был обаятельным, необыкновенно живым, полным энергии человеком, энергии, которая совсем не ослабевала с годами, поэтому так поразило всех известие о его внезапной смерти.

© 1999 г. Отдел истории средних веков
Института славяноведения РАН

Славяноведение, № 2

ПАМЯТИ МИРОСЛАВА ЯНАКИЕВА

9 ноября 1998 г. ушел из жизни видный болгарский ученый-филолог, профессор Софийского университета Мирослав Янакиев.

М. Янакиев родился 19 августа 1923 г. в Софии. В 1943 г. он закончил Первую мужскую гимназию в Софии, получив весьма основательную подготовку в области гуманитарных наук. Затем он поступил на отделение славянской филологии Софийского университета и в 1947 г. защитил дипломную работу "Свидетельские и несвидетельские глагольные времена в истории болгарского языка". Известный языковед проф. К. Мирчев рекомендовал М. Янакиева на должность ассистента кафедры болгарского языка. В 1963 г. Янакиев стал доцентом, а в 1979 г. – профессором Софийского университета.

История языка была в центре лингвистических интересов М. Янакиева. Об этом свидетельствуют и его публикации по различным аспектам исторической грамматики, и выполненные под его руководством курсовые и дипломные работы в Софийском и Московском университетах. Особое место среди трудов Янакиева как историка языка занимает подготовленная им в соавторстве со Ст. Стояновым хрестоматия "Старобългарски език. Текстове и речник". За первым изданием 1956 г. последовало еще несколько, и до сих пор эта книга является образцом пособия для изучающих древнеболгарский и старославянский языки.

Однако не только история языка была предметом научных изысканий М. Янакиева. Трудно даже назвать все сферы филологии и смежных наук, которыми он занимался. Грамматика современного болгарского языка, стиховедение, стилистика и культура речи – вот неполный перечень его интересов. М. Янакиев разрабатывал теоретические проблемы психолингвистики и социолингвистики, сравнительной грамматики славянских языков, основы письменности и фонологии. В своих работах он применял структурный анализ, особенно же его привлекали точные методы в языкознании, математическая лингвистика и информатика. Глоттометрический анализ языковых данных составляет основу целого ряда его исследований.

Идеи М. Янакиева столь смелы и нетрадиционны, что вызывали порой жаркие научные дискуссии. М. Янакиев знал, что его идеи иногда воспринимаются в штыки, но никогда не шел на компромиссы и всегда отстаивал свои гражданские и научные позиции. Однако в научной среде значительно больше тех, кто считает работы ученого выдающимися. Книга по стиховедению (Българско стихознание. София, 1960), по стилистике (Стилистиката и езиково обучение. София, 1977) стали известны в России, в частности благодаря рецензиям И.И. Ревзина, В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана. Труды болгарского филолога высоко ценил профессор

С.Б. Бернштейн. Ныне работы М. Янакиева по истории языка, грамматике, стилистике и стиховедению считаются классическими, входят в список обязательной литературы для студентов-филологов.

В 1969 г. М. Янакиев отправился "в добровольное изгнание" в Москву, где по 1984 г., с перерывом в один год, преподавал болгарский язык на кафедре славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Преподавание родного языка как иностранного он возвел в ранг искусства и добился значительных высот, разработав методику занятий в лингафонных кабинетах. Своих студентов он учил не только разговорной речи, что обычно требуется от лекторов – носителей языка. Каждое занятие для М. Янакиева было творческим актом. Профессор обладал даром преподавания, даром общения с людьми и особым, как считают болгарские коллеги, "янакиевским" гуманизмом (об этом писал А. Иванов во вступительной статье к сборнику в честь 70-летия ученого [Сборник от научных трудов, посвящен на семидесятилетие профессора Мирослав Янакиев. София, 1993]). Не случайно столько времени он отдавал подготовке экспериментальных школьных учебников, не случайно в последние годы жизни он вошел в авторский коллектив, который создал турецкий и цыганский буквари. И, конечно, особо следует отметить лекторскую деятельность М. Янакиева. Он читал лекции и проводил семинары по самым различным вопросам языкознания, педагогике и психологии и информатики как в Болгарии, так и за рубежом.

М. Янакиев принадлежал не только болгарскому научному сообществу, но и русскому. Он знал русский язык так, как не знают его многие из тех, для кого он является родным. Знание языков, широта интересов М. Янакиева всегда впечатляли тех, кому приходилось беседовать с ним. Спектр и глубина его знаний намного превосходили тематику публикаций – профессор не стремился к обязательной фиксации своих идей в письменном виде. Он щедро делился мыслями и соображениями с учениками и коллегами, поэтому многие сейчас уже известные лингвисты могут сказать, что их работы написаны под воздействием или в развитие идей М. Янакиева.

Профессор не ограничивался гуманитарными науками, он обладал глубокими познаниями в математике и кибернетике, в логике и даже в анатомии. Своими исследованиями, лекторской деятельностью М. Янакиев постоянно доказывал, как много может дать соединение научных дисциплин.

Гармоничное соединение если не всех, то многих научных воззрений М. Янакиева и обобщение его практической работы представляет собой "Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком". Этот колоссальный труд, компендиум знаний не только по болгарскому языку, но и по теоретическому языкознанию был подготовлен профессором к печати в соавторстве с долголетним коллегой, единомышленником и близким другом Н.В. Котовой. Будем надеяться, что книга скоро выйдет в свет и обогатит знаниями не одно поколение лингвистов.

Вечная память замечательному ученому и человеку.

© 1999 г. *И.А. Седакова*

CONTENTS

ARTICLES

To the V.L. Yanin's Anniversary	3
<i>Litavin G.G.</i> (Moscow). The Varangians and Byzantine Woman.....	4
<i>Florya B.N.</i> (Moscow). The Prince, Novgorod and Weights and Measures at the Novgorod Mark...	7
<i>Melnikova E.A.</i> (Moscow). Schandinavian Personal Names in the Novgorod Birch Bark.....	10
<i>Belyaev L.A.</i> (Moscow). On the Sources of the "God's Coffin" Iconography in the Novgorod XIII– XV Centuries Plastic Arts.....	16.
<i>Petroukhin V.Ya.</i> (Moscow). Gostomysl: to the History of Literary Personage.....	20

* * *

<i>Moshkova L.V., Turilov A.A.</i> (Moscow). The New Monument of Old Slavic Hymnography (Kli- ment's of Ochride Canon to the Virgin's Assumption).....	24
<i>Gordeev M.Yu.</i> (Minsk). New Data to the Simeon Polotsky's Biography: the Testament of Enlig- htener's Mother	37
<i>Signorini S.</i> (Florence). The Image of Rome and Italy in the Grigory Skibinsky's Work (XVII–XVIII Centuries)	48
<i>Father-Superior Innocenty (Pavlov).</i> (Moscow). Slavia Orthodoxa in XVIII – Beginning of XIX Centuries and the Church-Elucidative Works of Sofrony Vrachansky	60
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). Some Questions of the Morpheme Articulation in the Old Slavic Language (to the Statement of the Question)	67

COMMUNICATIONS

<i>Vasiliev M.A.</i> (Moscow). The Eve of Russia' Baptism: "the Seeing-off-Burial" of the Kiev Idols Perun and Volos.....	79
<i>Medvedeva K.T.</i> (Moscow). The Vienna Peace and the Preconditions for the Creation of the Class Confederation in 1608.....	85
<i>Lomagistro B.</i> (Urbino). The Notions of "Language" and "Orthodoxy" by Matthew Karaman.....	93
<i>Kazakova I.O.</i> (Moscow). Some Observations on the Onomastics in the Yugoslavian Folk Songs in XVII–XVIII Centuries.....	98

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Molchanov A.A. L.A. Belyaev.</i> The Old Russian Closters (End of XII – Beginning of XV Cent.) in the Light of the Archeology Data	105
<i>Sofronova L.A. Plyuchanova.</i> The Plots and Symbols of the Moscow Kingdom.....	109
<i>Brodgie Berkoff G. A.S. Mylnikov.</i> The Image of Slavic World: Views from Eastern Europe. Ethnic-Genetic Legends, Conjectures, Proto-Hypotheses in XVI – Beginning of XVIII Cen- turies.....	111

<i>Turilov A.A.</i> L.V. Zaborovsky. The Catholics, Orthodox Christians, Members of Uniate Church. The Questions of Religion in the Russian-Polish-Ukrainian Relations in the End of 40ies – 80ies, XVII Century. Documents. Researches	117
<i>Fedorchouk A. M.</i> Freidenberg. Essays of the History of Balkan Jewry. I am a Historian	120

PERSONALIA

To the Anniversary of A.G. Shirokova	122
--	-----

* * *

In Memoriam of Lev Valentinovich Zaborovsky (1930–1998).....	124
In Memoriam of Miroslav Yanakiev	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 09.12.98	Подписано в печать 19.02.99	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отт. 6,5 тыс.
	Тираж 614 экз. Зак. 2258	Уч.-изд.л. 12,2 Бум.л. 4,0

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Б Ь Е Д И Н Е Н Н Ы Й КАТАЛОГ '99

российские и зарубежные
газеты, журналы, книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

АФР

Агентство Подписки России

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

АРПИ

Агентство по распространению
печати, радиотелевизионной и видеотехники

УГОДИЕ